ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
СИЦИЛІИ.

SCYLLAEUM
Scilla

Aen Lib. I, 200.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
СИЦИЛІИ,
въ 1822 году.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
СИЦИЛІИ,

ВЪ 1822-МЪ ГОДУ;

А. Норова.

L'Italie et la Grèce ensemble confondues...

(S^t. Victor. *le Voyage du poëte.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1828.

[library stamp]

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, предоставлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. Апрѣля 5 дня 1828 года.

Цензоръ Павелъ Гаевскій.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 930/2

ИЗЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА

древнихъ Сиракузъ.

1. Устье большой гавани, (8 спад. въ шир.) загражденное Сиракузянами посредствомъ судовъ, связанныхъ между собою цѣпями. (Θук. VII. 59.)
2-3. Пристанище Аѳинскихъ кораблей, защищенное сваями (Θ. VII. 38.)
4. Аѳ. корабли прикрывавшіе поврежденный флотъ. (Θ. VII. 38.)
5. Бухта, куда были пришѣснены корабли Эвримедона (Θ. VII. 52.)
6. Небольшая *мола*. (Θ. VII. 53.)
7. Полевыя укрѣпленія Аѳинянъ. (Θ. VI. 66.)
8. Укрѣпленія Сиракузянъ направленныя отъ города чрезъ болото и ровъ, вырытый ими, дабы воспрепятствовать Аѳинянамъ продолжить ихъ укрѣпленія до моря. (Θ. VI. 101.)
9. Торжище съѣстныхъ припасовъ, учрежденное Сиракузянами по совѣту Аристона, для того чтобы мореходцы не отдалялись отъ кораблей своихъ. (Θ. VII. 39.)
10. Сваи прикрывавшія Сиракузскую верфь или арсеналъ.
11. *Діатихизма*, или стѣна отдѣлявшая Орѳигію отъ Акрадины. (*Діод.* XIV. 12. — *Плутархъ*, въ ж. Діона. 30.)
12. Входъ въ подземелья Орѳигіи.
13. Дворецъ Верресовъ.
14. Замокъ Маніація.
15. Ключь бьющій со дна моря (Ochio della Zilica), названный: *Алфей*.
16. *Косвенная* стѣна Сиракузянъ. (Θ. VI. 99.)
17. *Простая* стѣна Сиракузянъ, построенная наискось Эпиполя. (Θ. VII. 4—6.)
18. Ворота. (Θ. VI. 100.)
19. Двойная стѣна Аѳинянъ.
20. Проломы, или Θукидитовы βάσιμα, aditus per intervalla. (*Vid. Göller.*)
21. Стѣна Аѳинянъ направленная къ морю отъ высотъ Эпиполя, по краямъ болота. (Θ. VI, 101. — VII. 4.)
22. *Галеагри* или Греческая лѣстница (ворота), гдѣ происходила размѣна плѣнныхъ между Сиракузянами и Аѳинянами, во время

коей Римскій воинъ счелъ число камней составлявшихъ высоту стѣны. (Т. Лив. XXV, 23.)

23. Стѣны, построенныя Тираномъ Діонисіемъ въ 20 дней, 60-ю тыс. людей и 6-ю тыс. воловъ.

24. Замокъ Діонисія Тирана, нынѣ замѣщенный крѣпостными укрѣпленіями.

25. Крыльцо высѣченное въ приморской скалѣ.

26. Остатки древнихъ сводовъ, особеннаго построенія.

27. Стѣны Акрадинскія.

28. Наружные и подземные водопроводы.

29. Водопроводы направленные отъ Лапомій, находящихся неподалеку отъ замка Лабдала, и снабжавшіе городъ водою посредствомъ другихъ подземныхъ водопроводовъ, изъ подъ скалы, названной Оукидидомъ *acraion lepas*, (нынѣ, слѣдуя *Арецію* и *Клуверію*, — Monte *Criniti*, а слѣдуя Бонани: (Syrac. illustr.) — тотъ холмъ, который находится по дорогѣ отъ *Бельведере* къ долинѣ называемой *Piano dell' Aguglia*.)

30. Гробовыя спогны.

31. Мѣсто, откуда Маркеллъ обозрѣлъ Сиракузы наканунѣ покоренія сего города. (Т. Лив. XXV. 24.)

32. Древніе колодцы.

33. Палаты *о шестидесяти ложахъ*, такъ названныя по числу *возлежащихъ* за пиршествами Тирана Агаѳокла, по образцу Діонисіевыхъ *30-ти ложъ*. (См. *Аѳинея*. Кн. XII.)

34. Мѣсто, гдѣ находился храмъ длиною въ 1 спадію, построенный Діонисіемъ.

35. Бани Дафниса, Лирическаго Поэта.

36. Остатки отъ портиковъ. (Стр. 25.)

37. Термы, называемые: *Венерины*. (Стр. 78.)

ПЛАНЪ
ДРЕВНИХЪ СИРАКУЗЪ
къ Путешествію по Сициліи
въ 1822 г.
А.Н.
и для поясненія книгъ VI и VII
ѲУКИДИТА
и XXIV и XXV
Т. ЛИВІЯ.
ЕВРІАЛЪ
ЛАБДАЛЪ
Укрп. Сиракуз.
Хр. Ціаны
ОЛИМПІУМЪ
ПОЛИХНЕ
Хр. Иракла
БОЛЬШОЙ ПОРТЪ
ОРТИГІЯ
ПЛЕММИРІЙ
НЕАПОЛИСЪ
Хр. Аполлона Теменита
Амфитеатръ
Театръ
Латоміи Діонисія
Катакомбы
Форумъ
Хр. Фортуны
ТИХА
ЭПИПОЛЫ
АКРАДИНА
ТРОГИЛЪ
Портъ Трогила
Станъ Маркелла
Торжественная колонна Маркелла
Путь Мегарійскій
Вхадъ въ подземелья
Ворота Акрадинскія
МОРЕ ЭГЕЙСКОЕ
Стадія
Тыс: Римс:
Миля Нѣмецкая

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы:		Стран.
XVII.	Плаванье отъ Мессины до Катаніи. — Ачи-Реаль. — Катанія.	1.
XVIII.	Дорога отъ Катаніи до Сиракузъ.	15.
XIX.	Сиракузы: — Островъ Ортигія.	22.
XX.	Сиракузы: — Островъ Ортигія. — Источникъ Аретузы.	36.
XXI.	Сиракузы: Предмѣстіе Акрадина. — Катакомбы. — Латомін.	50.
XXII.	Сиракузы: — Большой портъ — Рѣка Анаписъ. — Источникъ Ціаны.	68.
XXIII.	Сиракузы: — Предмѣстія: Тиха, Неаполисъ и Эпиполь.	77.
XXIV.	Ночь на развалинахъ замка Лабдала.	88.
XXV.	Ното. — Долина Испика. — Палацоло и возвратъ въ Сиракузы.	100.
XXVI.	Обратный путь изъ Сиракузъ въ Катанію. — Г. Августа.	112.
XXVII.	Катанія.	117.
XXVIII.	Катанія.	127.
XXIX.	Катанія. — Поѣздка къ Циклоповымъ островамъ.	137.
XXX.	Взглядъ на Исторію Этны.	147.
XXXI.	Этна.	154.

XXXII. Этна. . . . . 165.
XXXIII. Дорога отъ Николози до Таормины. . 184.
XXXIV. Таормина. — Береговый путь до Мессины. 192.
XXXV. Мессина. . . . . 206.
XXXVI. Мессина. . . . . 217.
XXXVII. Калабрійскій берегъ. — Реджіо. . . . . 228.
XXXVIII. Окрестности Реджіо. — Сцилла. — Отплытіе изъ Сициліи. . . . . 235.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
СИЦИЛІИ.

ГЛАВА XVII.

Плаванье отъ Мессины до Катаніи. — Ачи-Реаль. — Катанія.

Lor s'offri di lontano oscuro un monte
Che tra le nubi nascondea la fronte,....
Come quel, che d'Encelado é sul dosso;
Che per propria natura il giorno fuma
E poi la notte il ciel di fiamme alluma.

(Tasso. Gier. XV. 33 — 34.)

Мы отплыли изъ Мессины въ пять часовъ по полудни, при хорошемъ вѣтрѣ. Нашъ путь лежалъ прямо черезъ грозную пучину, Харибду. Читатель въ правѣ спросить у меня тоже, что Сенека спрашивалъ у друга своего, Луцилія, путешествующаго по Сициліи: „соотвѣтствуетъ ли Харибда баснословнымъ преданіямъ о ней? — и что въ нихъ истиннаго?“ Постараюсь отвѣчать на это.

Сей знаменитый водоворотъ, безъ баснословныхъ вымысловъ, до сей поры довольно опасенъ мореплавателямъ; но въ отдаленные вѣка, былъ онъ несравненно страшнѣе, потому что проливъ былъ гораздо уже; Плиній Натуралистъ (1) опредѣляетъ ширину его, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, только въ 1500 шаговъ; Діодоръ — около 125 шаговъ болѣе; (2) и многіе другіе древніе писатели вообще мало разнствуютъ межъ собою въ назначеніи сего размѣра. (3) Поэты еще болѣе уменьшили сіе разстояніе: Гомеръ говоритъ, что отъ Сциллы до Харибды можетъ перелетѣть стрѣла; а Силлій-Италійскій, что лай собакъ и даже пѣніе птицъ слышны съ противныхъ береговъ Италіи и Сициліи. (4) Теперь же, самое малое разстояніе пролива заключаетъ въ себѣ съ лишкомъ три версты. Весьма естественно, что порывъ моря былъ тогда сильнѣе; водоворотъ, составленный изъ двухъ противныхъ теченій Іонійскаго и Тирренскаго морей, гораздо дѣйствительнѣе; а мореплаваніе находилось еще въ своемъ младенчествѣ: все это объясняетъ грозную славу Фаросскаго пролива. Я теперь буду говорить объ одной Харибдѣ, и прежде всего выпишу знаменитое Гомерово описаніе, на которомъ основаны всѣ вымыслы о ней. „Ты узришь, Одиссей (воспѣваетъ

---

(1) Lib. III, c. 8.
(2) Lib. VI.
(3) См. Cluv. Sic. ant. p. 62. — 4.
(4) Lib. XIV.

великій поэтъ) — другую скалу, (1) гораздо нижайшую и столь близкую отъ первой, что пущенная тобою стрѣла легко можетъ перелетѣть туда. На сей скалѣ произрастаетъ высокое и широколиственное фиговое дерево; подъ тѣнію его, богиня Харибда поглощаетъ черныя волны. Три раза въ день она изрыгаетъ ихъ, и три раза опять въ себя принимаетъ. Спрашись приблизиться къ ней, когда она поглощаетъ волны. Тогда, ни самъ Посейдонъ не въ силахъ избавить тебя отъ погибели.“ (2) Въ другомъ мѣстѣ:

„Тамъ божественная Харибда страшно поглощаетъ соленыя волны. Когда же она ихъ изрыгаетъ, то, подобно раскаленному котлу съ кипящею водою, крутится — и къ верьху бьетъ пѣной, — и вся въ разъяреніи, объ скалы окропляетъ. Когда же она поглощаетъ соленыя волны морскія, то вся возмущенная внутренность ея разверзта; ужасный шумъ потрясаетъ скалы, и дно ея, покрытое черною тиною, видно.“ (3)

Приближаясь къ маяку Св. Сальвадора, возлѣ коего она находится, я искалъ внимательнымъ взоромъ по взволнованному морю слѣдовъ сего знаменитаго феномена, и вскорѣ замѣтилъ безъ труда, что межъ тѣмъ, какъ вездѣ правильныя небольшія волны слѣдовали дуновенію вѣтра, —

(1) Передъ симъ описана скала Сциллы.
(2) Odyss. lib. XI.
(3) Id.

одно токмо небольшое пространство, въ видѣ круга, имѣющаго десять или двѣнадцать саженей въ окружности, отличалось особенными волнами, кои на семъ мѣстѣ плескались къ верху острыми конусами, съ чрезвычайной быстротой, и какъ будто бы кипѣли отъ подводнаго огня, или какъ бы не зная настоящаго своего направленія, бросались туда и сюда. Мы смотрѣли на это зрѣлище, придерживаясь къ песчаной косѣ Св. Сальвадора; но усиливающееся волненіе принудило насъ взять въ глубь, — и для избѣжанія водоворота, который могъ бы сдѣлаться для насъ пагубнымъ, мы быстро направились, пользуясь вѣтромъ, къ берегамъ Калабріи.

Харибда называется Мессинцами *Гарофало* (*Garofalo*). Въ хорошую погоду, при попутномъ вѣтрѣ, водоворотъ сей совсѣмъ не опасенъ, особенно для здѣшнихъ кормчихъ, знающихъ направленіе разныхъ теченій сего пролива; но теченія сіи столь перемѣнчивы, что ихъ весьма трудно опредѣлить: — они обыкновенно мѣняются чрезъ каждые шесть часовъ. Корабли, даже и при бурномъ вѣтрѣ, если только онъ не противенъ теченію, проходятъ безъ опасности чрезъ Харибду; въ противномъ случаѣ, погибель ихъ неминуема. Но безвѣтріе почти также опасно для кораблей въ семъ мѣстѣ, какъ и буря; не въ состояніи будучи тогда дѣйствовать ни рулемъ, ни парусами, они увлекаются порывомъ теченія и разбиваются или о песчаную косу Харибды или о скалы Сциллы. Малыя же суда, когда они попадаютъ на Ха-

рибду во время бури, водоворотъ приводитъ въ круженіе и опрокидываетъ, но не вовлекаетъ въ себя, — какъ то многіе думаютъ. Мысль, что Харибда вовлекаетъ корабли на дно моря, устрашала мореходцевъ даже во время Римлянъ. Вотъ что говоритъ о ней Сенека: „ты узришь баснослов„ную Харибду; она спокойна, пока не подымается „южный вѣтеръ, но коль скоро начнетъ онъ дуть „съ силою, то обширный и глубокій зѣвъ ея погло„щаетъ корабли.“ (1) Ужасная глубина моря около Харибды еще доселѣ не опредѣлена, самыя тяжелыя гири увлекаются стремленіемъ теченія, недостигая дна; нѣкоторыя измѣренія близъ береговъ, показали отъ 6-ти до 7-ми сотъ футовъ глубины.

Достигнувъ надлежащей высоты посреди пролива, мы переставили паруса, и полетѣли въ Іонійское море; но вѣтеръ не замедлилъ намъ сдѣлаться противнымъ, когда мы едва еще прошли мысъ *Али*. На востокѣ синѣлъ Калабрійской мысъ *Зефировъ*, нынѣ *Спартивенто* (Spartivento), т. е. *раздѣляющій вѣтры*. Мысъ сей есть самая южная точка Италіи, откуда открываются пути въ Адріатическое море и въ Мессинскій проливъ. Съ захожденіемъ солнца, вѣтеръ насъ совершенно оставилъ; толпы дельфиновъ окружили наше судно; они прыгали изъ волнъ одинъ за другимъ; имъ подражали и другаго рода рыбы. Мы почти не двигались съ мѣста посреди сего много-

(1) Videbis stratam illam fabulosam Charybdim, quam diù ab Austro vacat; at si quid inde vehementius spiravit, magno hiatu profundoque navigia sorbentem. *(Consolat. ad Marc.* c. XVII.)

рыбнаго, веселящагося общества, которое ушѣшало насъ въ потерѣ вѣтровъ. Это зрѣлище походило на что-то фантастическое. Межь пѣнъ, дымящаяся вершина Этны начинала освобождаться изъ за облаковъ, возносясь надъ громадами береговыхъ скалъ. Ночью мы приблизились къ берегу, и принуждены были, какъ и прежде, требовать помощи воловъ, и они привлекли насъ на разсвѣтѣ къ ужаснымъ скаламъ мыса *С-то Алессо* (древній *Ареніумъ*); мы остановились подъ его нависшими сводами въ ожиданіи вѣтра. Этотъ мысъ есть страшилище Сицилійскаго берега; трудно вообразить скалы уродливѣе тѣхъ, которыя его составляютъ: — глубокія пещеры, изрытыя въ нѣсколько столѣтій, волнами, зіяютъ у ихъ подошвы; гулъ, раздающійся въ нихъ, страшенъ, и напоминаетъ Сциллу. Тамъ часто скрываются чудовища, не баснословныя, но весьма существенныя, а именно: такъ называемыхъ pesci-cani, (буквально: *рыбы-собаки*) пожирающія иногда людей; я купался на семъ берегу; но матрозы запрещали мнѣ далеко отплывать и приближаться къ симъ пещерамъ, не смотря на то, что онѣ кажутся жилищами Нядъ. Волны, ударяя безпрестанно въ скалы, образовали въ нихъ родъ скамей, какъ бы нарочно сдѣланныхъ рукою искуства.

Intus aquae dulces, vivoque sedilia saxo,
Nympharum domus . . . (1)

Мѣсто сіе похоже на *Протеево* жилище, (въ четвертой пѣснѣ Виргиліевыхъ Георгикъ.) Отды-

(1) Virg. Aen. L. I, v. 167 — 8.

хающіе на песчаномъ берегу волы, казались мнѣ стадами *многообразнаго* бога; сюда, часто привлеченные палящимъ зноемъ солнца, выходятъ изъ пучинъ морскіе чудовищные жители:

Sternunt se somno diversae in litore phocae (1)

и дѣлаются иногда добычею промышленныхъ рыбарей.

Съ поднявшимся поутру вѣтромъ, мы оставили мысъ Алессо; обходя оный, я замѣтилъ въ немъ новыя красоты: скалы его образуютъ сквозные своды, подъ которыми могутъ укрываться рыбачьи лодки; южная сторона представляетъ во всю высоту совершенно отвѣсную каменную стѣну. Ветхій замокъ вѣнчаетъ дикую вершину сего мыса.

Вскорѣ, болѣе живописный и болѣе величественный мысъ *Таормино*, съ цѣлымъ городомъ и нѣсколькими замками, стоящими на ребрахъ и шпицахъ его скалъ, — обворожилъ мои взоры. Давно уже куряцаяся вершина колоссальной Этны господствовала надъ нами и надъ всѣмъ горизонтомъ; — но, прошедъ мысъ Таормино, сей огнедышащій исполинъ предсталъ во всемъ величіи — и нося на мощныхъ раменахъ своихъ множество городовъ и селеній, сады и лѣса, словомъ сказать, цѣлую область, цвѣтущую подъ спрашнымъ по-

(1) Id. Georg. IV.

кровомъ его, — упирался огромнымъ основаніемъ въ ревущее море. Полоса дыма протягивалась отъ вершины грознаго волкана чрезъ все небо. Всѣ прочіе очаровательные предметы исчезли предъ моими глазами, при видѣ сего страшилища южной Европы; увидѣвъ Этну, я долго ничего не видѣлъ, кромѣ ее; все, читанное мною о семъ дивномъ феноменѣ, возобновилось въ моемъ воображеніи, — и я не замѣтилъ, какъ мы пристали къ черными утесамъ *Ачи-Реаля*. Угольный цвѣтъ ихъ невольно обращаетъ на нихъ вниманіе, — и вы скоро узнаёте, что всѣ сіи черныя громады суть охладѣвшіе потоки лавы, нависшіе многими слоями надъ безднами моря. Путешественникъ, съ первымъ шагомъ на берегу Этны, еще весьма далеко отъ страшнаго ея святилища, — пораженъ уже величественнымъ ужасомъ; онъ узнаётъ берега Гигантовъ и Циклоповъ, грозу мореходцевъ древняго міра и предметъ высокихъ пѣсней поэтовъ!

Берегъ сей можетъ погрузить въ задумчивость Натуралиста и Философа. Лава, изъ которой онъ составленъ, имѣетъ, какъ я сказалъ, множество слоевъ, различной древности и разныхъ оттѣнокъ; тамъ можно начесть до двадцати слоевъ такой лавы, которая уже оземленѣла. Геологи соглашаются, что лава превращается въ землю не прежде, какъ чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, — и многіе Натуралисты доказываютъ симъ настоящую древность нашей планеты. По ихъ предположеніямъ, двадцать слоевъ оземленѣвшей лавы

въ берегахъ Ачи, показываютъ 40,000 лѣтъ существованія земнаго шара; но ихъ предположенія въ семъ случаѣ ошибочны, ибо Этна изрыгаетъ не одну лаву, но иногда потоки грязи или глинистой золы, которыя дѣлаются способными для растеній. Но древность Этны и вмѣстѣ съ симъ земнаго Шара, могутъ справедливѣе доказать раковинные слои, — слѣды потопа, находящіеся на большой высотѣ и лежащіе на слояхъ лавы.

Карантинные чиновники *Ачи-Реаля*, заставили насъ долго дѣлать наблюденія надъ береговою лавою сего города. Нѣтъ ничего несноснѣе обрядовъ, коимъ подверженъ всякій разъ путешественникъ, пристава къ берегамъ Сицціи; хотя бы онъ приплылъ на рыбачьей лодкѣ, съ разстоянія двухъ или трехъ миль, но всегда долженъ быть освидѣтельствованъ карантиномъ, и вездѣ платитъ за это пошлины. Правительство употребляетъ сіи обряды болѣе для удостовѣренія своего въ лицахъ, пристающихъ къ берегамъ. Получа разрѣшеніе, мы употребили болѣе получаса для достиженія береговой вершины по ступенямъ, изсѣченнымъ въ лавѣ, живописными переломными линіями; навьюченные ослы безпрестанно заграждали намъ путь; наконецъ мы вступили, пробираясь сквозь толпу, въ необыкновенно-шумный городъ, торжествующій тогда одинъ изъ своихъ годовыхъ праздниковъ, — въ честь *Венерѣ*, хотя ни въ какомъ Христіанскомъ календарѣ не существуетъ сего имени. Каждая Сицилійская деревня обре-

чена какому нибудь святому, или даже фантастическому существу. Этотъ народъ до сей поры не можетъ разстаться съ Миѳологіею Грековъ, которая очень сродна ихъ распаленному воображенію. Мы захватили только конецъ праздника Венеры, то есть остатки иллюминаціи и фейерверка; но мы застали еще ярмонку: всѣ улицы уставлены были палатками съ товаромъ и усѣяны шумящими покупщиками и веселящимся народомъ.

Городъ Ачи хорошо выстроенъ; онъ заключаетъ 15 тысячъ жителей и производитъ изрядный торгъ шелковыми тканями, а болѣе всего полотномъ. Землетрясеніе 1818 года было для него пагубно; но слѣды онаго почти совсѣмъ изгладились. Здѣсь, во времена Римлянъ, былъ городъ *Acis Aquilea*, такъ названный по имени Римскаго военачальника.

Мы едва могли найти здѣсь одну неопрятную комнату, для ночлега; всѣ домы были наполнены пріѣзжими. Безпокойное помѣщеніе заставило насъ ускорить нашъ отъѣздъ. Пріискавъ шлюпку, которая должна была на утро отплыть въ Сиракузы, и уговорясь съ матрозами, мы остались ночевать. Нѣкоторые постояльцы позабавили насъ разсказами о празднествахъ Ачи-Реаля. Набожность Сицилійцевъ, какъ я сказалъ ужѣ, исполнена суевѣрія; мы видѣли образчики этого на празднествѣ Св. Розаліи, въ Палермѣ; но здѣсь,

оно превосходитъ всякую мѣру. Только недавно отмѣнили обрядъ представлять въ лицахъ распятіе Іисуса, коего божественное лице занимаемо было первымъ, взятымъ изъ толпы, человѣкомъ. Въ Мессинѣ до сей поры еще, на праздникѣ Успенія (la Vara), (1) сажаютъ на вершину огромнаго подвижнаго зданія, матроза, облеченнаго въ одежду спарца; онъ изображаетъ самаго *Бога Саваова*, и принимаетъ изъ рукъ Ангеловъ, въ видѣ младенца, душу Пресвятой Богородицы, простертой на одрѣ, — и все это представлено живыми лицами; дѣти-Ангелы, привязанные на страшной высотѣ къ вертящимся колесамъ, наполняютъ иногда воздухъ воплями и пугаютъ зрителя.

На другой день, поутру, мы оставили Ачи, и направились, на ослахъ, къ деревнѣ *Трицъ*, гдѣ насъ ожидала нанятая нами шлюпка. При выѣздѣ изъ города, громада Этны поражаетъ удивленіемъ взоры; неподалеку отъ города, мы переѣхали черезъ быстрый ручей, бѣгущій по кускамъ лавы: — это баснословная рѣчка *Ацисъ*. Кому не извѣстно печальное происшествіе съ пастухомъ сего имени, любимымъ прелестною Галатеею, по коей тщетно вздыхалъ дикой Полиѳемъ! (2) Сей грозный завистникъ нашелъ однажды обоихъ любовниковъ, отдыхающихъ подъ прiютнымъ кровомъ нависшей скалы; пламень презрѣнной любви взволновалъ его

(1) Т. е. гробница.
(2) Ovid. Metam.

кровь — и онъ однимъ ударомъ мощной длани низпровергъ скалу на страстнаго Ациса. Она до сей поры еще лежитъ въ волнахъ, и пастухи покажутъ вамъ слѣды невинной крови, въ краснова-тыхъ жилахъ камня, — и не ужели поэтъ отвергнетъ справедливость сего происшествія? Здѣсь нѣсколько окрестныхъ деревень носятъ одинакое прозваніе: *Аци*, — какъ бы повторяя имя нѣжнаго пастуха . . . Если бъ не воспоминаніе объ Ацисѣ занимало меня тогда, то я бы нашелъ весьма безпокойнымъ нашъ путь, при сильномъ зноѣ, по устарѣлой лавѣ и сѣрной пыли, отъ которой большая часть здѣшнихъ стариковъ слѣпнетъ; но стихи Гомера, Ѳеокрита, Овидія, Виргилія, которые припоминалъ я на воспѣтыхъ ими мѣстахъ, дѣлали путь сей для меня пріятнымъ. Вскорѣ мы приблизились къ берегу, и спустились съ него у мыса *Молини*, который долго считался за древній *Ксифоніумъ*, тотъ самый, къ коему присталъ Цезарь, во время междоусобной войны въ Италіи, и гдѣ онъ выстроилъ себѣ скромное жилище; но теперь доказано, что Ксифоніумъ занималъ мѣсто нынѣшней Августы. (1) Сходя съ берега, насъ ошибъ тяжелый запахъ, называемый Италіянцами общимъ именемъ: *cattiva aria*; оный происходитъ отъ сильнаго дѣйствія жара на стоячія воды; мы перешли черезъ текущій ручей, едва вынося зловредныя его испаренія. Въ добавокъ къ гнилости сего мѣста, здѣшніе жители моютъ въ томъ ручьѣ ленъ, который также испаряясь, сгу-

(1) Cluv. p. 136.

щаетъ еще болѣе воздухъ. Мы увидѣли тутъ нѣсколько шалашей, гдѣ сидѣли за кувшинами вина и за фруктовымъ завтракомъ толпы почти нагихъ жнецовъ, — блѣдныхъ, какъ заключенные преступники и столь же дикаго вида, какъ новоотпрытые островитяне. Наконецъ мы достигли моря. На берегу нѣсколько бѣдныхъ хижинъ составляютъ мѣстечко *Трицу*, населенное Мальтійскими рыбаками; но вообразите нашу досаду, когда мы ожидая найти готовую сняться съ якоря шлюпку, увидѣли самую укромную рыбачью ладью, стоящую еще на пескѣ! Гнѣвъ нашъ не много бы помогъ: — мы принуждены были рѣшиться ввѣрить себя утлому челну, и понуждать лѣнивыхъ рыбаковъ къ скорѣйшему отправленію. Они дожидались нашего пріѣзда для снаряженія лодки, и только при насъ начались всѣ хлопоты. Правда, что въ полчаса было все готово: сдѣланъ тростниковый навѣсъ въ защиту отъ солнца; навязанъ парусъ, прикрѣпленъ шестъ вмѣсто мачты, прилажены четыре весла; и вообразите себѣ, что мы, по непростительной неосторожности, отплыли на столь дурно снаряженной ладьѣ, въ Сиракузы, отстоящіе миль за 50, моремъ, которое начинало бушевать! Нашъ путь лежалъ мимо дикихъ островковъ Циклоповъ, отстоящихъ неподалеку отъ берега. Островки сіи суть не что иное, какъ нѣсколько живописныхъ подводныхъ скалъ, образованныхъ лавою и презирающихъ, нѣсколько уже столѣтій, ярость волнъ. Должно предполагать, что они были отторгнуты отъ

берега ужаснымъ землетрясеніемъ; они привлекаютъ вниманіе Натуралистовъ, и я буду говорить о нихъ подробнѣе на возвратномъ пути моемъ изъ Сиракузъ. Волненіе воспрепятствовало намъ приблизиться къ нимъ; лодка могла бы разбиться объ острыя ихъ ребра, и притомъ мы начинали уже размышлять о необдуманной поѣздкѣ нашей. Пока берегъ былъ еще близокъ, мы молчали; но когда увидѣли, что дерзкіе рыбаки берутъ прямое направленіе чрезъ *Катанской* заливъ, и что вѣтеръ усиливается, мы прервали молчаніе и пожелали узнать ихъ намѣреніе? Они хладнокровно отвѣчали: что идутъ прямо на мысъ *Санто-Кроче* (Santo Croce), едва синѣвшій въ сомнительной дали; тутъ мы поняли всю смѣлость Сицилійскихъ рыбаковъ, и видя, что лодка ежеминутно грозитъ опрокинуться или быть залитою волнами, немедленно велѣли перемѣнить направленіе и плыть въ Катанію, коей башни были уже видны; рыбаки долго старались отклонить насъ, но—видя что мы твердо рѣшились, перевернули парусъ, и, менѣе нежели въ часъ, съ помощію бурнаго вѣтра мы вошли въ гавань *Катаніи*.

ГЛАВА XVIII.

Дорога отъ Катаніи до Сиракузъ.

Giungono al fin là dove un sozzo e rio
Lago impaluda ed un castel n'è cinto,
Nella stagion, che l' sol par che simmerga
Nell ampio nido, ove la notte alberga.

(Tasso. G. l. VII. 28.)

Катанія обязана чудеснымъ образованіемъ своей гавани — Этнѣ. Ужасное изверженіе ея, въ 1669 году, объяло сей прекрасный городъ рѣками огненной лавы, которая, поглотивъ нѣсколько городовъ и селеній и нагромоздивъ, съ обѣихъ сторонъ города, цѣлыя горы, погрузилась въ бунтующее море, отдвинувъ далѣе предѣлы его. Можно изъ этого представить, какъ поразителенъ входъ въ гавань Катаніи, составленную изъ громадъ черной лавы, — страшной и въ охладѣніи своемъ! Исполинъ Этна, уже во всемъ величіи, господствуетъ здѣсь надъ главою вашею: дымящаяся большими клубами вершина его, ежеминутно грозитъ бѣдою, и необычайная груда сія тягготитъ, кажется, землю и море.

Скромный видъ нашей лодки заставилъ насъ болѣе получаса дожидаться освидѣтельствованія карантинныхъ чиновниковъ; медленность ихъ выводила насъ изъ терпѣнія; напослѣдокъ ихъ учти-

воспи и извиненія, по прочтеніи нашихъ паспортовъ, доставили намъ тотъ-часъ толпы проводниковъ. Вышедъ на берегъ, мы съ удовольствіемъ увидѣли себя посреди города самой блестящей наружности; покойная гостинница и хорошій обѣдъ также способствовали къ доброму заключенію объ немъ; но я подожду говорить и объ Катаніи, до возвратнаго моего пути; мы спѣшили достигнуть послѣдней цѣли нашего путешествія по Сициліи: — громкое имя Сиракузъ звало меня, и намъ предстоялъ еще большой день пути.

Испытавъ всѣ роды ѣзды, мы хотѣли познакомиться съ путешествіемъ въ *летиегѣ*; и подрядили этотъ экипажъ за довольно сходную цѣну. Едва успѣли мы отобѣдать, какъ уже слитый звонъ множества бубновъ, возвѣстилъ намъ прибытіе нашего *конвоя*; читатель помнитъ описаніе сихъ *конныхъ носилокъ*: — два сильные лошака впереди, и одинъ сзади, были впряжены въ оныя, а другіе два приготовлены были для нашихъ вьюковъ. Мы не могли глядѣть безъ смѣха на этотъ снарядъ; не видя подножекъ, мы не знали, какъ приступиться, чтобъ влѣзть въ кузовъ; но въ туже минуту, два наши проводника вынули небольшую дощечку, и взявъ ее, каждый съ одного конца, приглашали насъ взойти по сей ступени. Наконецъ, съ большимъ шумомъ и торжествомъ, потянулись мы по улицамъ Катаніи: два кавалериста, т. е. одинъ изъ вожатыхъ и нашъ лакей, сидя на большихъ вьюкахъ, предводили ходъ; за

ними неслись величественно мы двое, сидя другъ противъ друга и имѣя подлѣ себя другаго вожатаго скороходомъ, съ длиннымъ шестомъ въ рукѣ для управленія лошаками. Намъ казалось, что взоры всей Катаніи устремлены были на насъ, тогда, какъ мы одни только удивлялись странности нашего путешествія. Нельзя объяснить того необыкновеннаго движенія, которое чувствуемо въ *летигѣ*; оно непріятно и походитъ на неровное дерганье, которое весьма увеличивалось отъ чрезвычайно дурной дороги. Я оглядывался безпрестанно на синѣющій колоссъ Этны, упиравшійся дымнымъ челомъ въ далынѣйшія облака и изпещренный, при подошвѣ своей, всѣми дарами Помоны и Вакха. Мили съ четыре ѣхали мы роскошными садами, изобилующими наиболѣе кактусомъ и фиговыми, шелковичными и миндалевыми деревьями; но мало по-малу пустыня занимала мѣсто обработанной земли, — и въ сумерьки приблизились мы къ луговымъ берегамъ древней рѣки *Симеты* (нынѣ Джіарета). Баснословіе повѣствуетъ, что на берегахъ ея, Нимфа Талія была любима Юпитеромъ. Страшась мщенія Юноны, она просила его заключить ее въ нѣдра земли; Зевесъ внялъ ея моленію, но — когда пришелъ ей срокъ родить, то плодъ ея (два близнеца въ одномъ тѣлѣ) вышли изъ земли; почему они и были названы *Палики*, что значитъ *рожденные землею* (1). Сицилійцы воздали имъ божескую честь и воздви-

(1) Macrob. Saturn. l. V, c. XIX.

гли при источникѣ сей рѣки, на озерѣ — храмъ, который сдѣлался знаменитъ. Аристотель пишетъ (1), что воды сего озера имѣли свойство обличать неправду, и что подозрѣваемые въ преступленіи, должны были, написавъ на доскѣ оправданіе свое, бросить оную въ озеро — и тогда, истинное свидѣтельство оставалось на поверхности воды, а ложное утопало. Фацелло свидѣтельствуетъ, что въ его время были еще видны малые остатки основанія храма *Палики*; озеро это существуетъ, и тотъ же историкъ говоритъ, что оно имѣетъ, такъ какъ и въ древности, три подводныя отверстія, изъ которыхъ бьетъ къ верху на три фута кипячая вода; но что запахъ ея зловреденъ; что скотъ, напившись отъ оной до восхожденія солнца, — умираетъ, — и даже, иногда, пролетающія птицы падаютъ безъ жизни. Сіи обстоятельства слишкомъ любопытны, чтобъ умолчать объ нихъ; но трудность болотистаго пути и краткость времени не позволили мнѣ повѣрить самому сего разсказа. Послѣ узналъ я однакожъ слѣдующія подробности о семъ озерѣ: оно находится возлѣ мѣстечка *Мипео*; воды его всегда находятся въ большомъ движеніи и одѣты смоляною пленою; лѣтомъ озеро почти совсѣмъ высыхаетъ, — и тогда вода остается въ шести или семи колодезяхъ, имѣющихъ неизмѣримую глубину; они часто выбрасываютъ воду болѣе нежели на аршинъ въ вышину. Этотъ феноменъ есть

(1) Lib. de mirandis. — Diod. Sic. L. XI. — Virg. Aen. L. VI. — Faz. Dec. I. Lib. III, c. 2.

почти тоже, что и Макалубскіе *сальсы* близъ Агригента, и происходитъ отъ вырывающагося подземнаго вѣтра. Испаренія сихъ водъ производятъ въ человѣкѣ сильныя головныя боли, и говорятъ, что животныя, засыпающія противу вѣтра на берегу озера, часто умираютъ. Изъ сего видно, что Фацелло, часто легковѣрный, въ семъ случаѣ справедливъ; не знаю только, правду ли говоритъ онъ о птицахъ.

Мы переѣхали *Симету* на паромѣ. Сія рѣка изобилуетъ янтаремъ; за нею начинаются болотистыя мѣста и стоячія воды; вся эта страна кажется совершенно оставленною, межъ тѣмъ, какъ прежде процвѣтали тутъ — *Моргеція*, тамъ — *Мегара* или *Гибла*, окруженная горами сего послѣдняго имени, столь знаменитыми своими ароматными растеніями и медомъ; далѣе — плодородная *Леонтина*, жилище дикихъ Лестригоновъ. Даже слѣды сихъ городовъ, за исключеніемъ послѣдняго (нынѣ *Лентини*) — исчезли. Слѣдуя вдоль береговъ разъяреннаго моря, мы благодарили судьбу, вложившую намъ мысль оставить рухлую лодку: иначе — сія самая ночь могла быть для насъ послѣднею. Запустѣніе, шумъ волнъ и слабый свѣтъ луны, прозирающей сквозь густыя тучи, имѣли свою красоту. Проѣхавъ рѣчку *Кантару* (древній *Алабусъ*), мы увидѣли у подошвы скалы стѣны полуразвалившейся крѣпостцы, выстроенной нѣкогда для защиты отъ Африканскихъ корсаровъ; имя сего мѣста, если не ошибаюсь — *Ланьано* (*Lagnano*). Хотя мы имѣли уже на-

добность въ отдохновеніи; но Чичерони нашъ отсовѣтовалъ намъ останавливаться, по причинѣ дурнаго воздуха (cattiva aria); мы сами чувствовали удушливыя испаренія, и потому, полусонные, начали взбираться на предстоявшую лѣсистую скалу; нашъ вожатый вскорѣ предложилъ намъ выдти изъ летиги, ибо путь дѣлался весьма труденъ. Ходьба разсѣяла нашъ сонъ, и мы любовались картинною дикостью скалъ, мрачностью лѣса и игрою лунныхъ лучей въ волнахъ, дробящихся съ большимъ шумомъ о камни. Я жалѣлъ, что темнота препятствовала видѣть отдаленность, но я предугадывалъ воображеніемъ городъ Августу съ заливомъ, изгибистые берега моря и громаду Этны. Тяжелый воздухъ долго насъ не оставлялъ; но онъ дѣлался менѣе чувствителенъ, когда мы спустились по ту сторону скалъ, образующихъ мысъ *Піетро-Лунго.* (*Pietro Lungo*). За нимъ слѣдуютъ опять долины, — но сухія и безплодныя. На зарѣ пристали мы къ сараю, обитаемому однимъ человѣческимъ существомъ, — сторожемъ безмолвной степи; тутъ мы остановились и посвятили часа три сну на соломѣ, посреди лошаковъ.

Съ разсвѣтомъ, мы продолжали путь по берегу моря; вправѣ синѣли Гиблейскія горы. Въ мѣстечкѣ Мелили, находящемся у подошвы ихъ, неподалеку отсюда, обработывали нѣкогда сахарный тростникъ и дѣлали сахаръ; но всѣ источники богатства Сициліи изсякаютъ нынѣ отъ безпечности начальства. Вскорѣ открылся намъ

песчаный мысъ *Мангизи* (*Manghisi*), древній *Тапсусъ*, простирающійся на двѣ мили. Почти противъ него, по правой сторонѣ дороги, показали намъ остатокъ торжественнаго памятника, воздвигнутаго Марцелломъ по взятіи Сиракузъ; теперь существуетъ одно основаніе памятника, составленное изъ большихъ камней, въ видѣ обширнаго столпа. Землетрясеніе 1542 года разрушило оный.

ГЛАВА XIX.

Сиракузы. — Островъ Ортигія.

> Urbem Syracusas, maximam esse Graecarum urbium pulcherrimamque omnium, saepè audistis; est, judices, ita, ut dicitur.
>
> *(Cic. Verr. A.* II, *L.* IV, *c.* 52.*)*

Уже невдалекѣ вставали передъ нами нагіе холмы, кончающіе печальную долину, по коей мы ѣхали; они простягивались косвенно отъ береговъ моря во внутренность полей, возвышаясь постепенно. Груды камней, разбросанныя по вершинамъ ихъ, остановили наше вниманіе: — увы! то были стѣны могущественныхъ *Сиракузъ!* Не могу выразить того чувства меланхоліи, которое овладѣло мною съ приближеніемъ къ печальнымъ, но краснорѣчивымъ остаткамъ сего великаго города, соперника Аѳинъ! Чувство сіе равнялось съ тѣмъ, которое волновало душу мою при первомъ взглядѣ на Тибръ и на семихолмную столицу древняго міра.

Приближаясь къ симъ высотамъ, мы замѣтили, при подошвѣ оныхъ, нѣсколько пещеръ; поднявшись, мы попирали ужѣ прахъ *Акрадины*, восточнаго предмѣстья Сиракузъ. Первый взглядъ на знаменитыя мѣста, гдѣ были Сиракузы, встрѣ-

чаетъ опустошеніе и ряды раскрытыхъ гробницъ, выдѣланныхъ въ скалахъ; — онѣ походятъ на *стѣнныя* гробницы Агригента; нѣкоторые изъ сихъ памятниковъ являютъ слѣды большаго великолѣпія; я замѣтилъ, на моемъ пути, два, украшенные портиками съ колоннами Дорическаго ордена; время начинаетъ уже сглаживать на нихъ работу рѣзца; но широколиственное алоэ, тучный кактусъ и перевивающійся плющъ, вырываясь изъ трещинъ желтаго камня, замѣняютъ теперь украшенія искуства; здѣсь, уединенный кипарисъ оттѣняетъ посреди знойной пустыни предпочтенную имъ гробницу; тамъ, молодая пальма стоитъ сиротою на берегу моря... Могильное безмолвіе заступило шумное волненіе толпы, громъ оружій, стукъ колесницъ; — одни только слѣды сихъ послѣднихъ видны еще на каменистомъ слоѣ, который былъ природнымъ помостомъ города. Могъ ли ожидать гордый гражданинъ Сиракузъ, чтобы слѣды быстропечной колесницы пережили славу и великолѣпіе его отечества? — И вотъ что осталось отъ города, заключавшаго въ себѣ пять городовъ, — и который былъ столь громко привѣтствуемъ пламеннымъ Пиндаромъ: „О Сиракузы!“ восклицаетъ онъ, „сколь обширное поприще покрываютъ велико„лѣпные грады твои! Храмъ грознаго бога брани! „отчизна великаго народа и гордыхъ коней, коихъ „хребты покрыты блестящей сталью и чья внутренность горитъ ярымъ желаніемъ столкнуть „ряды враговъ и попирать кровавые ихъ трупы!

„я снова возвращаюсь изъ Онвъ, пѣвцемъ пво-
„имъ!“ (1)

Миновавъ ряды гробницъ, открывающся новыя Сиракузы, состоящія изъ крѣпости, выстроенной на островѣ *Ортигіи*; а далѣе — равнины Эгейскаго моря... Проѣхавъ еще нѣсколько, по опустощенной землѣ, мы находились въ пріятной тѣни фиговыхъ деревъ и платановъ необыкновенной красоты; быстрый ручей гремѣлъ по камнямъ; яркая зелень разстилалась вдоль береговъ его; утомленный пастухъ и пара огромныхъ воловъ пили изъ высѣченной въ камнѣ водопойни; приклоненныя къ землѣ вѣтьви фиговаго дерева скрывали въ свѣжей мглѣ своей двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя рвали плоды и бросали ихъ въ корзину престарѣлой ихъ матери, сидѣвшей возлѣ. Одна изъ сихъ поселянокъ, лѣтъ четырнадцати, настоящая Нимфа, съ большимъ трудомъ нагибала вѣтьви, и столь же молодой пастухъ пособлялъ ей; — это живая картина Виргилія;

Saepibus in nostris parvam te roscida mala,
Dux ego vester eram, vidi cum matre legentem;
Alter ab undecimo tum me jam ceperat annus;
Jam fragilis poteram a terra contingere ramos. (2).

Мы терпѣли отъ жажды и жара, и весьма охотно сошли съ лошаковъ, чтобъ прохладиться въ семъ *ландшафтѣ*. За симъ счастливымъ угол-

(1) Pind. Pyth.
(2) Ecl. VII, 37 — 40.

комъ слѣдуютъ прежнія виды опустошенія, до самой крѣпости Сиракузъ. Двѣ обломанныя колонны выходятъ изъ земли и останавливаютъ жадный взоръ, вопще ищущій памятниковъ по пустой окрестности . . . Сіи колонны суть осташки великолѣпныхъ портиковъ, украшавшихъ предмѣстье *Акрадины* (1); сверхъ того видны еще нѣсколько основаній прочихъ колоннъ. Съ невольною печалью приблизился я къ острову Ортигіи — колыбели Діаны (2) и великихъ Сиракузъ, которыя, наполнивъ міръ своею славою, давно уже опять возвратились въ туже колыбель, изъ которой возникли. Мы въѣхали на сей знаменитый островъ по четыремъ подъемнымъ мостамъ, чрезъ глубокіе рвы и сквозь три ряда бастіоновъ. Это напомнило мнѣ жилище тирана Діонисія. Извѣстно, что его спальня окружена была недоступнымъ рвомъ, чрезъ который велъ подъемный мостъ; туда не имѣли доступа ни жена его, ни дѣти; дворецъ его былъ на семъ самомъ островѣ; но я поспѣшилъ замѣнить въ памяти своей имя Діонисія сладкими именами Архимеда, Тимолеона, Ѳеокрита, Платона, — и думалъ: я дышу тѣмъ воздухомъ, которымъ они дышали; я вижу тѣ предметы, которые они видали; — и, попираю ихъ прахъ!

Спокойная гостинница и хорошій обѣдъ возстановили упраченныя наши силы; здѣшнія вина

(1) Cic. in Verr. II. IV, c. LIII.

(2) *Pind. Nemea I.* Inclitarum Syracusarum germen, Ortygia, cubile Dianae.

славны и въ древнихъ и въ новыхъ временахъ; они льстятъ не только вкусу, но и обонянію. Извѣстное въ древности Сиракузское вино, называемое: *Поліосъ*, по имени одного Царя, едва ли было лучше этого (1). Сполоная роскошь Сиракузянъ соблазняла Платона, исправителя ихъ нравовъ: *Syracusanam mensam, o amice*, говоритъ онъ, *ac Siculam obsoniorum varietatem laudare non videris* (2). Къ десерту намъ подали славимый *Гиблейскій* медъ, прозрачный, какъ янтарь, и благоухающій — какъ букетъ цвѣтовъ. Греки и Римляне предпочитали только поцѣлуи своихъ любовницъ сладости медовыхъ сотовъ Гиблейскихъ горъ (3).

Nerine Galatea, thymo mihi dulcior Hyblae...(4)

говоритъ Виргилій устами Аркадійца. Древніе Сицилійцы слыли большими *гастрономами*; — Горацій часто воспѣваетъ Сицилійскія яства, *Siculae dapes* (5). — Повѣствуютъ, что въ Сициліи были воздвигнуты — храмъ, посвященный *жадности* и статуя *Церери*, прозванной *Sito*, т. е. богиня

---

(1) Ael. XII. 31.

(2) Plat. polit. L. III. Ath. Deipnos. L. XII.

(3) Въ древности три горы имѣли общее названіе: *Гиблы*: — 1, Hybla major, нынѣ *Патерно*; 2, Hibla minor, нынѣ *Melili*; 3, Hybla parva, нынѣ *Модика*. Торгъ Гиблейскимъ медомъ производится съ большимъ успѣхомъ. Промышляющіе онымъ начинаютъ употреблять въ пользу медовую сбойну, дѣлая изъ нее ромъ.

(4) Virgil. Ecl. VII, v. 37.

(5) Horat. L. III, Od. I. — См. также *Suid.* art. Syrac. mensa.

яспивъ (1). Слѣдующіе стихи изъ Плавта показываютъ вполнѣ сластолюбіе древнихъ Сицилійцевъ:

Ei erat hospes, par illius, Siculus senex
Scelestus, Agrigentinus, urbis proditor:
Is illius laudare infit formam virginis,
Et aliarum itidem, quae, eius erant mulierculae.
Infit lenoni suadere, ut secum simul
Eat in Siciliam, ibi esse homines voluptarios
Dicit: potesse ibi fieri cum divitem:
Ibi esse quaestum maximum meretricibus.
. . . . . .

(*Plaut. in Rudente.*)

Въ Мессинѣ, достопочтенный Прелатъ г-нъ *Грани* снабдилъ насъ рекомендательными письмами въ Катанію и Сиракузы; — по сему случаю мы нашли здѣсь весьма любезнаго человѣка, г-на Прокурора *Запеи* (2); онъ не замедлилъ посѣщить насъ въ тотъ же день и доставилъ всѣ способы для нашихъ обозрѣній. Съ уменьшеніемъ зноя, онъ предложилъ намъ прогулку по нѣкоторымъ останкамъ древности на островѣ Ортигіи, который, какъ я сказалъ, застроенъ нынѣшнимъ городомъ.

---

(1) Acl.

(2) Ему-по мы обязаны пріятными днями, проведенными нами въ Сиракузахъ. Я нашелъ въ немъ истиннаго патріота, ученаго, исполненнаго вдохновенія къ минувшей славѣ своего отечества. Его стараніями водворенъ отличный порядокъ въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ. Мы посѣщали оныя съ большимъ удовольствіемъ; — самая наружность говорящъ въ ихъ пользу. Мнѣ пріятно засвидѣтельствовать здѣсь сему почтенному гражданину благодарность, которую я ему сохраняю.

Мы направились къ храму *Минервы*, который, какъ мнѣ говорили, хорошо сохраненъ; я воображалъ его въ видѣ храмовъ *Агригента* или *Сегеста*; — но какъ я удивился, когда, приближась къ здѣшней соборной церкви, мнѣ сказали: вотъ храмъ *Минервы*! Я съ чрезвычайнымъ вниманіемъ устремилъ взоры на новый двухъ-этажный фронтонъ съ красивою колоннадой, — и напрасно искалъ въ немъ храма Минервы; но зайдя съ боковой стороны зданія, увидѣлъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ колоннъ самаго древняго Дорическаго ордена, заключенный въ толстой стѣнѣ, составляющей длину собора. Однако, новые варвары не могли совершенно закрыть сіи необычайной толщины колонны, коихъ малая часть видна снаружи и снутри собора; *Пронаонъ* и *Постиконъ* хорошо сберегліись; замѣчательно, что колонны ихъ имѣютъ пьедесталы, межъ тѣмъ, какъ боковыя лишены оныхъ; всѣ онѣ украшены полосною рѣзьбою и составлены изъ огромныхъ кусковъ, связанныхъ безъ извести. Цицеронъ и другіе Писатели сохранили намъ въ своихъ твореніяхъ описаніе великолѣпія сего храма. Двери его были предметомъ удивленія чужеземцевъ; чистѣйшаго золота рамы и полосы заключали изящныя рѣзныя изображенія изъ слоновой кости. Двѣ головы Медузы и Горгоны поразительнаго величія и ужаса, съ развѣвающимися власами, составленными изъ шипящихъ змѣй, стерегли входъ сихъ дверей. Внутренность соотвѣтствовала наружности; тамъ находилась знаменитая картина, изображав-

шая конный бой Агаѳокла и чрезвычайно сходные портреты всѣхъ Сиракузскихъ *тиранов*. Сквозь фронтонъ сего храма проведена была самимъ Архимедомъ полуденная линія. Сіе отверстіе долго существовало, даже въ наши времена; но нѣкоторыя перестройки въ соборѣ были причиною уничтоженія столь древняго воспоминанія объ одномъ изъ величайшихъ геніевъ, бывшихъ на землѣ. Огромный щитъ, (clypeus) вылитый изъ бронзы и роскошно позлащенный, сіялъ въ ослѣпительномъ блескѣ на вершинѣ храма. Мореходцы привѣтствовали оный изъ-далека; но тѣ, которые отплывали изъ Сиракузъ, потерявъ изъ виду покровительствующій ихъ, священный щитъ отечества, съ печалью брали съ олтаря боговъ сосудъ и наполнивъ его медомъ, ароматами и свѣжими цвѣтами, повергали въ шумящее море — въ честь Нептуну и Минервѣ; — выполнивъ этотъ обрядъ, они съ веселіемъ летѣли въ дальнее море.

На другой день я осмотрѣлъ здѣшній музеумъ; онъ заключаетъ *палладіумъ* сего города, и можно сказать, всей Сициліи, — статую Венеры, которая должна стоять на ряду съ Медицейскою и Неаполитанскою (1). Сиракузяне даютъ своей Венерѣ яблоко передъ двумя первыми; но это могутъ рѣшить токмо *Канова* или *Торвальсенъ*. Я насладился видомъ всѣхъ трехъ Венеръ. Всякое утро моего перваго двухъ недѣльнаго пребыванія во Флоренціи, я приходилъ радовать взоры свои

(1) Извѣстною подъ прозваніемъ: *Alle belle chiappe.*

эѳирною красотою царицы отрадъ. Съ той поры только, какъ я видѣлъ сію статую, узналъ я *прекрасное*; это Венера, воспитанная часами; ей только принадлежитъ сей несравненный гимнъ Лукреція:

Hominum divumque voluptas,
Alma Venus! *etc*..

Идеалъ Венеры Медицейской — не на землѣ, но въ воображеніи чувствительнаго ваятеля, поэта, или живописца. Вспомнивъ стихи Лукреція, я невольно припоминаю также строфу изъ Виланда, которая, какъ бы нарочно, написана для нея:

Denk dir ein Weib im reinsten Jugendlicht,
Nach einem Urbild von dort oben!
Aus Rosengluth und Lilienschnee gewoben;
Gieb ihrem bau das feinste Gleichgewicht;
Ein stilles Lächeln schweb'auf ihrem Angesicht,
Und jeder Reiz, von Majestät erhoben,
Erweck und schrecke zugleich die lüsterne Begier;
Denk alles dass, du hast den Schatten kaum von ihr! (1)

(Oberon. IV. *G.* 6. *s.)*

---

(1) Во блескѣ юности, сей призракъ дѣвы, милый,
Чей образецъ нигдѣ невиданный, лишь тамъ!..
На ней жаръ розъ слился со снѣгомъ нѣжныхъ лилій,
Станъ легкій проснится подняться къ небесамъ!
Изъ алыхъ устъ ея улыбка нѣгой вѣетъ...
Стыдливой наготой она облечена;
При ней желаніе пылаетъ и робѣетъ —
Но это всё еще лишь тѣнь ея одна!..

(*Оберонъ*, *П.* IV, с. 6.)

Венера Неаполитанская не есть Венера; — это несравненная Лаиса, или та самая восхитительная Сиракузянка, которая, бывъ сама обворожена тайными своими прелестями, завела споръ объ оныхъ съ подругами, для того только, чтобъ обнаружить ихъ истинному цѣнителю и служить образцемъ обожаемой Киприды. Аѳиней сохранилъ намъ сей анекдотъ.

Что-жъ сказать о богинѣ Сиракузской? Кто не согласится, что она не сама Венера? — такъ; но эта Венера уже́ любовница Марса; все прелестное тѣло ея дышитъ сладострастной юностью. Что если бы всегубящее время сохранило намъ ея божественную голову! Какая новая прелесть разлилась бы по сему очаровательному стану! Но кто возмется за рѣзецъ, чтобъ возвратить таковую потерю? (1) тотъ, кто постигнетъ гармонію, существующую между красотами тѣла и лица. Гармонія сія не воображительная, она существуетъ. Но сіи дивныя прелести, находящіяся предъ воспламененными моими взорами, заставляютъ меня забыть ея голову, — и я наслаждаюсь:

Quos humeros, quales... lacertos!
Forma papillarum quam... apta premi!
Quàm castigato planus sub pectore venter!
Quantum et quale latus! quàm juvenile femur!..
Coetera quis nescit?... (2).

---

(1) *Канова* отказался отъ сего предложенія, сдѣланнаго ему.
(2) Ovid. El. Lib. I. 5.

Правая рука сей прелестной статуи также не существуетъ; она прикрывала груди, а лѣвая придерживала покровъ, полузакрывающій ее не много ниже полса: ибо Венера сія изображена выходящею изъ бани; нѣкоторыя несовершенства въ покровѣ показываютъ, что художникъ не кончилъ своей работы; дельфинъ и раковина видны подъ ея лѣвою ногою. Статуя сія открыта была плугомъ земледѣльца среди полей предмѣстія Акрадины, въ послѣднихъ дняхъ 1803 года; тамъ же нашли статую Эскулапа, средней величины. Мудрость написана на челѣ испытнаго врача, испытателя таинствъ природы.

Совѣтую путешественникамъ посмотрѣть вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, на Сиракузскую богиню. — Она очаровательна! Свѣтъ сей даетъ ей всѣ оттѣнки настоящаго тѣла; нѣга волнуетъ груди ея — и божественная кровь пробѣгаетъ по нѣжнымъ членамъ.... она оставляетъ сильное впечатлѣніе!

Сколько бъ изящныхъ памятниковъ художества можно было извлечь изъ праха падшихъ Сиракузъ, еслибъ Правительство обратило нѣкоторое вниманіе на сіи мѣста, гдѣ процвѣтали вторыя Аѳины, обогатившія Римъ своими статуями и утонченною роскошью искуства! Когда побѣдитель Маркеллъ возвратился изъ Сициліи съ флотомъ, нагруженнымъ сокровищами художествъ, то Фабій Максимъ страшился, чтобы обольстительный видъ ихъ не посѣялъ сѣмянъ нѣги въ Римлянахъ, пріобыкшихъ доколѣ къ мечамъ и

шлемамъ. Извѣстно также, что превосходныя колонны, поддерживающія фронтонъ Римскаго Пантеона, привезены были изъ Сиракузъ.

Весь Сиракузскій Музеумъ, заключенный въ двухъ тѣсныхъ комнатахъ, состоитъ изъ помянутыхъ двухъ изящныхъ статуй, окруженныхъ нестройными обломками гробницъ, урнъ, надписей и лампъ. Можно судить о множествѣ статуй, украшавшихъ Сиракузы, по словамъ Цицерона, который, описывая грабежи Верресовы въ Сициліи, говоритъ: „Сиракузы потеряли, во время правленія Верресова, болѣе статуй, нежели убіенныхъ при осадѣ города, Марцелломъ.“ (1) Вотъ имена главнѣйшихъ: — *Юпитеръ Олимпійскій*; — двѣ статуи работы Аристея и Пеана, изъ коихъ первая стояла въ храмѣ Бахуса, а вторая въ храмѣ Эскулапа; — *Сафо*, произведеніе Силаніона, хранившаяся въ Пританеѣ; — колоссальный *Аполлонъ Теменитскій*; — собраніе статуй тирановъ Сиракузскихъ; — *Тимолеонъ*, съ надписью: *Extinctori tyrranidis* (2); — *Діана*, *Церера*, *Прозерпина*, *Аретуза*, *Фортуна*, *Иракліъ*, находившіяся въ храмахъ имъ посвященныхъ; — *Венера Каллипига* (находящаяся теперь въ Неаполѣ); — *Марцелліъ*, великодушный покоритель Сиракузъ; — сію статую замѣнилъ безстыдный Верресъ своею. Кромѣ

(1) Cic. in. Verr. de Signis.

(2) Голова сей статуи — и надпись, принадлежащая ей, найдены были здѣсь, по свидѣтельству Фацеллы (въ царствованіе Карла V,) при сооруженіи одного бастіона.

этаго, площади Сиракузскія украшены были: бронзовою *сферою* Архимеда, блиставшею какъ нѣкое свѣтило и изображавшею съ удивительною точностью всѣ созвѣздія; — (1) *обелискомъ*, къ которому былъ, нѣкоторое время, прибитъ щитъ несчастнаго Никіаса, вождя Аѳинянъ, — и столькими другими изящными произведеніями искуства.

Библіотека, находящаяся въ томъ же домѣ, гдѣ и Музеумъ, можетъ удовлетворить любопытство ученаго; въ ней показываютъ примѣчательную Греческую надпись, которую предлагаю здѣсь:

ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΑΤΕ
ΙΕΡΩΝΟΣ ΙΕΡΟΚΛΕΟΣ
ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΙ ΘΕΟΙΣ ΠΑΣΙ.

т: е:

Всѣмъ богамъ! —
Отъ Сиракузянъ, предводимыхъ
Царемъ Гіерономъ, сыномъ
Гіероклесовымъ. (2)

Эта надпись показываетъ, что Сиракузяне имѣли *Пантеонъ* прежде Римлянъ, и что сіи послѣдніе, заимствовали отъ нихъ, мысль: соединить всѣ *силы Натуры* въ одно *цѣлое*. Она объя-

---

(1) Arte Syracosia suspensus in aëre clauso
Stat globus, immensi parva figura poli.
(*Ovid. Fast.* VI. 277.)

(2) Rege procunte Hicrone Hieroclis F. Syracusii Diis omnibus.

сняетъ также, кто былъ отецъ Гіерона, ибо Исторія не сохранила намъ его имени. Надпись начертана на одномъ изъ боковъ четверосторонняго камня, на верху коего видны три диры. Предположеніе, что это слѣды треножника, весьма основательно, ибо, судя по надписи: *всѣмъ богамъ*, — не льзя полагать тутъ существованія статуи. Жертвенникъ, курящійся для существа *невидимаго*, болѣе выражаетъ высокую мысль надписи.

ГЛАВА XX.

Сиракузы. — Островъ Ортигія. — Источникъ Аретузы.

Alpheum fama est huc Elidis amnem
Occultas egisse vias subter mare: qui nunc
Ore, Arethusa, tuo Siculis confunditur undis.

(*Virg. Aen.* III.)

Изъ Музеума, Чичерони мой хотѣлъ уже вести меня въ подземныя бани Ортигіи; но я нетерпѣливо желалъ видѣть чудесный источникъ *Аретузы*, прославленный столь многими поэтами древности. Гдѣ же Аретуза? — швердилъ я, перебивая его ученыя рѣчи, и наконецъ принудилъ его удовлетворить мое любопытство.

Кто не знаетъ съ младенчества объ *Аретузѣ*? Кому не милы игривыя мечты Грековъ о нѣжной любви Алфея къ Нимфѣ, для которой онъ покинулъ луговую Элиду и прошедъ сквозь таинственные подземные пути, притекъ въ страстныя объятія своей милой, въ чужую страну, подъ чужое небо? Кого не обворожали звуки пѣвцовъ, прославлявшихъ имена двухъ любовниковъ? Кто не почтитъ Иппокрену Ѳеокрита, Стезихора, Епихарма, Біона, Моска и даже Пиндара? — Какой Историкъ, какой Философъ тѣхъ временъ, не увѣрялъ, часто со всею важностію, объ истинѣ

такого феномена? Юный образъ Аретузы былъ на щитахъ, на шлемахъ, на монетахъ славнаго народа; имя Аретузы напоминало Сиракузянину страннику, его милое отечество и пробуждало въ немъ любовь къ оному; — но пали могущія Сиракузы, пышные храмы ея были уже низпровергнуты, — а имя Нимфы непреставало прославляться на лирахъ самихъ завоевателей береговъ ея; Виргилій, самъ несравненный Виргилій, искалъ ея вдохновеній.

Extremum hunc, Arethusa, mihi concede laborem. (1)

Сколь прелестною онъ изобразилъ ее, и сколь чувствительною къ жалобамъ смертныхъ! Она первая устремилась изъ подводныхъ чертоговъ на вопль Аристея:

Sed, ante alias, Arethusa sorores
Prospiciens, summa flavum caput extulit unda.
Et procul: „o gemitu non frustra exterrita tanto,
Cyrene soror! ipse tibi, tua maxima cura,
Tristis, Aristaeus, Penei genitoris ad undam
Stat lacrymans, et te crudelem nomine dicit!“ (2)

(*Georg. L.* IV.)

---

(1) Ecl. X.

(2) И первая изъ Нимфъ, любовница Алфея,
Божественнымъ челомъ блеснувъ изъ водъ Пенея:
„О милая сестра! не пищетъ ли страхъ твой, — нѣтъ!
„Твой сынъ, рекла она — забота твоихъ предметъ —
„Съ слезами на очахъ, въ отчаяньи жестокомъ —
„Взываетъ горестно, съ береговъ къ тебѣ, съ упрекомъ.

(*Переводъ Г-на Раича.*)

Припоминая все это, я уже нечувствительно приблизился къ жилищу Нимфы; крѣпостныя стѣны, вдоль которыхъ мы спускались, закрывали еще отъ меня ея воды; но плескъ оныхъ и шумное слiяніе различныхъ голосовъ, разносились вокругъ... Какая занимательная картина представилась мнѣ: толпы полунагихъ дѣвушекъ, моющихъ свои покровы, стояли по колѣна, разными группами, въ источникѣ прозрачномъ какъ стекло; онъ тихо вытекалъ изъ-подъ древняго свода городскихъ стѣнъ, — и вотъ та славная Аретуза, живущая доселѣ въ безсмертныхъ пѣсняхъ! Стѣны заграждаютъ ее со всѣхъ сторонъ и едва позволяютъ ей входъ въ море, сквозь небольшую арку; но онѣ защищаютъ ее также отъ наводненія моря (1). Плющь и кустарники, стелющіеся по стѣнамъ, нависли во многихъ мѣстахъ надъ водами, и смотрятся въ ихъ зеркалѣ; нѣсколько обрушенныхъ камней разбросаны по чистому дну и служатъ скамьями и столами для моющихъ. Если

(1) Вотъ Цицероново описаніе Аретузы: „*In hac insula (Ortygi:) „extrema est fons aquae dulcis, cui nomen Arethusa est, incre„dibile magnitudine, plenissimus piscium, qui fluctu totus ope„riretur, nisi munitione ac mole lapidum a mari disjunctus esset. „(in Verr. act. II, L. IV, c. LII.)*“ т. е. „*На самой конечно„сти острова (Ортигіи) находится источникъ пресной воды, „именуемый: Аретуза; обширность онаго чрезвычайна, и мно„жество рыбъ наполняютъ его; еслибъ источникъ сей не былъ „заграждент отъ моря крѣпкою стѣною, то былъ бы непре„мѣнно потопленъ волнами онаго.*“ — Мѣстоположеніе Аретузы совершенно сходно съ симъ описаніемъ; но обширность источника весьма ныне ограничена, и рыбы перестали обитать въ немъ.

вы не посмѣетесь надо мною, то я скажу вамъ, что сама милая Аретуза не пренебрегла бъ имѣть подругою одну изъ сихъ красавицъ, на которую я заглядѣлся и для которой я часто ходилъ къ знаменитому источнику. Прелести Сиракузской Венеры были еще свѣжи въ моей памяти; и я нѣкоторую часть оныхъ видѣлъ тогда въ натурѣ; глубина источника и бережливость, заставили ее подвязать одежду весьма красиво и гораздо выше колѣнъ; каштановые густые волосы, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, падали на полуобнаженныя перси, которыя, казалось, старались совсѣмъ освободиться изъ слабыхъ преградъ; этотъ склоненный тонкій станъ и наконецъ, Аттическая прелесть лица, исполненнаго невинности и нѣги, все было въ ней привлекательно:

Nudaque simplicitas, purpureusque pudor... (1)

Вотъ ея *девизъ*. Посмотрите жъ теперь на плескающихся, посреди сихъ нимфъ, дѣтей; всякій изъ нихъ могъ бы занять мѣсто въ Корреджіевой картинѣ?..

Источникъ сей все еще называется именемъ *Аретузы*; но гдѣ его великолѣпіе? гдѣ его алтари? — Дно его умащено было разноцвѣтными мозаиками на далекое пространство, которое заняло теперь море; остатки сихъ мозаиковъ были еще видны, какъ мнѣ сказывали, лѣтъ десять то-

(1) Ovid. III. Eleg. Am. L. 1, т. е:

Нагая простота, съ стыдливостію румяной...

му назадъ; теперь показываютъ однѣ основанія стѣнъ храма. Исторія Аретузы исполнена сверхъестественнаго. Тимей, Помпоній-Мела, Павзаній и даже самый Плиній *Натуралистъ*, утверждаютъ истину подземнаго сообщенія *Алфея* съ *Аретузою*. Одинъ только Страбонъ опвергаетъ это; я не говорю уже о Поэтахъ; безъ сомнѣнія, они не въ числѣ невѣрующихъ. Виргилій говоритъ очень ясно:

. . . Alpheum fama est huc Elidis amnem
Occultas egisse vias subter mare: qui nunc
Ore Arethusa, tuo Siculis confunditur undis
(*Virg. Aen.* L. III.)

или:

Sic tibi cum fluctus subter labêre Sicanos,
Doris amara suam non intermisceat undam.
(*Id. Bucol.* X, 4.)

Ибо Поэты увеличили чудесность сообщенія Алфея съ Аретузою, сказавъ, что сей первый, протекаетъ чрезъ все Эгейское море и не принимая въ себя горечи морской воды, повергается въ лоно своей Нимфы. И какъ не повѣрить въ тому лирѣ, подобной Овидіевой или Виргиліевой? Въ доказательство сообщенія Алфея съ Аретузою, Древніе утверждали, что однажды, въ Элидѣ, брошенный въ волны Алфея покалъ, былъ найденъ въ Сициліи, въ водахъ Аретузы, и что, когда въ Олимпіи совершались жертвоприношенія на берегахъ Алфея, то кровь животныхъ выплывала на водахъ его Нимфы!!! Мнѣ сказывали однако, что

неподалеку отъ стѣны, заграждающей источникъ Аретузы отъ моря, видѣнъ бьющій изъ глубины онаго ключь полупрѣсной воды, и что сіе мѣсто называютъ — *l'occhio della Zilica*: — если это правда, то прелестная мечта Виргилія получаетъ нѣкоторый видъ истины.

Нельзя оспоривать подземныя сообщенія водъ; нѣдра земли суть цѣлый міръ, еще намъ неизвѣстный; феномены его столь же непостижимы, какъ многіе изъ видимыхъ нами. Но баснь Алфея, проходящаго чрезъ все Эгейское море, не смѣшиваясь съ его волнами, осталась такъ, какъ она есть, баснею; хотя есть нѣсколько подобный тому случай въ Палестинѣ, гдѣ рѣка Іорданъ проходитъ видимо для глазъ, чрезъ все Тиверіадское озеро и впадаетъ въ Мертвое море (т. е. теченіе рѣки обозначается полосою совершенно другаго цвѣта, какой имѣетъ озерная вода). Тоже самое можно замѣтить на Женевскомъ озерѣ, сквозь которое протекаетъ такимъ образомъ Рона.

Въ сей же день я осмотрѣлъ остальныя достопамятности острова Ортигіи, состоящія въ трехъ подземныхъ баняхъ и въ малыхъ остаткахъ великолѣпнаго храма Діаны. Вамъ покажутъ двѣ огромныя колонны сего зданія, но и тѣ, увы! задѣланы въ стѣнахъ одного частнаго дома, на улицѣ, называемой: *Via Resaliba*. Я не понималъ, что́ со мною дѣлаютъ, когда, для того, чтобъ видѣть остатки храма, меня вели во второй этажъ сего дома; но какъ увеличилось мое недоумѣніе, когда хозяинъ подвелъ меня къ неопрятному шка-

фу, или буфету; онъ раскрылъ двери онаго, и я увидѣлъ закопченный очагъ; я все еще не понималъ этой загадки; — но чтожъ вы думаете? этотъ самый закопченый очагъ утвержденъ былъ между двумя вершинами величайшихъ колоннъ, украшенныхъ капителями удивительной работы, но столь покрытыхъ сажей, что едва можно было разглядѣть превосходную рѣзьбу оныхъ. Я поздравлялъ хозяина съ хорошимъ его вкусомъ и съ его любовью къ древностямъ: *il desio di compiacere ai dotti viagiatori*, отвѣчалъ онъ съ чувствительностію, *mi spinge a serbare intatti gli vestigi della santa antichità!* (1) Вотъ истинный Сиракузянинъ!

Храмъ Діанинъ былъ однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ; онъ простирался до тѣхъ называемыхъ нынѣ *земляныхъ воротъ* (porta di terra), то есть: на полверсты (2). Пиндаръ называетъ его храмомъ Діаны Алфейской. Середина храма состояла изъ ротонды, окруженной колоннадою и увѣнчанной куполомъ. Сооруженіе онаго приписываютъ тому времени, когда Сицилія была освобождена, какъ говорятъ, самою Діаною отъ мороваго повѣтрія. Установлено было ежегодное трехъ-дневное празднество, на которое спекались всѣ обитавшіе въ окрестности Сиракузъ. Пастухи, увѣнчанные цвѣточными гирляндами, съ посохами въ рукахъ, во-

(1) Т. е. „Желаніе угодить ученымъ путешественникамъ заставляетъ меня сохранять въ цѣлости остатки священной древности.“

(2) Нѣкоторые Писатели опредѣляютъ длину его въ 300 локтей, а ширину во 150.

дили вокругъ храма, оленей и ланей, посвященныхъ богинѣ и также украшенныхъ цвѣтами. Они расточали вокругъ кормъ для сихъ животныхъ, имѣя притомъ съ одной стороны мѣшокъ съ сѣменами, а съ другой козій мѣхъ, наполненный виномъ, коимъ они орошали землю. Въ продолженіе сей процессіи они вызывали другъ друга пѣть хвалы Діанѣ, — и приличный даръ назначался побѣдителю; онъ получалъ тотчасъ права свободнаго гражданина и въ торжествѣ препровождаемъ былъ по всему городу; но побѣжденные должны были трудами рукъ своихъ содержать счастливаго пѣвца, и ежегодно приносить ему, въ опредѣленное время, дары — съ слѣдующею рѣчью: „Приими все это, о счастливый пастырь; удостоившійся обитать славный градъ, да соблюдетъ тебя Діана здравымъ!“ Послѣ чего возвращались они съ гимнами и приносили жертвы во храмѣ. Празднества сіи извѣстны были подъ названіями: *Канефоріи*, *Цитоніи* и *Таргеліи*; сіе послѣднее состояло въ роскошномъ пиршествѣ для всего города. Еще до сего времени слѣды поклоненія Церерѣ не изгладились въ Сициліи. Ежегодно, послѣ жатвы, толпы крестьянъ, увѣнчанныхъ колосьями, сопровождаютъ съ музыкой, барабаннымъ боемъ и плясками женщину, сидящую на ослѣ, посреди сноповъ.

Изъ нѣсколькихъ бань *Ортигіи*, должно замѣтить двѣ; первая называется: *bagno della Regina* (Царицына баня). Царицу сію именуютъ *Филистидой*; но время ея существованія почти неизвѣстно;

ные писатели почитаютъ Филиппиду жрицею *Вакховыхъ* неистовыхъ таинствъ; баня сія находится подъ древнимъ замкомъ, называемымъ: *Magnaci*; мраморный ея полъ еще сохранился. Вторая баня находится близъ церкви *Св. Филиппа*, подъ частнымъ домомъ; она выдѣлана весьма глубоко, въ живомъ камнѣ. Въ нее спускаются болѣе нежели по пятидесяти ступенямъ; — четыре центральные пилястра поддерживаютъ обширный сводъ; нѣсколько скамей находятся у стѣнъ; въ боковой небольшой комнатѣ бьетъ изъ земли минеральный источникъ; а подлѣ онаго изсѣчена ванна. Слабый свѣтъ проходитъ сквозь глубокой перпендикулярный каналъ; но сырость не позволяетъ тамъ долго быть.

Весь островъ Ортигія исполненъ подземными ходами, и часто, проѣзжая по улицамъ, я чувствовалъ отзывы, означающіе пустоту; это очень замѣтно на большой площади противу храма Минервы; но жители не любопытствуютъ открывать сіи подземелья.

Чрезмѣрный жаръ начиналъ насъ безпокоить и воспрепятствовалъ въ этотъ день осмотрѣть болѣе; но къ захожденію солнца, любезный г-нъ *Занги* заѣхалъ пригласить насъ на прогулку кругомъ города, то есть: кругомъ острова. Сиракузы, какъ я сказалъ, подобны теперь своей величиною тому, что они были при первомъ еще основаніи своемъ, колоніею Эолійцевъ (1).

(1) Въ заключеніе описанія острова *Ортигіи*, выпишу, что говоритъ Цицеронъ о сей части города во время его Преторства:

Мы выѣхали къ *большому порту*, названному Виргиліемъ, по его пространству — *Sicaniae sinus;* онъ образованъ заливомъ моря и огражденъ, при устьѣ своемъ, всѣмъ островомъ Ортигіею и противолежащимъ ему мысомъ *Племмиріемъ.* Видъ сего порта великолѣпенъ; но опустѣніе его сильно поражаетъ; только одинъ Австрійскій фрегатъ, крейсирующій вокругъ Сициліи, и два рыбачьихъ судна, виднѣлись на обширномъ пространствѣ той гавани, которая скрывалась нѣкогда подъ огромнымъ флотомъ гордой Республики и гдѣ преломилось могущество Аѳинянъ: *ubi Athenarum potentia fracta.* (1) Воды сіи, нѣкогда безпрестанно возмущаемыя безчисленными веслами браненосныхъ галеръ, — нынѣ, также спокойны и также безмолвны, какъ покрытыя развалинами пустыни, окружающія ихъ... Какъ я любилъ приходить туда, въ тѣ меланхолическія минуты, когда палящее Ливійское солнце скрывалось наконецъ отъ лица раскаленной земли, за дальними грудами гробницъ и стѣнъ отцвѣтшаго града. Косвенные лучи умирающаго дня ложатся полосами, по долинамъ и скатамъ холмовъ, одѣтыхъ яркой зеленью платановъ и фиговыхъ деревъ; они облекаютъ блескомъ

Ea tanta est urbs, ut ex quatuor urbibus maximis constare dicatur; quarum una est quam dixi, insula; quae duobus portubus cincta, in utriusque portus ostium, aditumque projecta est, in qua domus est, quae regis Hieronis fuit (conf. Verr. V, 12. 31.), qua praetores uti solent. In ea sunt aedes sacrae complures; sed duae, quae longe ceteris antecellunt; Dianae una; et altera quae fuit ante istius (Verris) adventum ornatissima, Minervae. (IV. Verr. II, c. 53).

(1) Senec. de Consol. ad. Marc. C. XVII.

изгибистое теченіе *Анаписа*, который, съ тихимъ ропотомъ, и какъ бы не-хотя, вливаетъ свѣтлыя струи свои въ горькія воды моря. Вечернія тѣни яснѣе обозначаютъ едва видные остатки древнихъ Сиракузъ: — вотъ двѣ колонны Зевесова храма, какъ два ночные стража, стоятъ на прибрежномъ холмѣ, — и на нихъ можетъ еще отдохнуть взоръ, вотще ищущій останковъ минувшей славы сихъ запустѣлыхъ мѣстъ!... Вотъ скалы мыса *Племирія*, оберегающія входъ въ гавань; тутъ, въ сихъ стѣнахъ, заключены Аретуза и вѣрный ея Алфей; — слышите ли ихъ жалобы?.. Сумерки сливаютъ уже всѣ предметы; но великолѣпныя вершины нѣсколькихъ пальмъ, взлелѣянныхъ водами Анаписа, рисуются еще на темно-голубомъ эѳирѣ. — Вотъ повѣяли отрадные зефиры; они предвѣщаютъ появленіе царицы ночи; вѣнецъ ея горитъ уже нѣжнымъ свѣтомъ на посребряющейся лазури; но ее не привѣтствуетъ болѣе ѳиміамъ курящихся жертвенниковъ!.. Природа облекается въ новыя краски, она начинаетъ мало по-малу освѣжаться отъ упомившаго ее зноя; поникшіе листы деревъ заигрываютъ съ рѣзвыми вѣтерками — и часто, пѣснь соловья нарушаетъ вдругъ мертвое безмолвіе. О Ѳеокритъ! о Біонъ! о Мосхъ! и васъ прельщали красоты сей самой Природы!... Сцены идиллій вашихъ повторяются еще изрѣдка на сихъ берегахъ. Однажды, въ поздніе часы подобнаго сему вечера, возвращаясь съ развалинъ *Неаполиса*, при сомнительномъ свѣтѣ Цинтіи — я видѣлъ подъ кровомъ густаго

платана и блѣдной оливы, Коридона и Амариллу; я видѣлъ страстнаго юношу, обернутаго широкимъ плащемъ, робко пробиравшагося сквозь кусты; я принялъ его за разбойника, межъ тѣмъ, какъ онъ, можетъ быть, такъ взывалъ къ недавно восшедшей звѣздѣ Киприды:

. . . О Весперъ! мой вожатый,
Блестящая краса лазоревыхъ почей;
Всѣ звѣзды отъ пвонхъ помрачены лучей,
Какъ ты отъ Цинтіи! — въ тебѣ я вижу друга;
Тамъ ждетъ меня, увы! мнимушная супруга;
Ахъ! замѣни ты мнѣ сребристый свѣтъ луны;
Теперь рога ея едва обновлены,
Она ужъ кроется... я не вредить желаю
Ночному пушнику; но страстію сгараю! (1)

Вечеръ того дня провелъ я очень пріятно, по приглашенію г-на Занги, въ здѣшнемъ *казино* или *собраніи*, куда стекается лучшее общество; я нашелъ тамъ много прекрасныхъ и любезныхъ женщинъ. Вообще, онѣ одарены весьма тонкимъ умомъ и нѣжными органами; музыка есть ихъ стихія и составляетъ почти все ихъ воспитаніе; гармонія обнаруживается въ ихъ тѣлодвиженіяхъ и въ разговорахъ. Для женщинъ, качества сіи могутъ быть иногда достаточны; но весьма странно, что образованіе мужескаго пола почти все тоже; большая часть Сициліянцевъ мало просвѣщены. Въ женщинахъ я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ сильный патріотизмъ; — они напоми-

(1) Mosch. Id. VII.

наютъ еще тѣхъ Сициліянокъ, кои при осадѣ Палермы пожертвовали своими прекрасными косами, чтобъ сдѣлать изъ нихъ тетивы для луковъ, — и мнѣ сказывали, что въ Палермѣ установлено празднество въ память сего событія. Не надобно забывать, что замѣчаніе сіе есть *общее*, и что, не смотря на слабое просвѣщеніе сей страны, путешественникъ всегда найдетъ въ городахъ, каковы суть: Палерма, Катанія, Мессина и Сиракузы, людей, одаренныхъ рѣдкимъ просвѣщеніемъ и всѣми качествами истинныхъ гражданъ; но, не смотря на все ихъ рвеніе возстановить свое отечество, Правительство отнимаетъ отъ нихъ всѣ способы. Разсматривая характеръ націи, вы увидите въ немъ отпечатокъ природной гордости, ума, хитрости и твердости; вы замѣтите, что мечи и копья имъ свойственны, — но, увы!

Забывъ дѣянья предковъ, громки — (1).

они не съ довольнымъ рвеніемъ ищутъ славы своего отечества! Я нашелъ болѣе истинныхъ гражданъ въ Катаніи, Мессинѣ и Сиракузахъ, чѣмъ въ Палермѣ, гдѣ они стараются роскошью отгонять отъ себя заботы и ослѣплять глаза свои и чужеземцевъ. Нельзя не замѣтить недоброжелательство царствующее между тремя первыми и послѣднимъ городомъ; жаль, что частныя пользы и сѣмейственныя вражды Сицилійскихъ гражданъ заглушаютъ въ нихъ общее стремленіе ко благу отечественному. Но возвратимся къ любезному

(1) Дмитріевъ.

обществу Сиракузянъ. Оно похоже на доброе, благоустроенное сѣмейство; искренность и непринужденность замѣтны въ ономъ; бесѣды ихъ, — истинно дружескія: здѣсь, общій разговоръ занимаетъ цѣлый кругъ собесѣдниковъ; въ другой комнатѣ нѣсколько красавицъ поютъ съ своими кавальерами аріи Чимарозы или Россини; тамъ занимаются разными играми. Сидя съ милою женщиной на балконѣ, обращенномъ къ *большому порту*, коего знаменитыя воды, осребряемыя луною, тихо плескались, — мы слышали серенаду. Молодой трубадуръ, съ гитарою въ рукахъ, вздыхалъ на берегу, близъ сосѣдняго дома. Голосъ его былъ нѣженъ, — и судя по растворенному окну, мы не сомнѣвались въ хорошемъ успѣхѣ его страсти.

ГЛАВА XXI.

Сиракузы: Предмѣстіе Акрадина. — Катакомбы. — Латоміи.

> Videbis ubi tot millia captivorum, ille excisis in infinitam altitudinem saxis, lautumius carcer inclusérat . . .
>
> (*Seneca. de Cons. ad Marc. c.* XVII.)

Окончивъ обозрѣніе острова *Ортигіи*, я во всѣ слѣдующія дни не сходилъ почти съ лошади, осматривая осшатки древнихъ Сиракузъ, находящіеся внѣ теперешняго города. Прежде начатія моего разсказа, я объясню происхожденіе, топографію и состав древняго города:

Слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., колонія Эолійцевъ пристала къ острову *Ортигіи*, избравъ оный себѣ жилищемъ — и назвавъ его *Омотермонъ*, а въ послѣдствіи *Наксосомъ*. Вскорѣ, нашедшіе Сикулы изгнали ихъ и построили на томъ же мѣстѣ городъ, назвавъ его: *Сирака*, по причинѣ близъ-лежащаго болота. Но настоящее основаніе Сиракузъ было за 758 л. до Р. Х., когда Архій, одинъ изъ Гераклидовъ, приплывъ изъ Коринфа, основался на томъ же островѣ Ортигіи (1).

(1) Thucyd. Lib. VI.

Два залива Іоническаго моря, объемля съ двухъ сторонъ сей островъ, образуютъ природныя двѣ гавани, изъ коихъ одна, далеко углубленная въ землю, названа была *большою*, а другая *малою* или *мраморною*. Перейдя съ острова на твердую землю, отъ коей онъ отдѣлялся нѣкогда перешейкомъ, начинается предмѣстіе, называемое *Акрадина*, которое протягивалось къ сѣверу, вдоль Іонійскаго моря и кончалось у третьей гавани, названной *Трогилъ*; на западѣ сіе обширное предмѣстіе омывалось водами большой гавани. Ежедневно возрастающее величіе и народонаселеніе города распространило и границы онаго; вскорѣ выстроено было второе предмѣстіе, наименованное: *Тиха*, по причинѣ храма Фортуны, въ немъ находившагося, и въ слѣдъ за онымъ — третіе, названное сначала *Теменитъ*, Τεμενος, (по причинѣ оливковой рощи, тамъ находившейся и окружавшей храмъ Аполлона), а послѣ — *Неаполисъ*, т. е. *новый городъ*; объ сіи части Сиракузъ, смежныя между собою, прилежали къ Акрадинѣ съ запада. *Неаполисъ* начинался отъ болота *Лизимела*, составлявшаго часть берега *большаго порта* и кончался у стѣнъ предмѣстія *Тихи*, которое выходило къ полямъ *Трогилова порта*. Къ симъ двумъ частямъ города, по направленію къ западу же, присоединялось пятое предмѣстіе, называемое *Эпиполь*, съ тремя укрѣпленными замками: *Лабдаломъ*, *Гексапаломъ* и *Эвріаломъ*. Всѣ сіи предмѣстія основаны на обширномъ каменистомъ возвышеніи, которое, начиная отъ западной стороны Акрадины, весьма

примѣтно восходитъ выше и выше, съ-уживаясь на-подобіе мыса, къ конечности *Эпиполя*, коего скалы господствуютъ уже надъ всѣми высотами. Къ дополненію топографіи Сиракузъ, должно сказать о мысѣ *Племміріи*, который вмѣстѣ съ противулежащимъ островомъ *Ортигіею*, (отдѣляясь отъ него проливомъ шириною на 500 туаз.) составлялъ входъ въ *большой портъ*. По очевидной важности своего положенія, онъ былъ одѣтъ укрѣпленіями и составлялъ, какъ бы *шестое* предмѣстіе довольно обширное. На весьма маломъ разстояніи отъ него, слѣдуя вдоль берега *большаго порта*, противъ самаго пролива, находилось на возвышеніи другое отдѣльное укрѣпленіе, заключавшее въ стѣнахъ своихъ великолѣпный храмъ *Юпитера Олимпійскаго*, — и по сему называемое: *Олимпійскою цитаделью* или *Полихне*.

Окружность Сиракузъ заключала въ себѣ почти 40 верстъ, а народонаселеніе доходило до 2-хъ милліоновъ жителей. Основываясь на Цицеронѣ, который зналъ Сицилію, какъ свое отечество, Сиракузы превышали Аѳины своею обширностью и даже красотою: *Urbem Syracusas*, говоритъ онъ, *maximam esse Graecarum urbium pulcherrimamque omnium, saepe audistis; est judices, ita ut dicitur.* (1) Я начну теперь свои обозрѣнія съ Акрадины.

(1) (Cic. in Verr. A. II. L. IV, c. LII.) т. е. „Вы часто слыхали, „о судіи, что городъ *Сиракузы* есть величайшій и прекраснѣйшій изъ всѣхъ городовъ Греческихъ; — это есть настоящая „истина.“ — Сенека говоритъ о Сиракузахъ: „Videbis ipsam *ingentem* civitatem, et laxius turritam, quam *multarum urbium* fines „sint. (Ad Marc. XVII.)

Сія часть города, омываемая съ востока и сѣвера моремъ, была самою великолѣпною; въ ней заключались между прочимъ: — *Пентапилъ*, зданіе, которое чрезъ пять воротъ (однѣ за другими лежащихъ) вело въ *Ортигію* (1); — обширный *форумъ*, — великолѣпные *портики* внутри города и на берегу моря; (сіи послѣдніе были любимымъ гульбищемъ Сиракузянъ); — огромный *Пританеи* или Гимназія; — зданіе для *Куріи* или Сената, — и храмъ *Юпитера Олимпійскаго*, который напослѣдокъ, будучи обнесенъ укрѣпленіями, составлялъ особенное предмѣстіе. Широкая улица, образованная изъ пышныхъ зданій, разрѣзывала Акрадину во всю длину; къ ней примыкали многія другія, заключавшія въ себѣ частные домы (2). Изъ всей той пышности взоръ встрѣчаетъ на опустѣлой поверхности только пѣ двѣ колонны портиковъ, о коихъ говорилъ я уже при въѣздѣ моемъ въ Сиракузы; вѣка изгладили самыя развалины, которыя составили слой сей земли, и безъ того каменистый, изъ коего едва проглядываютъ самыя скудныя растенія.

Первый предметъ, достойный любопытства, ступивъ изъ *Ортигіи* на землю *Акрадины*, есть небольшой заливъ, называемый: *малый портъ*; онъ ускользаетъ отъ вниманія; но это тѣ самыя воды, которыя видѣли уничтоженіе флота Маркелова, ежедневно разрушаемаго, изъ за стѣнъ города, незримыми машинами Архимеда; волны сіи,

(1) Göller. de situ et orig. Syrac. procem. p. 19.
(2) Cic. ib. c. LIII.

если вѣрить нѣкоторымъ преданіямъ, отсвѣчивали нѣкогда, пламя ниспедшее съ неба властію сего дивнаго генія, на погибель Римскаго флота. По берегу сего залива видны еще подъ водою остатки помостовъ изъ мрамора и мозаиковъ. Гавань сія, которую Агаѳоклъ украсилъ башнями, (1) называлась *мраморною*, по великолѣпію прибрежныхъ зданій; нѣсколько подземныхъ сводовъ, принадлежавшихъ имъ, показываютъ существованіе и огромность оныхъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ есть одинъ весьма любопытный, обросшій терніемъ и ковылемъ, и заключающій въ себѣ три комнаты. Утверждаютъ, что это есть остатокъ отъ знаменитаго дворца Агаѳокла. Сіе зданіе называютъ здѣсь весьма странно: *палатами о шестидесяти кроватяхъ*. Діодоръ говоритъ, что оно превышало высотою и великолѣпіемъ своимъ всѣ храмы боговъ, и что безсмертные, какъ бы подвигнутые завистью, истребили оное молніею. Всѣ стѣны и своды сихъ комнатъ обложены глиняными сводами; въ одной изъ нихъ своды сіи, утвержденные на четверостороннихъ плитахъ, входятъ одинъ въ другой, съ большою точностію, — и набиты тою же самою известью, коею прикрѣплены плиты ко своду.

Нельзя видѣть ничего печальнѣе обширной поверхности предмѣстія Акрадины; но это мертвое запустѣніе, эта дикость — необыкновенны; — онѣ дѣйствуютъ на воображеніе. Сей ка-

(1) Diod. L. XVI, c. 23.

меністый слой, составленный изъ размешанныхъ развалинъ города, безпрестанно напоминаетъ вамъ, что вы попираете прахъ великихъ Сиракузъ, прахъ великаго народа, коихъ слава, *восходила до звѣздныхъ высотъ!* (*fama super aethera notus!*) (1) Поля Сиракузъ еще печальнѣе полей окружающихъ Римъ, столь извѣстныхъ своею дикостью; — пространный горизонтъ сихъ послѣднихъ, кончается лазурными грудами Аппенинонъ, съ бѣлѣющими по лѣсистому скату ихъ, городами и селеніями: — тамъ *Тиволи* съ шумящими водопадами; тамъ *Фраскати*; — далѣе *Альбано*; но здѣсь повсюду видна раскаленная каменистая долина, омываемая однообразно-плещущими волнами Эгейскаго моря; ряды вскрытыхъ гробницъ и нѣсколько уединенныхъ пальмъ, финовыхъ и оливковыхъ деревъ, оспанавливаютъ омраченный печалью взоръ.

Палимый зноемъ, сопутствуемый мечтами, я шелъ молчаливо за наемнымъ антикваріемъ, мало вникая въ его рѣчи, изъ коихъ мнѣ часто отзывалось: *qui fù! qui fù!* — *здѣсь было! здѣсь было!* — Слова сіи, произносимыя посреди запустѣнія, имѣли свое краснорѣчіе. Такимъ образомъ мы приближались къ мѣсту, называемому: *Латоміи Капуциновъ*. Именемъ *Латоміи* (2) Греки называли каменоломни. Это совсѣмъ необыкновенное

(1) Virg. Aen. L. I. v. 383.

(2) Слово: *Латомія*, по-Гречески: Λατομιας происходитъ изъ двухъ словъ: Λας (*камень*) и τομη отъ глагола τεμνω, *сѣку, разсѣкаю.*

зрѣлище: — мѣсто сіе принадлежитъ бѣдному монастырю Капуциновъ, который выстроенъ на краю сихъ пропастей, изсѣченныхъ безъ плана, на сто футъ или болѣе въ глубину, посреди кремнистаго слоя. Мы спустились туда по безчисленнымъ ступенямъ: нельзя не быть поражену удивленіемъ, находясь тамъ въ первый разъ; вы видите себя въ обширномъ, недоступномъ заключеніи, и вмѣстѣ съ симъ, посреди самыхъ щедрыхъ даровъ природы, подъ кровомъ яснаго неба; но горизонтъ ограниченъ отвсюду громадами нависшихъ скалъ. Я поясню вамъ это: сіи бездны, изъ нѣдръ коихъ возникли цѣлыя Сиракузы, подали мысль Діонисію-Тирану употребить ихъ на заключеніе преступниковъ, военноплѣнныхъ — и преимущественно, невинныхъ жертвъ его. Сіи Латоміи знаменитыя по Исторіи. Здѣсь погибли въ цѣпяхъ и въ голодѣ 7000 Аѳинянъ, полоненныхъ въ злосчастную экспедицію Никіаса и Демосѳена, противу Сиракузъ; (1) число погибшихъ даетъ судить о пространствѣ сихъ грозныхъ мѣстъ; нынѣ, мирные Капуцины, обратили ихъ въ самый живописный садъ; кущи лимонныхъ, лавровыхъ, фиговыхъ и оливковыхъ деревъ, растутъ, полныя жизни, по обрушеннымъ или по разтрескавшимъ спѣнамъ скалъ; — они висятъ со сводовъ, укрывая пришельца ароматною тѣнью; кусты миртовъ и каперсовъ вырываются изъ ущелинъ и пещеръ, стелются по землѣ и заграждаютъ пути. Слѣ-

(1) Thucyd. L. VII. c. 87.

дующая Тассова октава кажется списана отсюда:

Nel tronco istesso, e tra l'istessa foglia
Sovra il nascente fico invecchia il fico:
Pendono a un ramo, un con dorata spoglia,
L'altro con verde, il nuovo e'l pomo antico.
Lussureggiante serpe alto e germoglia
La torta vite, ov'è più l'orto aprico:
Qui l'uva ha in fiori acerba, e qui d'ór l'ave
E di piropo, e già di nettar grave.

(*Tasso. Gier. Lib. C.* XVI. *S.* II.)

„На томъ же пнѣ и подъ тою же тѣнью вянетъ состарѣв-„шаясь фига надъ молодою. Яблоки, съ листами поблекшими и съ „листами зелеными, висятъ на одномъ сучкѣ. Въ самомъ дикомъ „мѣстѣ сада, вьются игриво къ высотѣ изгибистыя и сочныя ло-„зы. Здѣсь, видны въ цвѣту неспѣлыя гроздья винограда, а тамъ, „они горятъ уже въ золотѣ и рубинахъ и отягчены сладкимъ нек-„таромъ."

Природа оправдала здѣсь въ полной мѣрѣ блестящій вымыселъ пѣвца Іерусалима. Землетрясенія, коихъ слѣды вездѣ видны въ сихъ латоміяхъ, сдѣлали ихъ еще живописнѣе. Огромные своды, самой безобразной неправильности, сквозь искривленныя отверстія коихъ сквозятъ лучи солнца, образуютъ входы въ разныя отдѣленія. Въ первомъ изъ оныхъ, возвышается изъ средины уродливая скала, расширяющаяся къ вершинѣ, на которой видны остатки развалившагося зданія: это была сторожевая башня, и скала сія нарочно выдѣлана для сего предмета. Теперь она недосягаема, ибо сооб-

щеніе съ горизонтомъ земли не существуетъ; — сообщеніе сіе было устроено посредствомъ подъемнаго моста; — оттуда тиранство наслаждалось ужаснымъ зрѣлищемъ своихъ жертвъ!

Но обратимся къ другимъ красотамъ сихъ мѣстъ; отдохнемъ въ одной изъ сихъ прохладныхъ пещеръ, подъ широкими занавѣсами лавровъ и миртовъ. Что можетъ быть сладострастнѣе сего убѣжища? Не здѣсь ли написалъ Горацій строфу сію:

Quis multâ gracilis te puer in rosâ
Perfusus liquidis urget odoribus,
Grato, Pyrrha, sub antro?
Cui flavam religas comam,
Simplex munditiis?...

Кто сей, на ложѣ розъ душистыхъ,
Весь благовоньями облитъ,
Съ тобой, подъ сводомъ скалъ шѣнистыхъ,
Обнявшись, — нѣгою горитъ?..
Къ кому, съ златой косой развитой,
Небрежной роскошью гордясь,
Лилейной грудію раскрытой
Прижмешься, страстью утомясь?... —

(*Horat. L. I. V.*)

Какая ароматная атмосфера! Яблоки Аталанты, грозды Вакховы и пушистые персики, прозирая сквозь яркую зелень, манятъ уста. Нѣтъ! это не садъ Капуциновъ; это садъ Лукулла, это

произведеніе магическаго жезла; — здѣсь хотѣлъ бы я съ вами, друзья, роскошествовать за круговою чашею, здѣсь хотѣлъ бы я пить любовь изъ очей милой Лилы:

Huc, vina et unguenta et nimium breves
Flores amoenae ferre jube rosae,
Dum res et aetas et sororum
Fila trium patiuntur atra! (1)

Такъ мечталъ я о блаженствѣ, покоясь въ обширной пѣни; межъ тѣмъ мой вожатый подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „замѣтили ль вы это ржавое кольцо, прикрѣпленное позади васъ къ скалѣ?“ я невольно вздрогнулъ, угадавъ его объясненіе: кольцо сіе принадлежало цѣпи несчастнаго страдальца; мечты блаженства быстро отлетѣли отъ меня... Я вспомнилъ разсказъ Ѳукидида:

„Сиракузяне, говоритъ Историкъ, начали же„стоко обращаться съ заключенными въ Лиѳопо„міяхъ. Стѣсненные въ пропастяхъ, подъ откры„тымъ небомъ, сіи несчастные должны были сперва переносить зной солнечный и удушливый воз„духъ, а въ послѣдствіи ѣдкую свѣжесть осеннихъ „ночей, которыя принесли имъ, въ замѣну преж„нихъ страданій, — другія... Мертвыя тѣла на„коплялись грудами и заражали несносными испа„реніями воздухъ. Получая, въ продолженіе осьми

(1) Сюда, вино и аромапы!
Сюда, мгновенныхъ розъ вѣнки!
Пока мы юностью богаты,
И Парки къ намъ не жестоки!
(*Hor. L. II. III.*)

„мѣсяцевъ, по одной мѣрѣ (равной пригоршнѣ) во-
„ды, — и по двѣ таковыя мѣры, хлѣба, на человѣ-
„ка; мучимые гладомъ и жаждою — они испыта-
„ли всѣ бѣдствія, которыя можно вообразить при
„такомъ положеніи . . . Это было самое ужаснѣй-
„шее злоключеніе для Грековъ въ продолженіе
„войны противу Сиракузъ; — и по моему мнѣнію,
„событіе сіе есть изо всѣхъ памятныхъ событій
„Греціи, славнѣйшее для побѣдителей и злопо-
„лучнѣйшее для побѣжденныхъ. Сіи послѣдніе, ис-
„пытали бѣдствія чрезвычайныя. Ихъ пораженіе
„было совершенное: войска, корабли, — все поги-
„бло! — и изъ безчисленнаго воинства, токмо нѣ-
„сколько человѣкъ увидѣли свое отечество . . .“

(*Кн.* VII. *г.* 87.)

Историческое мѣсто сіе представитъ неис-
тощимые предметы для пейзажиста. — Здѣсь мо-
жно видѣть, какія чудеса производитъ небо Сици-
ліи, тамъ даже, гдѣ, кажется, нѣтъ жизни.

Близокъ былъ вечеръ; но мнѣ оставалось еще
видѣть въ сей день катакомбы, находящіяся близъ
монастыря Св. Іоанна. Монахи занятны были еще
вечерними молитвами. Въ ожиданіи сторожа ка-
такомбъ, мой вожатый предложилъ мнѣ осмо-
трѣть подземную церковь. Церковь сія, принадле-
жа самымъ первымъ вѣкамъ христіанства, заслу-
живаетъ вниманіе; — первобытно была она Гре-
ческая, и живопись нѣкоторыхъ хорошо сохра-
нившихся аль-фресковъ, подобна живописи древ-

нихъ Византійскихъ церквей. Скромный храмъ сей украшенъ нѣсколькими готическими колоннами; свѣтъ, падающій сверху, разливаетъ вокругъ отщѣнку таинственности. Тутъ показываютъ гробницу Св. Марціана, (одного изъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанской вѣры въ Сициліи), — и гранитную колонну, къ которой привязывали для истязаній мучениковъ-Христіанъ. Кто не почтитъ слезою мѣсто сіе!

Вскорѣ, насъ пригласили въ катакомбы: — старецъ, строгой наружности, убѣленный годами, ожидалъ насъ у мрачнаго входа, съ пылающимъ факеломъ; знакомъ руки пригласилъ онъ меня за нимъ слѣдовать; мнѣ подали другой факелъ, — и мы вступили въ широкую галлерею, коей не видно было конца. Глубокая тишина земныхъ нѣдръ невольно вселяла въ насъ молчаніе; мы, казалось, боялись нарушить оное. Ожидая видѣть катакомбы, подобныя доволѣ мною виданнымъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Парижѣ, въ Кіевѣ, — которыя состоятъ изъ узкихъ и неправильныхъ подземныхъ путей, — я не могъ скрыть своего удивленія, взглянувъ на величественныя линіи галлерей, открывшихся тогда передо мною.... Мы скоро взошли въ обширную ротонду, увѣнчанную смѣло сооруженнымъ куполомъ съ круглымъ отверстіемъ на верху; оттуда стремился полосами слабый свѣтъ дня, озарившій безконечные пути, ведущіе во всѣ стороны и теряющіеся въ глубокомъ мракѣ. Въ стѣнахъ сей ротонды, правильно высѣчено нѣсколько впадинъ, для гробницъ и урнъ.

Гдѣ мы находимся? — спросилъ я у молчаливаго старца, пораженный симъ зрѣлищемъ: — „Въ палатахъ смерти“ — отвѣтствовалъ онъ мнѣ, отрясая факелъ, и приглашая меня сѣсть на одну изъ каменныхъ скамей, придѣланныхъ къ стѣнамъ. — „Здѣсь,“ продолжалъ онъ, „было мѣсто печальныхъ собраній великихъ нашихъ предковъ; сюда сходили они искать вдохновенія добродѣтели, близъ хладныхъ праховъ отцевъ своихъ; они не боялись свыкаться со смертію, коей образъ повторялся здѣсь въ безчисленныхъ видахъ; — размышленіе надъ гробами полезнѣе всѣхъ нашихъ проповѣдей. Давно удалившійся изъ міра, я часто, въ нѣдрахъ земли, ищу утѣшенія отъ бѣдъ, постигшихъ меня на поверхности оной!...“ Тяжелый вздохъ прервалъ его тихія рѣчи... Умирающій лучь солнца, проникшій въ отверстіе, освѣтилъ внезапно блѣдное лице и бѣлую бороду старца; я взглянулъ на безоблачную лазурь неба: — она, казалось, выражала душу его, — а лучь солнца — угасающую жизнь!...

За симъ, мы встали, и — поправя нагорѣвшіе факелы, направились далѣе во мракъ большой галлереи. Сырой холодъ, дышущій оттуда, начиналъ проникать меня; оный походилъ на холодъ смерти. Мой взоръ терялся въ семъ лабиринтѣ путей. Всѣ стѣны заключаютъ въ себѣ ряды гробовыхъ нишей разной величины; часто находилъ я особые погребальные своды для цѣлаго семейства; иамъ отличаются иногда двѣ среднія гробницы. Они заключали родоначальниковъ; а тѣ,

кои расположены разными этажами по сторонамъ, или въ глубинѣ стѣнъ, — все поколѣніе ихъ. Необыкновенное множество сихъ гробницъ удивляетъ воображеніе, представляя ему необъятное число сошедшихъ туда человѣковъ. Въ нѣкоторыхъ гробницахъ видны еще кости въ ужасномъ смѣшеніи. Въ сихъ опустѣлыхъ памятникахъ древнихъ Сиракузянъ, погребались въ послѣдствіи времени, гонимые Христіане. На иныхъ стѣнахъ сберегласъ еще живопись; я замѣтилъ нѣсколько прекрасныхъ изображеній птицъ и цвѣтовъ. Живопись сія очень походитъ на ту, которая видна въ Помпеѣ и принадлежитъ лучшимъ временамъ Сиракузъ. Жаль, что дымъ факеловъ, при показываніи оной путешественникамъ, затмѣваетъ ее болѣе и болѣе; тутъ же видны мѣста для горѣвшихъ ламтъ, крюки, на которыхъ онѣ висѣли и нѣсколько надписей, совсѣмъ почти изгладившихся.

Въ одной изъ лучшихъ галлерей, остановила мои шаги большая гробница, стоящая поперегъ пути; она очень замѣтна, будучи единственного въ сихъ катакомбахъ. Можно полагать, что въ ней заключался прахъ знаменитаго мужа; воображеніе можетъ выбирать изъ сонма великихъ прославившихъ сію землю... Катакомбы сіи суть цѣлый подземный городъ; — но это: *città dolente*, Данта.

Сырость, а не усталость, заставила меня предпринять обратный путь; ибо я находилъ усладу, забывая на время свѣтъ, бродить въ семъ

таинственномъ мракѣ смерти, поглотившемъ столько славнаго, — и окружать себя въ мысляхъ, тѣнями гордыхъ Сиракузянъ. Старецъ прервалъ мои мечтанія разсказомъ, какъ одинъ изъ Капуциновъ, имѣя при себѣ трехъ или четырехъ повѣренныхъ ему дѣтей, потерявъ дорогу, осшался на всегда въ сихъ могильныхъ нѣдрахъ; онъ прибавилъ, что одинъ изъ сихъ дѣтей, чудеснымъ промысломъ Провидѣнья, нашелъ выходъ, — и гдѣ же вы думаете? — У стѣнъ Катаніи! Не знаю, справедливо ли это; но подземелья сіи идутъ на чрезвычайное разстояніе, хотя пути оныхъ теперь во многихъ мѣстахъ преграждены обрушившимися сводами.

Проходя, на возвратѣ моемъ, чрезъ одну изъ прекрасныхъ ротондъ украшающихъ сіи катакомбы, я увидѣлъ сквозь круглое отверстіе, восшедшую луну и звѣзды, которыя сіяли необыкновеннымъ блескомъ, по причинѣ темноты окружавшей насъ; я вспомнилъ тогда проведенную мною часть ночи въ Римскомъ Пантеонѣ, гдѣ я любовался подобнымъ зрѣлищемъ, въ открытый сводъ онаго. Какая великая мысль была у сихъ Римлянъ, показать взорамъ зрителей, изъ совершеннѣйшаго храма рукъ человѣческихъ, великій храмъ Натуры, созданный Тѣмъ, Кто создалъ всё! Какой укоръ гордости человѣка!...

Lo duca ed io per quel cammino ascoso
Entrammo per tornar nel chiaro mondo,
E senza cura aver d'alcun riposo
Salimmo su, ei primo ed io secondo,

Tanto ch'io vidi delle cose belle
Che porta 'l ciel, per un pertugio tondo:
E quindi uscimmo a riveder le stelle. (1)

*

И вождь и я, тогда, чрезъ сокровенный путь,
Обратно въ свѣтлый міръ, въ молчаньи возвращались:
И отъ трудовъ своихъ не мысля отдохнуть —
Онъ шелъ впередъ, я въ слѣдъ — и тихо подымались..
Прекрасны небеса, межъ тѣмъ, моимъ очамъ,
Въ отверстье круглое, помалу открывались, —
И вскорѣ вышли мы къ сверкающимъ звѣздамъ...

(*Данте. П. Ад. П.* XXXIV.)

Какая ночь! Садясь на обломокъ Дорической колонны, подъ навѣсъ вѣтвистаго платана, я весьма удивился, увидѣвъ многіе листья покрытыми блестящими искрами: то было безчисленное множество маленькихъ свѣтящихся мушекъ, называемыхъ здѣсь: *luccioli*; это походило на очарованіе! Какое благоуханіе разносится съ каждымъ дуновеніемъ вѣтерка! — какое небо! — Цицеронъ, рожденный самъ въ благословенномъ климатѣ Кампаніи, плѣнялся небомъ Сиракузъ; какъ справедливо его замѣчаніе, когда онъ говоритъ, что воздухъ сей страны такъ чистъ и ясенъ, что нѣтъ ни одного дня въ году, — какъ бы оный ни былъ ненастенъ, — въ который бы

(1) Dante. Inf. c. ult.

солнце скрыло себя на цѣлый день отъ человѣковъ. (1)

Великолѣпіе ночи и тишина, царствующая вокругъ, погрузили меня въ размышленія; но вскорѣ, шорохъ шаговъ, вывелъ меня изъ оныхъ; то былъ добрый старецъ, мой вожатый по катакомбамъ; онъ несъ мнѣ корзину съ сочными плодами кактуса; я хотѣлъ возблагодарить его деньгами; но онъ тогда только взялъ ихъ отъ меня когда я согласился принять его подарокъ, который былъ истинно драгоцѣнный: — онъ вручилъ мнѣ небольшую серебряную монету, которую онъ самъ нашелъ въ катакомбахъ, во рту одного скелета, — это была плата Харону за перевозъ чрезъ Ахеронъ! Сколько думъ понесъ я съ собою, принявъ сей могильный даръ вѣковъ минувшихъ, изъ рукъ опшельника!..(2)

Возвращаясь домой, я чувствовалъ большую теплоту въ атмосферѣ; наконецъ она такъ усилилась, что я не могъ спать почти во всю ночь; но восшедшее солнце принесло нестерпимый зной, и мнѣ объявили, что Африканскій вѣтеръ *сирокко* налетѣлъ на сей берегъ. Вѣтеръ сей есть

---

(1) Urbem Syracusas elegerat, cujus hic situs, atque haec natura esse loci coelique dicitur, ut nullus unquam dies tam magna turbulentaque tempestate fuerit, quin aliquo tempore ejus diei solem homines viderint. (*Cic. in Verr. A.* II, *L. V, c. x.*)

Сенека говоритъ тоже самое о Сиракузахъ: Videbis... nullum diem sine interventu solis (*de Consol. ad Marc. c.* 17.)

(2) Монета сія по мнѣнію одного Археолога оказалась принадлежащею времени Гелона, но мнѣніе сіе не есть утвердительное, ибо едва можно различить кое что на ней по причинѣ ржавчины.

бичь южныхъ странъ, приводящій въ изнеможеніе и людей и животныхъ и растенія. Съ его появленіемъ, во всѣхъ домахъ закрываютъ окна ставнями, и вы не увидите ни одного существа на улицахъ; соскучивъ сидѣть въ темнотѣ, весь сей день, я осмѣлился послѣ обѣда открыть окно; но я былъ за это наказанъ; удушливый воздухъ, подобный палящему испаренію печи, обдалъ лице мое, и красныя мелкія пятна покрыли оное на два или три дни. Вечеромъ, изъ любопытства, вышелъ я къ гавани; мутные пары отягощали горизонтъ; но солнце, будучи еще часа за два до своего захожденія, лишено было лучей и походило на тусклый раскаленный шаръ. Ни одного облака не видно было на небѣ, и природа, казалось, страдала. Подошедъ къ одному платану, я увидѣлъ, что листья онаго свернулись; трава казалась изтлѣвшею; пагубное сіе повѣтріе оставляетъ надолго слѣды свои на растеніяхъ. — Выпавшая ночью сильная роса освѣжила воздухъ.

ГЛАВА XXII.

Сиракузы: — Большой портъ. — Рѣка Анаписъ. — Источникъ Ціаны.

> Videbis portum quietissimum omnium, quos aut natura posuit in tutelam classium, aut adjuvit manus, sic tutum, ut ne maximarum quidem tempestatum furori locus sit. Videbis ubi Athenarum potentia fracta!...
>
> (*Seneca. de Cons. ad M.* XVII.)

Прекраснымъ утромъ, за полчаса до восхожденія солнца, отправились мы, въ лодкѣ, къ баснословному источнику *Ціаны* и къ рѣкѣ *Анапису*, которая впадаетъ въ *большой портъ*. Алая заря румянила уже тихія зыби гавани, вдоль коей мы плыли; берега и безоблачный сводъ неба отражались въ нихъ, какъ въ зеркалѣ. Сколько ужасныхъ битвъ происходило на безмятежныхъ водахъ сихъ, давно уже неоглашаемыхъ кликами войны и торжествъ! Всѣ побѣдоносные флоты Карѳагена, — всѣ силы Римлянъ никогда не могли проникнуть въ сію чудесную гавань, которая, находясь почти въ центрѣ города, была для нихъ непреоборимою преградою, о которую разбивались всѣ ихъ успѣхи (1). Но гордые Аѳиняне проникли туда, и ужасная смерть бы-

(1) Cic. in Verr. A. II. V.

ла возмездіемъ ихъ дерзости. Здѣсь Аѳины получили первый ударъ, поколебавшій все зданіе ихъ славы; и гибель ихъ флота содѣлалась гибелью ихъ владычества! (1) Мы видѣли двухъ рыбаковъ, закидывающихъ мрежи съ тихимъ напѣвомъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ уничтоженъ весь Аѳинскій флотъ подъ начальствомъ Демосѳена и Никіаса.

Аѳиняне, мечтавшіе покорить Сиракузы, сію мощную республику, соперницу ихъ славы, и испытавъ уже всѣ бѣдствія войны на сушѣ и на водахъ, рѣшились наконецъ возвратиться въ Грецію; но Сиракузяне, желая лишить ихъ всѣхъ способовъ къ отступленію, и видя весь флотъ ихъ среди *большаго порта*, спѣсненнымъ между островомъ Орпигіею и мысомъ Племміріемъ, вознамѣрились заградить проливъ нѣсколькими галерами, связавъ ихъ желѣзными цѣпями, прикрѣпленными отъ одного берега къ другому. Аѳиняне, не смотря на неудачи свои, имѣли еще весьма сильный флотъ, состоявшій изъ 115 галеръ (противу 74 Сиракузскихъ), такъ, что ихъ побѣда могла бъ сдѣлаться пагубною для Сиракузянъ. Аѳиняне, видя себя запертыми со всѣхъ сторонъ и движимые отчаяніемъ, сражались за жизнь, а Сиракузяне за вольность. Первые имѣли свидѣтелями всю свою сухопутную армію, стоявшую вдоль берега, близъ такъ называемаго Дасконова залива, (2)

(1) Cic. ib.

(2) Нынѣ: *marina di meloni.*

и воспламенявшую ихъ мужество сладкимъ именемъ своего отечества и необходимостью спасти жизнь свою; — а послѣдніе бились въ глазахъ своихъ матерей, женъ и дѣтей, покрывавшихъ стѣны Ортигіи и Племмирія и повелѣвавшихъ имъ побѣду или смерть! Какую ужасную картину представляла сія битва! Сколько кораблей, сколько жертвъ погреблись въ волнахъ сихъ! (1) Съ такими картинами въ мысляхъ, и почти въ глазахъ моихъ, я приплывалъ къ устью *Анапса*, въ которое мы съ прудомъ вошли, по причинѣ мелей. Приближаясь къ ведущему чрезъ рѣку, грубо сложенному каменному мосту, который замѣнилъ тотъ великолѣпный мостъ, который соединялъ Олимпійскую цитадель съ городомъ, — мы увидѣли влѣво, на ближнемъ холмѣ, двѣ стоящія колонны, — единственный остатокъ отъ храма Юпитера Олимпійскаго. Поручa нашу лодку дѣвушкамъ, разстилавшимъ по травѣ ленъ, мы сошли на берегъ и достигли каменистаго холма. Сіе возвышеніе, которое занималъ огромный храмъ, окруженный укрѣпленіями, разрѣзано теперь дорогою. Какъ печаленъ видъ сихъ двухъ обломанныхъ, но величественныхъ Дорическихъ колоннъ! Кругомъ все мертво; лишь одно карубовое дерево, прислонясь къ колоннѣ, болѣе потерпѣвшей, — какъ бы защищаетъ ее отъ времени и отъ людей. Это ли храмъ перваго изъ боговъ, чей жертвенникъ не переставалъ куриться, куда приходи-

(1) Vid. Thucyd. et Diod.

ли съ трепетомъ читать судьбы царствъ? — Здѣсь было великолѣпное изваяніе Зевеса Олимпійскаго, прозваннаго: *Уріосъ*, т. е. *даятель вѣтровъ*; его-то, изъ чистаго золота мантію, промѣнялъ Гіеронъ I-й на льняную, сказавъ, „что золотая слишкомъ холодна для зимы и тяжела для лѣта.“ Здѣсь хранились завоеванныя у Галловъ оружія, даръ Римскаго Сената Гіерону II-му. Храмъ сей, одно изъ древнѣйшихъ зданій Грековъ, современное Гимерійской и Ѳермопильской битвамъ, (1) господствовалъ надъ большимъ портомъ и находился противъ самаго пролива, покровительствуя выходъ кораблей въ море и возвратъ ихъ въ гавань. Здѣсь находился станъ Карѳагенцевъ, предводительствуемыхъ Имилькономъ, осаждавшимъ Сиракузы; а тамъ, за рѣкою, влѣво отъ моста, сіе болото, называемое въ древности *Лизимела*, есть то самое, отъ испареній коего водворилась въ войскѣ Карѳагенскомъ ужасная чума — мщеніе небесъ, за дерзость Африканскаго вождя, устроившаго свой шатеръ въ самомъ святилищѣ храма Юпитера Олимпійскаго. Грозный Имильконъ принужденъ былъ немедленно отплыть въ Африку съ 20-ю тысячами воиновъ, потерявъ 280 тысячъ человѣкъ.

Почтивъ горестнымъ воспоминаніемъ малые остатки величія храма Юпитера, мы возвратились въ лодку, и продолжали свое плаваніе. Рѣка Анаписъ, которую Ѳеокритъ, житель береговъ ея, называетъ *величественною*, (2) походитъ теперь

(1) 480 лѣтъ до Р. Х.
(2) Theocr. Id. I.

на большой источникъ; но онъ такъ живописенъ, что можетъ оспоривать красоту у многихъ рѣкъ. Какая свѣжесть вѣетъ съ чистыхъ водъ!.. Проплывъ нѣсколько сажень, мы находились у раздѣленія рѣчки на два рукава; — лѣвый, былъ источникъ нимфы *Ціаны*, падающей въ объятія своего милаго Анапса:

. . . . . et me dilexit Anapis! (1)

Мы остановились въ нерѣшимости куда продолжать плаваніе; оба теченія манили насъ своею нѣгою. Луговые берега Анапса украшены разными деревьями, межъ коихъ помаваютъ красивыми вершинами нѣсколько молодыхъ пальмъ, — а источникъ Ціаны весь осѣненъ нагнувшимися съ обѣихъ сторонъ высокими тростниками самой яркой зелени. Скромная нимфа склонила насъ на свою сторону, тѣмъ болѣе, что мы нетерпѣливо желали видѣть знаменитый *папирусъ*, который, въ Европѣ растетъ только на водахъ ея. Вскорѣ тростникъ сдѣлался такъ густъ, что едва было мѣсто для нашей лодки; своды онаго часто были совершенно нагнуты и укрывали насъ отъ солнечныхъ лучей. Любопытство наше вскорѣ удовлетворилось вполнѣ. Нѣсколько трехъ-угольныхъ стволовъ, около 14 футовъ въ вышину, съ широкими черными султанами на верьху, похожими на распущенные кругомъ волоса, — начали появляться большими группами. Папирусъ растетъ

(1) Ovid. Metam. L. V.

въ водѣ; корень его имѣетъ видъ луковицы, желтоватаго цвѣта; онъ не касается дна, а находится въ среднемъ разстояніи отъ онаго; но соединяется съ землею токмо одною тонкою жилкою. Съ какимъ почтеніемъ глядѣлъ я на это растеніе, передавшее намъ событія глубокой древности! Я долго не рѣшался сорвать его, — такъ, имя *папируса* было для меня священно.

Бумага дѣлается изъ ствола сего растенія; стволъ сей разрѣзываютъ на самыя тонкія полосы и соединивъ края ихъ легкимъ клеемъ, накладываютъ поперекъ, накрестъ, другой рядъ; послѣ сего кладутъ это подъ гнетъ, и подержавъ на солнцѣ, — употребляютъ. У Древнихъ, бумага сія выходила изъ работы совершенно бѣлою; но нынѣ не достигаютъ сего совершенства, хотя одинъ Сиракузскій житель, Г-нъ Ландолина, весьма приблизился къ оному; но со смертію его обработываніе прекратилось. Въ Ѳеофрастѣ, Плиніѣ и Кассіодорѣ можно видѣть способъ приуготовленія папируса у Древнихъ (1).

Черезъ часъ самаго пріятнаго плаванія, достигли мы до начала источника Ціаны, гдѣ онъ имѣетъ видъ круглаго бассейна. Ни какой кристаллъ не можетъ сравниться съ прозрачностью его воды, хотя глубина состоитъ изъ пяти или шести саженей; но дно и безчисленное мно-

(1) Папирусъ называется здѣсь народомъ: *parruca* или *patpina*. Сіе рѣдкое растеніе досель нигдѣ не видали, какъ токмо въ Египтѣ, на островѣ Мадагаскарѣ и въ Сиракузахъ.

жество играющихъ рыбъ видны какъ за стекломъ. Склоненные навѣсы высокихъ водяныхъ растеній и величественнаго папируса любуются своею зеленью въ гладкомъ зеркалѣ источника; — одно только дуновеніе вѣтерка, вѣющаго ароматами съ прибрежныхъ луговъ, колыхаетъ изрѣдка звонкіе тростники. Какая тишина осѣняетъ это убѣжище нѣги! Какъ не узнать юную подругу Прозерпины въ такомъ прелестномъ превращеніи? Здѣсь нимфа сія, прохлаждая въ знойный день нѣжные члены свои, увидѣла внезапно грознаго Плутона, влекущаго въ быстрой колесницѣ прекрасную Прозерпину, ея подругу; напрасно Ціана, устремившаяся навстрѣчу Адскаго царя, старалась склонить его мольбами, слезами и даже слабыми усиліями; — разгнѣванный богъ ударилъ желѣзнымъ скипетромъ по водамъ источника сей нимфы, — и внезапно воды раздвиглись, земля разступилась, — и Плутонъ исчезъ на семъ мѣстѣ съ своею жертвою, въ дыму и пламени, оставя нѣжную Ціану въ сполъ обильныхъ слезахъ, что она слилась съ источникомъ. Сюда пришла наконецъ Церера, искавшая дочь свою по всей землѣ, — но она не нашла уже подруги своей дочери; Ціана не могла уже извѣстить ее о судьбѣ Прозерпины, но безмолвно открыла тайну, показавъ ей на поверхности тихихъ водъ своихъ всплывшій дѣвическій поясъ Прозерпины... (1) И нынѣ я видѣлъ ту же Ціану, одѣтую покровомъ сладкой задумчивости,

(1) Ovid. Metam. Lib. V.

отъ потери своей любимой подруги; но ищущую утѣшенія въ своемъ миломъ Анаписѣ, съ коимъ она тихо сливается, скрывая отъ любопытныхъ робкую любовь свою подъ занавѣсами тростниковъ. Воды сего источника имѣютъ почти постоянные приливъ и отливъ; причину сего явленія приписываютъ лунѣ; но это многими оспориваемо, хотя бы оно могло въ самомъ дѣлѣ существовать, если источникъ сей имѣетъ подземное сообщеніе съ моремъ. Обратный путь нашъ, по красотѣ мѣстъ, все еще былъ новъ для глазъ моихъ. Мы посѣтили также воды Анаписа, — и насладились картинами богатыхъ долинъ, лежащихъ между болотомъ *Syraca palus*, (1) (давшемъ имя, Сиракузамъ) (2) и предмѣстіемъ Неаполиса. Долины сіи назывались: *pratum Syracusanum*. Жаръ уже становился весьма ощутителенъ, когда мы входили обратно въ большой портъ.

Мы направились къ мысу *Племмирію*. Вотъ заливъ *Дасконовъ* и каменистый берегъ, къ которому торжествующіе Сиракузяне притѣснили корабли Аѳинскаго полководца Эвримедона, и гдѣ онъ погибъ. Вотъ дикій мысъ *Племмирій*. На одномъ изъ двухъ подводныхъ скалъ, (3) прилежащихъ къ сему мысу, воздвигли Аѳиняне кратковременный обелискъ, въ память морской побѣды надъ Сира-

---

(1) Сіе болото не должно смѣшивать съ другимъ, ниже лежащимъ, называемымъ: *Лизимела*.

(2) Vid. Steph. Bysant.

(3) Virg. Aen. Lib. III.

кузянами. Окинувъ взоромъ сіи мѣста, мы повернули къ *Ортигіи*, лежащей напротивъ:

Sicanio praetenta sinu jacet insula contra
Plemmyrium undosum: nomen dixere priores
Ortigiam. (1)

Приближаясь къ проливу, мы съ восхищеніемъ увидѣли вдали лазоревую громаду Этны. Вдоль сего самаго пролива Сиракузяне выстроили, какъ уже было сказано, рядъ галеръ, для прегражденія Аѳинянамъ пути изъ порта. Вотъ уже мы у стѣнъ Ортигіи; вотъ и Аретуза, жалобно вырывающаяся изъ подъ стѣны, и поспѣшающая въ лоно вѣрнаго Алфея. Мнѣ казалось, что я слышу сладкіе звуки сей нимфы въ нѣжныхъ стихахъ Овидія:

. . . . . Hùc hospita veni.
Pisa mihi patria est, ab Elide ducimus ortum,
Sicaniam peregrina colo: sed gratior omni
Haec mihi terra solo est. (2)

. . . . . Здѣсь на чужбинѣ я!
Въ Элидѣ, за моремъ, тамъ родина моя;
Но здѣсь, я странница, въ Тринакріи далёкой; —
Но мнѣ милѣй всѣхъ странъ сей островъ одинокой!.

Жаръ такъ усилился, и воспоминанія объ Аретузѣ такъ льстили воображенію, что я оставилъ моего товарища въ лодкѣ, а самъ пустился вплавь къ пристани, находя особенную нѣгу чувствовать себя въ волнахъ Аретузы и Алфея.

(1) Virg. Aen. Lib. III.
(2) Metam. Lib. V.

ГЛАВА XXIII.

Сиракузы: — Предмѣстія: Тиха, Неаполисъ и Эпиполь.

Von dem Moos gedeckt ein Architrav!
Ich erkenne dich, bildender Geist!
Hast dein Siegel in den Stein geprägt.
. . . . . .
(Göthe.)

Мнѣ оставалось еще обозрѣть западную часть Сиракузъ, состоявшую изъ предмѣстій Неаполиса, Тихи и Эпиполя. За часъ до восхожденія солнца были мы уже на лошадяхъ. Первымъ предметомъ моего обозрѣнія былъ Амфитеатръ; онъ сохранилъ еще овальное свое основаніе, составленное частію изъ природнаго каменнаго слоя, частію изъ тесаныхъ камней; въ немъ видны еще нѣсколько рядовъ ступеней, одна галлерея, нѣсколько сводовъ; но все это покрыто грудами камней, землею и травою. Большой діаметръ сего зданія полагаютъ въ 225 ф., а малый въ 138 ф. *Поприще* засѣяно теперь пшеницею. — Амфитеатръ примыкалъ къ стѣнѣ, отдѣлявшей Неаполисъ отъ Акрадины. Построеніе онаго принадлежитъ Римлянамъ. До покоренія Сиракузъ ихъ оружію, амфитеатры, гдѣ проливались вмѣстѣ съ кровью животныхъ, кровь человѣческая, — не были зи-

вѣстны гражданамъ сего города. Оттуда путь нашъ пролегалъ чрезъ чащи фиговыхъ и гранатовыхъ деревъ; межь нихъ лежало нѣсколько обломковъ колоннъ бѣлаго и желтаго мрамора; они служатъ теперь скамьями для земледѣльцевъ и усталыхъ путниковъ. — Вскорѣ мы остановились у подземнаго входа, по обѣимъ сторонамъ коего стоитъ по одной обломанной колоннѣ; то была одна изъ бань Неаполиса; но чтобъ не назвать ее симъ простымъ именемъ, мой Чичерони назвалъ ее *Венериною*; подобные *эпитеты*, часто ложные, пробуждаютъ иногда усыпленное любопытство путешественника. Отъ сего названія я охотнѣе спустился по крутому крыльцу, подъ сырые своды. Топчась при входѣ, на-право, подъ отдѣльнымъ сводомъ, увидѣлъ я бассейнъ, изсѣченный въ камнѣ; далѣе погребальную комнату, (судя по двумъ или тремъ стѣннымъ гробницамъ и нѣсколькимъ нишамъ для пепельныхъ урнъ). Подлѣ нея, на-право, видна другая баня съ водохранилищемъ, изъ коего сдѣланы проводы въ боковые бассейны, находящіеся подлѣ каждой стѣны. Въ средней стѣнѣ сдѣланы впадины для статуй. Комната сія освѣщена сверху круглымъ отверстіемъ. Но что значитъ погребальная комната? Я нигдѣ не видалъ подобныхъ *термовъ*, — это заслуживаетъ особеннаго изысканія антикваріевъ. Въ поляхъ, прилегающихъ къ сему мѣсту, найдена была земледѣльцемъ та прелестная статуя Венеры, о коей я уже говорилъ. Вблизи отсюда, нѣсколько ниже, существовалъ нѣкогда, поспроенный Гіе-

рономъ великолѣпный храмъ, длиною въ цѣлую стадію. Изящныя колонны его столь прельстили Маркелла, что онъ перевезъ ихъ въ Римъ, и они поддерживаютъ до нынѣ фронтонъ Пантеона. Въ сей же окрестности возвышались, по свидѣтельству Цицерона, (1) храмы Цереры, Вакха и Аполлона Теменита.

Мы приближались къ Діонисіевымъ Латоміямъ, называемымъ нынѣ: *Paradiso* (рай); это также обширная каменоломня, расширяющаяся къ низу и подобная Латоміямъ Капуциновъ; но впечатлѣнія, производимыя сими двумя мѣстами, различны. Латоміи Капуциновъ должны бъ были, съ бо́льшимъ приличіемъ, носить названіе *рая* (paradiso), ибо тамъ все обворожаетъ чувства, — и роскошь Природы изгладила совершенно воспоминаніе что мѣсто сіе служило орудіемъ для угнѣтенія человѣчества; межъ тѣмъ, какъ латоміи называемые *Діонисіевыми*, сохраняютъ еще доселѣ строгую наружность, приличную ихъ назначенію. (2) Мы спустились въ сіи пропасти изъ подъ свода древнихъ водопроводовъ, возобновленныхъ Сарацинами и Сицилійцами, и увидѣли себя, окру-

---

(1) Cic. in Verr. IV.

(2) Latomias Syracusanas omnes audistis, plerique nostis; opus est ingens, magnificum, regum ac tyranorum; totum est ex saxo in mirandam altitudinem depresso, et multorum operis penitus, exciso; nihil tam clausum ad exitus, nihil tam septum undique, nihil tam tutum ad custodias, nec fieri nec cogitari potest.

(Cic. in. Verr. l. V.)

женными со всѣхъ сторонъ, нависшими скалами красноватаго цвѣта. Подъ ними разверзались мрачныя пещеры. Обрушенныя груды развалинъ устилали въ грозномъ безпорядкѣ поприще, изъ среды коего высоко восходитъ каменный колоссъ съ разрушеннымъ зданіемъ на вершинѣ его, (подобно, какъ въ первыхъ Латоміяхъ). Нѣсколько древнихъ маслинъ и кустовъ алоэ и кактуса растутъ по ущельямъ. Солнечные лучи начинали сильно дѣйствовать, и чрезвычайное множество красивыхъ ящерицъ, изумруднаго цвѣта, показываясь по скаламъ, возвѣщали наступающій зной. Подъ навѣсомъ одного утеса, приводящаго въ ужасъ проходящихъ, подошли мы къ высокой пещерѣ, — и странная наружность ея заставила насъ узнать такъ называемое *Діонисіево ухо*. Въ самомъ дѣлѣ образованіе оной представляетъ видъ уха, — но только не *человѣческаго*... Сходство сей пещеры съ ухомъ, было, какъ сказываютъ, въ первый разъ замѣчено Микель Анджеломъ Каравадженъ, и съ той поры она получила названіе *Діонисіева уха*. Густой плющъ и кустарники стелются по наружнымъ скаламъ и висятъ надъ мрачнымъ входомъ въ нее. Высота ея имѣетъ 60 футовъ, ширина 20, а глубина доходитъ до 180 и болѣе, примѣтно съуживаясь. Эхо сей пещеры чрезвычайно громко и увеличиваетъ всякій шумъ почти въ десять разъ; дѣйствіе отзывовъ сильнѣе на высотѣ, гдѣ звуки совокупляются. Тамъ сдѣлано родъ окна, которое можетъ назваться *слуховымъ*, ибо туда, слѣдуя нѣкоторымъ преданіямъ, прихо-

дилъ тиранъ Діонисій прислушивать рѣчи заключенныхъ имъ жертвъ; малѣйшая ихъ нескромность доходила до слуха тирана и стоила иногда жизни:

Et ces murs, Seigneur, peuvent avoir des oreilles!

(*Racine. Britan.*)

И самый ропотъ, послѣднее утѣшеніе несчастнаго, былъ воспрещенъ ему въ семъ страшномъ жилищѣ. Каменная лѣстница вела къ сему окну; нынѣ она не существуетъ, и отвѣсная крутизна дѣлаетъ его недосягаемымъ. Но чего не можетъ произвести любопытство? Пастухи, бѣдные обитатели сихъ мѣстъ, изобрѣли для выгодъ своихъ опасный способъ возносить туда путешественниковъ. Вѣроятно, что Англичане, первые проложили туда дорогу, ибо меня не переставали называть: *Mylord Inglese, Eccelenza*, когда я согласился на таковое путешествіе. Вотъ какъ производится сіе вознесеніе:—нѣсколько человѣкъ, ставъ на краю настоящей поверхности земли, бросаютъ съ верху въ низъ длинный канатъ, прикрѣпивъ у себя конечность онаго къ дереву. Находящіеся въ низу, привязываютъ спущенный конецъ веревки къ толстой палкѣ, по самой срединѣ ея. Любопытный садится на сію палку, имѣя натянутый уже канатъ промежъ ногъ, и держась за него руками; тогда дается знакъ находящимся на верху людямъ, кои начинаютъ тянуть, — и вы съ ужасомъ отдѣляетесь отъ земли выше и выше, ударяясь иногда объ скалы и обвиняя себя въ безразсудности, тогда уже, когда достигли страш-

ной высоты; но всего опаснѣе та минута, когда, поравнявшись съ помянутымъ окномъ, вы теряетесь въ изысканіи средствъ, какъ пристать туда, боясь сойти съ своей палки или оступиться. Обыкновенно пособляетъ въ семъ опасномъ случаѣ, заранѣе вознесшійся туда провожатый. Согласитесь, что ступивъ въ сію нору и лишась каната, положеніе ваше дѣлается весьма затруднительнымъ на такой высотѣ, съ зіяющею подъ вами пропастью; — тогда судьба ваша совершенно зависитъ отъ господъ пастуховъ, весьма дикой наружности. Они обыкновенно торгуются въ платѣ за ихъ трудъ прежде, — но я бы совѣтовалъ имъ тогда только заговорить о цѣнѣ, когда путешественникъ находится уже въ верхней пещерѣ; какую капитуляцію не подписалъ бы онъ тогда? Въ сей верхней пещерѣ есть съ боку отверстіе, чрезъ которое доходятъ съ низу звуки. Обыкновенно пастухи выстрѣливаютъ тогда въ низу изъ пистолета, и ужасный громъ потрясаетъ всѣ фибры ваши; но еще удивительнѣе, что разорванный въ низу листъ бумаги производитъ на верху шумъ, подобный обрушившейся глыбѣ земли. Я присовокупилъ имя свое къ именамъ отважныхъ или безразсудныхъ, изпещряющихъ стѣны уже нѣсколько столѣтій — и не безъ опасности свершилъ свое сошествіе.

Неподалеку отъ *Діонисіева уха*, мы посѣтили пространную пещеру, коей чрезмѣрно плоскіе и обширные своды удивляютъ взоръ. Своды сіи поддержаны кое-гдѣ высѣченными изъ того же камня

подпорами; тамъ, въ прохладной тѣни нашли мы многочисленный кругъ пастуховъ и женъ ихъ, съ пряслицами въ рукахъ; большая корзина Индѣйскихъ фигъ, коими обилуютъ сіи каменоломни, стояла посреди общества, къ коему причислено было нѣсколько овецъ и козъ. Уродливыя пещеры и дѣйствіе пересѣкающихся въ нихъ тѣней, образуютъ прекрасный ландшафтъ. Сіи пропасти находятся во владѣніи пастуховъ. Пользуясь осыпающеюся землею, они насадили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшіе сады. Овощи и плоды составляютъ всю ихъ пищу, а пещеры — домы; они напоминаютъ дикіе вѣка Природы.

Эліенъ повѣствуетъ, (1) что многіе несчастные, заключенные въ сихъ латоміяхъ вмѣстѣ съ своими женами, породили дѣтей, и что сіи послѣдніе, по освобожденіи своемъ оттуда, войдя въ первый разъ въ Сиракузы, были поражены страхомъ, увидя запряженныя лошадьми колесницы.

Оставляя памятники тиранства *Діонисіевъ*, гдѣ уже солнечные лучи, отражаемые нагими стѣнами скалъ, слишкомъ сосредоточивались, — я съ особеннымъ удовольствіемъ занялся видомъ роскошной Природы: шумъ источника привелъ насъ подъ тѣнь фиговыхъ деревъ; воды его быстро стремились съ каменнаго уступа и оживляли окрестность; когда мы приблизились къ нимъ, чтобъ утолить жажду, внезапный крикъ оста-

(1) Aelian. Variar. hist. lib. XII, c. XLIV.

новилъ насъ, и быстрѣе стрѣлы мелькнулъ въ мирповыхъ кустахъ, бѣлый станъ и длинная черная коса; это была одна купавшаяся дѣвушка, изъ числа тѣхъ, кои мыли тутъ платье; смѣхъ подругъ ея еще болѣе придалъ ей робости и ускорилъ ея бѣгъ.

Тутъ открылись намъ остатки знаменитаго театра Сиракузянъ. Уступы онаго и все поприще хорошо сохранились, но поросли кустами, мхомъ и плющемъ. *Просценіумъ* былъ разрушенъ въ царствованіе Карла V-го, для крѣпостныхъ построеній. Можно еще различить окружную стѣну, называемую *подіумъ*, — равно какъ и *входы* или *волиторіи*. (1)

Теперь, на одной половинѣ сего театра, на самыхъ уступахъ, утверждена водяная мельница, дѣйствующая посредствомъ водопровода, (Сарацинскаго построенія) направленнаго изъ предмѣстія Тихи. Семья мельника отдыхала на мраморныхъ ступеняхъ, гдѣ возсѣдалъ нѣкогда Тимолеонъ, возбуждая или усмиряя окружающую его толпу Сиракузянъ, коихъ взоры устремлялись съ благоговѣніемъ на даровавшаго имъ свободу. Когда сей великій мужъ уклонился отъ дѣлъ въ сельское уединеніе, то сюда приносили они его на драгоцѣнныхъ носилкахъ, для разрѣшенія важныхъ государственныхъ дѣлъ. Потухшіе отъ

(1) Наружная окружность театра имѣетъ 531 футъ и 4 дюйма; внутренній діаметръ 19 съ полов. туаз. Форма зданія, заключавшая болѣе нежели полкруга, превышаетъ оный на 45 ф. 10 дюйм. и 8 лин.

старости, очи его не видѣли уже благодарныхъ гражданъ; но слухъ передавалъ сердцу героя благословенія народа. — Ничего не извѣстно о времени сооруженія сего театра; на одной изъ ступеней видѣнъ еще слѣдующій отрывокъ отъ надписи:

... ΒΑΣΙΛΙΣΣΑΣ ΦΙΛΙΣΤΙΔΩΣ

т. е.

... *Царицы Филистиды* ...

и нѣсколько по ниже: ΗΡΑΚΛΕΟΣ т. е. *Иракла.*

Царствованіе сей Филистиды есть по сю пору загадка въ Сиракузской Исторіи; она была — слѣдуя инымъ преданіямъ, — жрицею Вакха; другіе называютъ ее *Демаратою.* Сей театръ соединялъ верхній городъ съ нижнимъ. Чтобы пройти изъ *Акрадины* въ *Неаполисъ*, должно было проходить чрезъ нижнія ступени театра; а верхніе были наравнѣ съ плоскостью предмѣстія Тихи. Мѣстоположеніе сего зданія есть одно изъ лучшихъ во всей окрестности. Самая великолѣпная половина Сиракузъ, Акрадина, Ортигія, Неаполисъ, мысъ Племміріумъ, — съ куполами и колонадами храмовъ; обѣ гавани, наполненныя галерами — и Егейское море раскрывались предъ взорами многочисленныхъ зрителей, часто собираемыхъ не для однихъ увеселеній, но и для совѣщаній о благосостояніи республики. Какимъ краснорѣчіемъ одушевлялись здѣсь Ораторы, имѣя предъ собою всю славу своего отечества!

Отсюда каменистый слой начинаетъ примѣтно возвышаться; здѣсь видны еще стѣны, отдѣлявшія предмѣстіе Неаполиса отъ Тихи. Стѣны сіи высѣчены изъ природныхъ скалъ, въ коихъ видно много погребальныхъ пещеръ; — и прежде, нежели продолжать путь, мы отдохнули въ одной изъ оныхъ, откуда бьетъ теперь прекрасный источникъ. Съ сего мѣста я долго любовался полями Сиракузъ, прекрасными и въ опустѣніи своемъ.... но ни одно вѣтрило не бѣлѣло ни въ гавани, ни на морѣ; стада были разсѣяны тамъ, гдѣ были проложены стогны, всегда оживленныя безчисленною толпою... Направясь далѣе, мы вступили въ изгибистыя улицы, образованныя скалами и называемыя нынѣ, какъ и въ древности: *гробовыми путями.* Стѣны сихъ улицъ заключаютъ въ себѣ ниши для урнъ и гробницъ. И столь печальное мѣсто было подлѣ самаго театра? Это доказываетъ, что Древніе не боялись видѣть смерть, вездѣ присутствующею. Частые слѣды колесницъ видны еще на каменныхъ путяхъ. Здѣсь нашелъ Цицеронъ, посреди развалинъ и густаго терніа, гробницу Архимеда; онъ узналъ ее по начертаннымъ на ней, сферѣ и цилиндру, коихъ взаимная пропорція найдена была симъ великимъ Геометромъ. (1)

Отсюда путь нашъ становился труднымъ по возвышающимся скаламъ и по грудамъ разбросанныхъ развалинъ стѣны, отдѣлявшей *Тиху* отъ

(1) Cic. Tuscul. L. V.

Неаполиса. Жаръ принудилъ насъ укрыться на нѣсколько времени въ одной хижинѣ, гдѣ мы подкрѣпили силы свои съѣстными запасами и Сиракузскимъ виномъ; а дессертъ готовъ былъ на осѣнявшихъ насъ гранатовыхъ и шелковичныхъ деревьяхъ. Съ уменьшеніемъ жара, мы начали подниматься на живописныя скалы *Эпиполя* — позорище столькихъ кровопролитій между Аѳинянами и Сиракузянами. Мирная деревня, справедливо называемая *Belvedere* (*прекрасный видъ*), занимаетъ теперь грозныя крупизны, на конхъ стоялъ замокъ *Эвріалъ*, — конечность Сиракузъ. (1) Тамъ развѣвалось нѣкогда республиканское знамя свободы, замѣненное нынѣ уединеннымъ шелеграфомъ. Другія двѣ высоты, называемыя нынѣ *Buffaloro* и *Mongibellisi*, заняты были замками *Гекзапиломъ* и *Лабдаломъ*.

Съ чрезвычайною устaлостью, достигъ я наконецъ вершины Лабдала. Развалины сего знаменитаго замка, который всегда былъ сильнѣйшимъ мѣстомъ Сиракузскихъ укрѣпленій, сохранились доселѣ; стѣнные камни необыкновенной величины, весьма искусно отесаны и связаны безъ извести; видно еще и основаніе воротъ и чепверосторонній ровъ, окружавшій крѣпость. Вожатый мой, утомленный отъ пути, оставилъ меня шутъ; я радъ былъ этому, желая остаться одинъ съ своими мыслями; холодныя объясненія его были лишними при великолѣпномъ видѣ сихъ мѣстъ.

(1) См. *Göller*. De Situ et orig. Syrac. c. XVII. adnot. 3. pag. 56.

ГЛАВА XXIV.

Ночь на развалинахъ замка Лабдала.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны,
Звѣзды, сіящею пучиной
И брега отражены....
(*Жуковскій.*)

... Vedrai
Un cavalier, ch'Italia tutta onora,
Pensoso più d'altrui, che di sé stesso.
(*Petr. p.* I. *Canz.* XI.)

Солнце катилось уже за лазоревые хребты Гиблейскихъ горъ; лучи его, скользящіе по луговымъ берегамъ тихаго Анаписа, уступали мало по-малу мѣсто ложащимся въ слѣдъ за ними тѣнямъ. Розовыя полосы погасающаго дня сіяли еще по гладкой поверхности Эгейскаго моря, омывающаго Сиракузы.... Въ южной дали обозначалась конечность мыса Пахина. Къ сѣверу протягивались поля баснословныхъ Лестригоновъ; — а за ними весь горизонтъ закрытъ былъ колоссомъ громоносной Этны. Не видавъ ее уже нѣсколько дней, я былъ пораженъ ея величіемъ: обвороженный взоръ мой какъ бы прилѣпился къ сему *столпу*

неба! (1) Черный дымъ, возносясь выше и выше, соединялъ чело ея съ звѣзднымъ эѳиромъ; весь шаперъ исполинской горы ежеминутно синѣлъ болѣе и болѣе, и прельщалъ своимъ цвѣтомъ. — Сумерки заволокли уже меня и окрестность въ свѣжій покровъ свой — какъ вдругъ, полный шаръ луны, выплывъ въ необыкновенной величинѣ, изъ туманныхъ паровъ Эгейскихъ волнъ — нарисовалъ на низменной долинѣ уродливыя вершины скалъ, — и обозначилъ ближніе предметы.

Какая мертвая тишина, подумалъ я, облекаетъ поля гдѣ *были* Сиракузы! градъ славы, предметъ зависти Рима, Карѳагена и Аѳинъ! Вотъ поприще кровавой борьбы сихъ трехъ великихъ столицъ міра! Губительное время исполнило надъ ними приговоръ свой; оно примирило нынѣ вражды ихъ. Тамъ, за сими волнами, погребенъ Карѳагенъ; тамъ исчезаютъ послѣдніе остатки Аѳинъ; тамъ наконецъ Римъ, побѣдитель вселенной, едва напоминаетъ о себѣ полуразрушенной громадой Колисея, куполомъ Пантеона, лишеннаго боговъ своихъ, — и пищетностью побѣдныхъ столповъ и арковъ! Одинаковая пыль покрываетъ ихъ развалины! Храмы, чертоги, хижины, гробницы, — всё, всё въ одной грудѣ! Прахъ Царей плѣнъ съ прахомъ рабовъ, — и время уравниваетъ все, что люди выводятъ изъ равенства!

И вотъ къ чему ведетъ суетное безпокойствіе смертныхъ!... О человѣкъ! ты ли дерзаешь

(1) Pind. Pyth. I.

называть себя властелиномъ сей планеты, съ лица которой и ты и память дѣяній твоихъ исчезаютъ такъ быстро?... Блеснувшій внезапно свѣтъ изъ вершины отдаленнаго волкана, вывелъ меня изъ задумчивости, — и въ слѣдъ за симъ, глухой подземный ударъ отозвался подо мною: — *Cattivo presagio!..* „Худое предзнаменованіе!“ произнесъ весьма близко странный голосъ, и заставилъ меня невольно вздрогнуть; я обернулся: — человѣкъ съ угрюмымъ лицемъ, отъ-части закрытымъ черными густыми волосами, развѣваемыми вечернимъ вѣтромъ, стоялъ за мною, обернутый въ широкій плащъ и облокоченный на остатокъ древней стѣны. Я не воображалъ имѣть свидѣтеля своихъ мечтаній. Видъ его привелъ меня въ сомнѣніе. Находясь одинъ, безъ оружія, въ темнотѣ ночи, среди развалинъ, — первая мысль моя была не въ пользу его. „Съ кѣмъ я говорю?“ спросилъ я у него. — „Ты чужеземецъ,“ отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ, „но и ты соболѣзнуешь надъ судьбами отцвѣтшей отчизны моей! и тебя поражаютъ сіи разсѣянныя груды разрушенія; — и такъ подумай, что производятъ онѣ въ душѣ того, кто называетъ ихъ своимъ отечествомъ?“ — Тутъ закрылъ онъ плащемъ лице свое, и по нѣкоторомъ молчаніи: „о священная Тринакрія!“ воскликнулъ онъ, — „злая страна солнца! сколько разъ ты была счастливѣе въ тѣ таинственные вѣка, когда ни какой отважный плаватель не приближался къ горнымъ берегамъ твоимъ безъ трепета! когда страшныя имена Сциллы, Хариб-

ды, Этны и Циклоповъ, переходя изъ устъ въ уста, съ ужасомъ отстраняли отсюда путешественниковъ. Сей самый молніеносный колоссъ, чьи грозные удары устрашаютъ души наши, грозя присовокупить къ настоящимъ бѣдамъ, новыя, — сія самая Этна нѣкогда была нашимъ геніемъ-хранителемъ; она въ то время, когда несмѣтные полки Карѳагенцевъ, пришедъ къ подошвѣ ея, дерзнули идти на Сиракузы, потрясшись въ своемъ основаніи, изрыгнула изъ грозной пасти огненные потоки, заградившіе путь ихъ дерзости! (1) Нынѣ она отъяла отъ насъ помощь свою! Я люблю бродить по симъ мѣстамъ разрушенія, продолжалъ онъ, пребывъ нѣсколько времени въ задумчивости — и вопрошая меня знакомъ руки: желаю ли я за нимъ послѣдовать? Сильное выраженіе чувствъ его, знакъ благородной искренности, и нѣкоторое любопытство съ моей стороны — заставили меня повиноваться ему.

Долго шли мы, храня молчаніе, по каменистымъ возвышеніямъ, вдоль полуразрушенныхъ стѣнъ; — лунный свѣтъ придавалъ имъ мрачное величіе. Вотъ, сказалъ мнѣ наконецъ незнакомецъ, показывая вдоль холмовъ на одно примѣтное возвышеніе, — вотъ то мѣсто, откуда врагъ нашъ, великодушный Маркеллъ, коего торжество было начальною эпохою нашихъ несчастій, обоймя въ первый разъ, наканунѣ паденія сего города, удивленнымъ взглядомъ величественные верьхи зданій

(1) Diod. Sic.

Сиракузъ, пролилъ слезы надъ судьбою, готовою поразить и славный градъ и гордыхъ гражданъ!..(1) Глубокій вздохъ пресѣкъ его рѣчь; тутъ стали мы спускаться со стѣнъ по трудной крутизнѣ, покрытой ихъ развалинами, — въ долину, за которой сверкало море... глухой шумъ волнъ разносился по далекому пространству. Сошедши въ сію долину, я увидѣлъ поросшее кругомъ, высокою травою, отверстіе и каменную лѣстницу, ведущую въ подземелье, куда направлялись шаги моего вождя; онъ спустился уже на нѣсколько ступеней, — а я стоялъ еще на поверхности; онъ обернулся, и видя меня неподвижнымъ, посмотрѣлъ на меня такъ значительно, что взглядъ его казался мнѣ безмолвнымъ упрекомъ, — и я быстро за нимъ послѣдовалъ. Лунный свѣтъ показывалъ мнѣ обширный сводъ; темнота мѣшала видѣть далѣе; но слабое мерцаніе, казалось, блистало въ нѣкоторомъ разстояніи.... Куда мы идемъ? — спросилъ я его съ удивленіемъ. — Въ мое жилище, отвѣтствовалъ онъ мнѣ съ спокойствіемъ; — мы нахо-

---

(1) Marcellus, ut moenia ingressus, ex superioribus locis urbem, omnium fermè illâ tempestate pulcherrimam, subjectam oculis vidit, illacrymasse dicitur: partim gaudio tantae perpetratae rei, partim vetustâ gloriâ urbis. Atheniensium classes demersae, et duo ingentes exercitus cum duobus clarissimis ducibus deleti, occurrebant: et tot bella cum Carthageniensibus tanto cum discrimine gesta, tot ac tam opulenti tyranni regesque: praeter ceteros Hiero, quum recentissimae memoriae, rex, tum ante omnia, quae virtus ei fortunaque sua dederat, beneficiis in populum Romanum insignis; ea quum universa occurrerent animo, subiretque cogitatio, jam illa momento horae arsura omnia et ad cineres reditura!..

(*T. Liv. L.* XXV, *c.* 24.)

димся въ обширныхъ подземельяхъ, продолжалъ онъ, кои простираются на чрезвычайное пространство; они имѣли нѣкогда сообщеніе съ Акрадиною, и выходили къ большому порту; не удивляйся ихъ обширности и высотѣ сводовъ; толпы всадниковъ, во всемъ вооруженіи, спустясь въ нѣдра земли, съ противной стороны, внезапно выѣзжали тамъ, гдѣ мы вошли, и какъ бы порожденные землею, неслись на встрѣчу врагамъ. Нынѣ сіе мѣсто служитъ, какъ ты видишь, обителью бѣдному пустыннику. — Межъ тѣмъ свѣтъ дѣлался яснѣе; мы вдругъ поворотили на лѣво, — и я увидѣлъ небольшую ротонду чрезвычайной правильности; треножная лампа стремила большими полосами лучи свои на полукружный нишъ, въ которомъ стоялъ бюстъ изъ бѣлаго мрамора поразительнаго величія; я подошелъ къ сему изваянію — и на основаніи онаго золотая надпись: *Extinctori tyrranidis* (1) показала мнѣ черты великаго *Тимолеона.* Это храмъ, посвященный мною въ мрачныхъ нѣдрахъ земли сему герою; я назвалъ оный *Тимолеонтіонъ*; (2) но вотъ, продолжалъ онъ, зажигая факелъ и показывая на другое отдѣленіе, вотъ мой Пантеонъ — четверосторонняя

(1) О сей надписи на памятникѣ Тимолеона, говоритъ Плутархъ (in Timol.). Фацелло (Lib. IV. 1 Dec. p. 85.) пишетъ, что въ 1550 г. найденъ былъ по случаю городскихъ работъ, мраморный бюстъ съ вышесказанною надписью на Греческомъ и на Латинскомъ языкахъ; (быть можетъ оригинальное изваяніе); но — къ сожалѣнію, не извѣстно куда онъ дѣвался.

(2) Названіе древней Сиракузской Гимназіи въ честь Тимолеона.

комната, со впадинами въ стѣнахъ для погребальныхъ урнъ, заключала вмѣсто оныхъ другіе небольшіе бюсты. — Сей коронованный старецъ, сказалъ онъ, принадлежитъ малому числу тѣхъ смертныхъ, коихъ содѣлала корона добродѣтельнѣе; онъ часто говаривалъ, мѣшаясь съ простыми земледѣльцами, слова сіи — кои остались безсмертными: „Сиракузяне, возложа на меня вѣнецъ не должны были имѣть другой цѣли, кромѣ той, чтобы сдѣлать изъ меня защитника ихъ вольности, покровителя невинности, и дабы я примѣромъ простой и скромной жизни возбуждалъ къ добродѣтели сограждан моихъ.“ Онъ же самый истребивъ подъ Гимерою, Карѳагенскую армію, предводимую Амилькаромъ, видя побѣжденныхъ, у ногъ своихъ, просящихъ пощады и предлагающихъ ему всѣ возможныя выгоды, — наложилъ на нихъ слѣдующую дань: „воздвигнуть храмъ безсмертнымъ богамъ, и уничтожить человѣческія жертвоприношенія.“ Ты узнаешь теперь *Гелона*. Сиракузяне, низпровергшіе, съ полученіемъ отъ руки *Тимолеона* свободы, всѣ статуи своихъ тирановъ, возвышавшіяся посреди *форума*, — сохранили покмо ликъ добродѣтельнаго Гелона. Близъ него ты видишь того гражданина, который хотѣлъ озарить лучами божественной Философіи душу тирана; это другъ Платона, побудившій его два раза заняться улучшеніемъ нравовъ нашихъ гражданъ. Когда Сиракузяне видѣли себя окруженными всѣми ужасами междоусобной войны, — народъ воскликнулъ единогласно: гдѣ

Діонъ? Возлѣ него, хотя и чужеземецъ, стоитъ сей *Платонъ*, который казалось былъ жителемъ другой сферы, пришедшимъ озарить человѣковъ. Сицилія должна чтить его память. — Вотъ *Гіеронъ*, покровитель и другъ Римлянъ, пребывшій имъ вѣрнымъ и въ то время, когда престолъ ихъ колебался; миръ и благоденствіе царствовали съ нимъ въ сей странѣ долгое время; Сиракузяне видѣли тогда баснословный золотой вѣкъ. Онъ воспиталъ сего глубокомысленнаго мужа, коего ты видишь съ сферою въ рукѣ, и который сверхъ-естественнымъ геніемъ своимъ замѣнялъ намъ цѣлую армію и невидимый, какъ божество, поражалъ враговъ. Созерцаніе небесъ и земнаго шара столь восхищало его, что всѣ прочія удовольствія казались ему ничтожными! Се тотъ, кто могъ сказать: „дай мнѣ точку, гдѣ бъ я утвердился — и я совращу землю!“ — Вотъ два блестящіе генія свободы: *Дамонъ* и *Пиѳіасъ*, коихъ небесное дружество подвигло до основанія жестокую душу Діонисія, который, въ царскомъ вѣнцѣ, просилъ у нихъ, какъ милости, быть въ третьей долѣ ихъ дружества. Вотъ *Стезихоръ* Гимерійскій, который явилъ примѣръ Тиртея въ своемъ отечествѣ. — Вотъ *Ѳеокритъ*, коего сладкія пѣсни напоминаютъ намъ, что островъ сей былъ нѣкогда счастливъ!... Вотъ... тутъ незнакомецъ прервалъ рѣчь; — я забываю, сказалъ онъ, что Земля свершаетъ круговращеніе свое и что я долженъ оставить тебя до свѣта; что я житель гробовъ и ночи... Я изумился... Мы направились въ обратный путь, и

не промолвили ни слова, доколѣ не вышли подъ открытое небо. Созвѣздія, бывшія при сошествіи нашемъ, на краю горизонта, зрѣлись уже тогда надъ головами нашими. — Если бъ я зналъ, началъ онъ, что сонъ не тяготитъ очей твоихъ, я провелъ бы тебя обычнымъ путемъ своимъ, тѣмъ болѣе, что ты приблизишься къ мѣсту, гдѣ случай познакомилъ насъ и гдѣ мы разстанемся. — „Незнакомецъ, возразилъ я ему, ты знаешь, что я умѣлъ почтить тайну, въ которую облеченъ ты по видимому; — но скажи мнѣ, съ кѣмъ провожу я ночь сію?“ — Признаюсь, отвѣтствовалъ онъ, что довѣренность твоя даетъ тебѣ право на вопросъ сей; отчасти могу удовлетворить оный подъ условіемъ молчанія; но дай достигнуть намъ конца пути сего. — Мы начали опять взбираться на крутизны, — и взглянувъ еще разъ на долину битвы, столько разъ утученную кровію разныхъ народовъ, покушавшихся противу Сиракузъ; — на портъ *Трогила*, коего окрестности были почти три года покрыты войсками Римлянъ, осаждавшихъ Сиракузы; — на песчаный мысъ *Тапсисъ*, по коему разстилались пѣнистыя волны, осребренныя луною — мы направились прямо, чрезъ страшныя груды стѣнъ *Діонисіевыхъ*, воздвигнутыхъ въ двадцать дней, шестидесятью тысячами людей и шестью тысячами воловъ, работавшими даже и во мракѣ ночи. Мы приближались уже, сквозь ужасное разрушеніе, къ глубокимъ пропастямъ. Свѣтъ луны обозначалъ въ нихъ рѣзкими тѣнями, дикія безобразности скалъ. Это тѣ *Лато-*

міи, (1) сказалъ мнѣ вождь, которыя находились на конечности предмѣстія *Тихи*; — безмолвные свидѣтели смерти толикихъ жертвъ тиранства. Сюда былъ заключенъ знаменитый поэтъ *Филоксенъ*, дерзнувшій похулить стихи Діонисія, когда сей Царь спрашивалъ у него искренняго мнѣнія. Освобожденный въ скоромъ времени, по предстательству друзей и находясь опять въ милостяхъ у тирана, Діонисій, въ знакъ примиренія, пригласилъ поэта на пиръ и не преминулъ вторично прочесть ему новое свое стихотвореніе, — и дорожа мнѣніемъ Филоксена, съ полнымъ увѣреніемъ на сей разъ въ своемъ успѣхѣ, требовалъ его сужденія: — Филоксенъ, не отвѣтствуя ему, обратился къ приближенной стражѣ и сказалъ: „*отведите меня обратно въ Латоміи.*“

Мы шли поперегъ предмѣстія *Эпиполя*, тамъ, гдѣ оно соединялось съ *Тихою* и *Неаполисомъ*. Тишина ночи, великолѣпіе звѣзднаго неба, склоняли непримѣтно разговоръ нашъ къ высокимъ предметамъ Философіи; сильная меланхолія, казалось, обладала душею незнакомца: „сколько разъ, сказалъ онъ, готовъ я былъ, сидя въ таинственные часы ночи, на вершинѣ надъоблачной Этны, на краю разверстаго ада, низвергнуться въ ужасное жерло, если бъ обративъ взоръ свой на небо, я не видалъ всегда написанныя на сводѣ его, огнезвѣздныя слова: *Надѣйся!*... Проходя мимо остатковъ водопроводовъ, средь коихъ, нѣсколько величест-

(1) Нынѣ: *le tagliate.*

венныхъ сводовъ едва стояли еще посреди всеобщаго разрушенія, — одинъ изъ нихъ съ трескомъ низпровергся неподалеку отъ насъ, и пробудилъ молчаніе сихъ мѣстъ; нѣсколько камней докатились до ногъ нашихъ: „Такъ и несчастіе, сказалъ мой спутникъ, болѣе чѣмъ время, разрушаетъ зданіе человѣка!“

Мы спускались уже съ каменистыхъ высотъ, въ очаровательную долину, гдѣ извивались тихія воды Анаписа; — какая противоположность разрушенію, которое мы оставляли за собою! — Свѣжій вѣтерокъ, предвѣстникъ близкаго разсвѣта, повѣялъ на насъ атмосферою благовонія. Луговая долина привела насъ нечувствительно къ рѣкѣ; вдоль ея берега, нѣсколько молодыхъ пальмъ, склонясь въ зеркальныя воды, казалось, съ благоговѣніемъ ожидали торжественнаго часа восхожденія свѣтила дня. Тутъ, незнакомецъ пригласилъ меня сѣсть на дерновое возвышеніе, подъ навѣсомъ платановъ. — „Не говоритъ ли нѣчто душѣ твоей, мѣсто сіе, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, взявъ мою руку и читая въ глазахъ моихъ необыкновенное удовольствіе, которое раждали во мнѣ очаровательныя красоты природы. — „Не бьется ли сердце твое? — эта земля священна; здѣсь Тимолеонъ, провелъ въ тихомъ уединеніи, остатокъ славной жизни — и здѣсь погребенъ прахъ его.... Но стану ль я продолжать, сказалъ онъ, устремя на меня пристально огненный взоръ свой... Я потупилъ глаза, не отвѣчавъ ему. — „Такъ, возразилъ онъ, я понимаю тебя. Прости мнѣ, какъ несча-

стному“ — и взглянувъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на алѣющій востокъ, — вдругъ продолжалъ съ новою силою: „сочтешь-ли ты меня за мечтателя, если я скажу тебѣ, что однажды пришедъ на это мѣсто, въ тотъ часъ, когда темнота начинала облекать сей берегъ, я видѣлъ, что свѣжіе пары вечерней росы стали примѣтно сгущаться, здѣсь, гдѣ мы сидимъ, — и составя родъ облачнаго столпа, начали разсѣеваться и образовать эѳирное тѣло старца; — длинное облаченіе, бѣлое, какъ снѣгъ нашей Этны, развѣвалось вѣтрами съ его плечъ; лице его было блѣдно, бѣлая брада сходила до пояса; глава его увѣнчана была кипарисомъ и посыпана пепломъ; въ одной рукѣ держалъ онъ разбитую корону и переломленый мечь; показавъ мнѣ оные, онъ указалъ другою на развалины Сиракузъ... медленно направился къ нимъ, и... Едва промолвилъ сіе незнакомецъ, какъ вдругъ близкій топотъ коней обратилъ наши взоры: то былъ мой *чичероне*, который давно уже съ большимъ безпокойствомъ меня отыскивалъ; — я просилъ своего ночнаго спутника остаться, межъ тѣмъ, какъ самъ поспѣшилъ предупредить, съ внутренней досадой, безпокойное посѣщеніе; шорохъ листьевъ заставилъ меня опять обернуться; — но незнакомецъ скрылся... и румяная заря освѣщала уже окрестность...

ГЛАВА XXV.

Ното. — Долина Испика. — Палацоло и возвратъ въ Сиракузы.

. . . . . cùm frigida parvas
Praeberet spelunca domos, ignemque, laremque,
Et pecus et dominos communi clauderet umbra.
Sylvestrem montana torum cum sterneret uxor
Frondibus, et culmo vicinarumque ferarum
Pellibus . . . . . .

(*Iuv. Sat.* VI.)

Я не хотѣлъ предпринимать обратнаго пути изъ Сиракузъ, не посѣтивъ знаменитую долину *Испику*, заключающую памятники первобытныхъ человѣковъ, населявшихъ Сицилію. Я говорилъ уже о семъ любопытномъ мѣстѣ. (1) Оно находится верстахъ въ шестидесяти отсюда, на южной конечности острова. — Чрезвычайный жаръ и усталость отъ безпрестанныхъ прогулокъ по развалинамъ Сиракузъ, дѣлали меня нерѣшительнымъ на сію поѣздку, — но любопытство преодолѣло наконецъ все. — Мой вожатый предложилъ мнѣ путешествовать не иначе, какъ ночью или въ часы близкіе къ восхожденію или захожденію солнца; — я весьма одобрилъ этотъ планъ, тѣмъ бо-

(1) См. Введ. Гл. I.

лѣе, что намъ предстояли большею частію — пустыни. И такъ, мы оставили Сиракузы часа за два до заката солнца. Проѣхавъ рѣку Анаписъ мы направились, каменистою тропою, мимо печальныхъ остатковъ храма Юпитера-Олимпійскаго и высотъ Племмирія. Сія тропа замѣняетъ теперь роскошный путь *Гелорійскій*, тотъ самый, по коему отступила разбитая Аѳинская армія, предводимая Никіасомъ и Демосѳеномъ. (1) По мѣрѣ, какъ мы отдалялись отъ береговъ Анаписа оживленныхъ виноградниками и рощами, — запустѣніе увеличивалось. При захожденіи солнца достигли мы, по дикому и каменистому слою, до береговъ рѣки *Кассибили*, гдѣ природа опять оживляется. — *Кассибили* (2) называлась въ древности *Касипарисъ* (*Casyparis*). (3) Она замѣчательна по вырытому ея водами въ горѣ, своду, длиною болѣе нежели въ 400 футъ. Тутъ можно уже видѣть нѣсколько пещеръ, подобныхъ тѣмъ, которыя находятся въ долинѣ Испикѣ; но позднее время воспрепятствовало мнѣ осмотрѣть сіи предметы. (4) Мы проѣхали неподалеку отъ селенія *Бландини*, построеннаго въ сторонѣ отъ дороги, на возвышенномъ скатѣ, — и вскорѣ приблизились къ рѣчкѣ *Миранды* (*Miranda*), древній Эринеусъ (Erineus).

---

(1) Thucyd. VII, c. 80.

(2) Отъ Сарацинскаго слова: Yhasiblim.

(3) Thucyd. loco cit.

(4) Говорятъ, что при устьѣ сей рѣки, находятся нѣсколько источниковъ прѣсной воды, бьющихъ изъ морскаго дна, подобно тому источнику, который находится возлѣ Аретузы.

Миновавъ при свѣтѣ восшедшей луны противулежащія скалы, мы въѣхали въ городокъ *Аволу*, который занималъ высоты, до землетресенія 1693 года, разрушившаго оный; — и съ той поры переселенъ въ долину. — Помянутыя высоты суть безъ сомнѣнія тѣ самыя, на которыхъ, по словамъ Ѳукидида, (1) расположился несчастный Никіасъ съ своимъ войскомъ въ первую ночь по своемъ пораженіи. Многіе путешественники безо всякаго основанія называютъ Аволу *Hybla Maior*, которая была между *Этною* и рѣкою *Симетою*. (2) Мы отдохнули здѣсь одинъ часъ. Я видѣлъ *Аволу* только мелькомъ; но она мнѣ показалась довольно хорошо построенною. Окрестность изобилуетъ миндалевыми рощами.

Мы поспѣшали достигнуть города *Ното*, куда я имѣлъ рекомендательное письмо для ночлега въ монастырѣ. Прибывъ туда чрезъ безпокойныя крутизны, въ глухую ночь, мы, не смотря на то, скоро достучались придверника въ монастырѣ *Спасителя* (*San-Salvatore*) и были ласково приняты. Городъ Ното, главный въ провинціи сего имени, хорошо выстроенъ на пологой высотѣ и на скатѣ. Многія зданія весьма замѣчательны; улицы широки. Народонаселеніе простирается до 11,000 душъ, и состоитъ большею частію изъ духовенства. Монастыри, церкви и часовни составляютъ большую половину городскихъ зданій, изъ

(1) Thucyd. L. VII, c. 82.

(2) Cluv. p. 353.

коихъ наилучшимъ считается тотъ монастырь, гдѣ мы остановились. *Ното*, подобно *Аволѣ*, былъ прежде построенъ на крутой высотѣ, составляющей конечность *Гиблейскихъ* горъ и по одинаковой причинѣ, какъ и сей послѣдній городъ, — переселенъ ниже, верстъ за семь отъ прежняго мѣста, на коемъ находился древній *Неэтумъ*, *Neetum*. (1) Мы посвятили здѣсь часа два сну. Насъ не хотѣли отпустить, не напоивъ отличнымъ шеколадомъ, который доказывалъ роскошь здѣшнихъ братій.

Мы оставили *Ното* на разсвѣтѣ. Окрестности изобильны фруктовыми рощами и разными полевыми произрастеніями. Вскорѣ спустились мы къ берегамъ рѣчки *Ното*, древній *Азинаръ*, (*Asinarus*,) столь знаменитый чрезъ пораженіе остатковъ Аѳинской арміи, Сиракузянами. (2) Рѣчка сія мелка во время жаровъ, но въ зимнее время теченіе ея весьма порывисто. — Ужасная картина, описанная перомъ Ѳукидида, казалось, была у меня передъ глазами: „Съ разсвѣтомъ, говоритъ „Историкъ, Никіасъ подвигся впередъ (отъ бере„говъ *Эринея*.) Сиракузяне съ союзнымъ войскомъ „продолжали тѣснить Аѳинянъ со всѣхъ сторонъ, „осыпая ихъ стрѣлами и копьями. Но Аѳиняне „приближались къ берегамъ Азинара, выдерживая „безпрестанныя нападенія непріятельской конни„цы и прочаго войска. Они надѣялись, перейдя рѣ-

(1) Diod. L. XI. — Cic. in Verr. act. V. — Plin. III, c. 8.

(2) Thucyd. VII, 84.

„ку, оградить себя нѣсколько ея теченіемъ — „и вмѣстѣ съ симъ уполить мучительную жаж- „ду. — Достигнувъ рѣки, всѣ въ безпорядкѣ бро- „саются въ желаемыя воды стараясь упредить „другъ друга. Непріятель, напирая на нихъ, содѣ- „лываетъ переправу трудною. Стѣсненные от- „всюду — они падаютъ въ воду и попираютъ одинъ „другаго. Зацѣпляясь за собственныя свои ору- „жія, иные прободаются оными, другіе — увлека- „ются теченіемъ. Берега были круты: Сира- „кузяне, переправившіеся на другую сторону, спрѣ- „ляли съ возвышеній по симъ злополучнымъ, за- „нятымъ большею частію уполеніемъ своей жаж- „ды и приводящимъ сами себя въ разстройство „посреди глубокой рѣки. Пелопоннезцы спускаю- „ся туда и производятъ между ними страшное ис- „требленіе. Вода багрится кровью и возмущает- „ся; но, не смотря на то, Аѳиняне глотаютъ оную „съ жадностію и оспориваютъ ее съ оружіемъ „въ рукахъ.“

Занятый такими воспоминаніями, я непримѣтно проѣхалъ глухую дебрь и увидѣлъ уже себя на берегу другой рѣки, зовомой *Абиссо*, древній *Гелорусъ* (*Helorus*). Слабый грохотъ ея струй, текущихъ по камнямъ, напоминаетъ выраженіе Поэта *Силлія*, который называетъ ее: *гремящею*, (*clamosus Helorus*). (1) Виргилій также посвятилъ ей одинъ стихъ:

— et inde
Ex supero praepingue solum stagnantis Helorus. (2)

(1) Sil. Ital. L. XIV.
(2) Aen. L. III, v. 698.

гдѣ онъ приписываетъ ей совсѣмъ другое свойство, — называя воды Гелоруса *столѣпцы*; но и тотъ и другой Поэтъ, правы, потому что сія рѣка быстро спускаясь со скатовъ Гиблейскихъ горъ, сначала шумна и стѣснена берегами, а при впаденіи своемъ въ море постоянно разливается зимою, ушучняя долины, (называемыя Овидіемъ *Eloria tempe*) (1), и пребывая въ семъ положеніи нѣсколько времени. Фацелло говоритъ, что рѣка сія образуетъ многія пещеры, и что отзывы бурнаго Африканскаго моря вторятся въ нихъ наподобіе громоваго гула. (2) Тотъ же авторъ упоминаетъ объ останкахъ древняго города *Гелора* (3) въ тысячѣ шагахъ отъ устья сей рѣки; но слѣды онаго состоятъ только въ одномъ столпѣ (4) изъ тесаныхъ камней. Около сего же мѣста былъ замокъ Геларъ, *castellum Helorum* (5); но и неизвѣстно, какому изъ сихъ двухъ мѣстъ принадлежитъ сей памятникъ. Рѣка Гелорусъ ознаменована двумя битвами: — въ первой, Карѳагенцы были побѣждены Хроміемъ, тестемъ Гелона, а во второй — Сиракузяне были разбиты Гиппократомъ, тираномъ города Геллы.

Окрестности рѣки *Абиссо* весьма плодородны и живописны. Отдохнувъ и прохладясь по ту сторону оной, въ тѣни апельсинныхъ и карубо-

(1) Fast. Lib. IV.
(2) Faz. L. IV. prior. dec. c. II. p. 110.
(3) Cluv. p. 186. — Ptolom. — Scylax.
(4) Называемомъ: l'Aguglia.
(5) Plin. Lib. XXXII. c. II.

выхъ деревъ, въ саду, принадлежащемъ деревнѣ *Бенфола*, мы наконецъ достигли селенія *Росолини*, весьма устaлые отъ каменистой дороги, на которой мы не находили ни дерева, ни хижины, гдѣ бъ можно было укрыться отъ жестокаго зноя.

Долина, называемая *Испика*, по имени нѣкогда бывшаго здѣсь Сарацинскаго замка, находится между симъ послѣднимъ селеніемъ и городомъ *Спакафурно*. — Изнуренный жаромъ, я не рѣшился на новый путь прежде вечера. Я не могъ, въ продолженіе дня, принять никакой пищи, кромѣ лимоннаго мороженаго и рюмки вина. Около шести часовъ вечера, когда зной нѣсколько уменьшился, мы оставили *Росолини*, взявъ отсюда новаго провожатаго, который нанялся сопутствовать насъ до *Палаццоло*.

Проѣхавъ около пяти Италіянскихъ миль, по кремнистой, однообразной почвѣ, лишенной растеній и приводящей въ уныніе взоръ, — я пораженъ былъ открывшимися передо мною глубокими и обширными оврагами, которые извивались на далекое пространство. Удивленіе путешественника тѣмъ болѣе велико, что, сколь проѣханное имъ пространство мертво, столь плодородна сія низменная долина, представляющаяся ему такъ неожиданно. Обрывистый спускъ ведетъ въ нее; — она понижена отъ настоящей поверхности земли на сто футъ. При самомъ спускѣ открываются уже на противоположныхъ скалахъ, стоящихъ отвѣсно, ряды темныхъ впадинъ; онѣ производятъ странное дѣйствіе на взоръ, и не зная назначенія

ихъ, трудно разгадать сей видъ. Я уже описалъ въ первой главѣ образованіе сихъ дикихъ жилищъ первобытныхъ человѣковъ. — „Тогда, по словамъ „Ювенала, прохладная пещера была ихъ домомъ; „тогда находились подъ общимъ кровомъ и очагъ, „и боги лары и стада и хозяева; тогда, полудикая „супруга устилала листвіемъ брачное ложе и одѣ„вала оное звѣриными кожами.“ (1) Я не стану повторять сказаннаго, но — присовокуплю къ оному нѣкоторыя замѣчанія.

Множество сихъ пещеръ свидѣтельствуетъ большое народонаселеніе. Совокупность оныхъ, въ одной части Сициліи, можетъ заставить догадываться, что чрезвычайный случай привлекъ сюда главную часть ея жителей, ибо окрестности Этны гораздо привлекательнѣе и плодоноснѣе сихъ послѣднихъ. Случай сей виденъ въ преданіяхъ Исторіи, которая повѣствуетъ, что изверженія Этны, невиданныя доколѣ, принудили первоначальныхъ человѣковъ оставить съ ужасомъ ея окрестности (2) — и это самое время должно быть, какъ мнѣ кажется — эпохою сооруженія сихъ дикихъ жилищъ.

Стѣны скалъ, обрушенныя временемъ, обнаруживаютъ внутренность сихъ пещеръ, коихъ большая часть недосягаема. Я посѣщалъ нѣкоторыя; — почти всѣ образуютъ четвероспорники. Иныя состоятъ изъ разныхъ комнатъ, въ

(1) См. эпиграфъ сей главы.

(2) См. 1-ю главу I-й части сего Путешествія.

которыхъ замѣтны гробовые ниши. Съ умноженіемъ семейства, высѣкали въ скалѣ новыя комнаты, а со смертью каждаго семьянина высѣкалась новая гробница. Жизнь и смерть обитали вмѣстѣ. Въ иныхъ комнатахъ видны закругленныя лѣстницы; но онѣ изобличаютъ уже своимъ образованіемъ, позднѣйшихъ наслѣдниковъ настоящихъ *Троглодитовъ*. Нѣсколько Греческихъ надгробныхъ надписей и урнъ, найденныхъ на сѣверной сторонѣ сихъ враговъ, показываютъ, что Греческія колоніи, до построенія своихъ городовъ, замѣщали нѣкоторое время сіи дикія жилища Троглодитовъ. Мнѣ показывали тамъ желѣзныя кольцы, служившія для привязыванія скота, — и крючья для разныхъ снадобей; но это не принадлежитъ временамъ позднѣйшимъ, ибо обрабатываніе желѣза приписываютъ Циклопамъ. (1) Я сказалъ, въ первой главѣ, что пещеры сіи задвигались досками; слѣды сего обыкновенія видны еще при входѣ, въ выдѣланныхъ въ камнѣ выемкахъ.

Часть сихъ враговъ, называемая въ простонародіи: *Замокъ Испика* и состоящая изъ отвѣсной скалы, просверленной пещерами, испещила кисть всѣхъ живописцевъ, посѣщавшихъ сію страну. Роскошью и дикостью природы, мѣста сіи походятъ на Сиракузскія лапоміи, но въ большемъ видѣ, ибо такъ называемая *долина Испика* простирается верстъ на 10 или болѣе. — Въ одной изъ низменныхъ пещеръ, потоки образовали страш-

(1) См. Plin. Hist. Nat. VII. 56. ante med. Sect. 57.

ной глубины бездну, куда, по словамъ моего вожатаго, *нечистый духъ* втаскивалъ не одинъ разъ любопытныхъ. — Нѣкоторыя изъ пещеръ обшпаемы теперь новѣйшими Троглодитами; и я видѣлъ тамъ въ натурѣ вышеприведенное Ювеналово описаніе, но только въ самомъ непривлекательномъ образѣ; дикій смѣхъ и вмѣстѣ — какой-то страхъ, обнаруженный сими людьми съ приближеніемъ нашимъ, помѣшалъ намъ посмотрѣть на ихъ образъ жизни.

Среди роскошныхъ картинъ природы, достигли мы, въ глубокую ночь, но вспомоществуемые луннымъ свѣтомъ, до города *Палацоло*. Мы слѣдовали долгое время поверьхъ теченія рѣки *Абиссо*, называемой въ сихъ мѣстахъ *Аттеларо*.

Палацоло построенъ на сѣверовосточномъ скатѣ Гиблейскихъ горъ и находится во владѣніи фамиліи Руффо. Въ немъ считаютъ 8500 жителей. Онъ занимаетъ мѣсто древней *Акры*, (1) первой колоніи Сиракузянъ (665 л. до Р. Х.) По сіе время часть горы, на коей стоитъ теперешній городъ, называется *горою Акры* (*Acremonte*). (2) Сей неопрятный городокъ привлекъ мое любопытство, по находящимся близъ него осшапкамъ первоначальнаго ваянія; они состоятъ изъ нѣсколькихъ *фигуръ*, высѣченныхъ въ скалѣ (возлѣ

(1) Faz. I. Dec. I. X. p. 228. — D'Anville Géogr. anc. éd. de Paris. 1769. in fol. et cartes.

(2) Неподалеку отсюда, на главной высотѣ, процвѣтала *Ербесса*, *Erbessus*, — другая колонія Сиракузъ.

источника называемаго: *Aqua Santa*, у подошвы горы, на коей стоитъ городъ. Онѣ представляютъ людей большаго роста и нѣкоторыхъ животныхъ. Многія фигуры едва ужѣ видны. Я замѣтилъ особенно одно изображеніе, представляющее полуобнаженнаго человѣка, держащаго коня. Хотя сіи первые опыты искуства и грубы; но совсѣмъ тѣмъ они носятъ на себѣ отпечатокъ величія. Цѣль сихъ изваяній затрудняетъ многихъ, писавшихъ о семъ предметѣ; главнѣйшая трудность въ разрѣшеніи сей загадки состоитъ въ томъ, что всѣ сіи фигуры имѣютъ разныя величины, такъ, что иногда малое изображеніе находится возлѣ большаго. Не смѣя излагать здѣсь рѣшительно своего мнѣнія, — мнѣ кажется, что хотя многія изъ сихъ фигуръ составляютъ настоящіе *барельефы*, но другія суть *недокончанныя изваянія*; ибо ни одна изъ сихъ фигуръ не имѣетъ *полной* отдѣлки; и такъ, статуи сіи или барельефы, по мѣрѣ ихъ окончанія, отдѣлялись отъ скалы, и занимали мѣсто въ форумѣ, въ портикахъ, или въ палатахъ древней *Акры*; а неровность въ ростѣ сихъ изображеній, кажется мнѣ, служитъ подтвержденіемъ сей догадкѣ.

Скромный обѣдъ мой въ неопрятной гостинницѣ, украшенъ былъ прекраснымъ сотомъ Гиблейскаго меда, столь знаменитаго въ древности. Я пустился въ путь, по обыкновенію, вечеромъ; напрасно трактирщикъ старался удержать меня разсказами о разбойникахъ: — они казались мнѣ менѣе страшными, чѣмъ Африканской зной, кото-

рый изнурялъ мои силы. Чрезъ каменистыя горы и овраги достигли мы къ полуночи до *Флоридіи*, окруженной рощами фруктовыхъ деревъ. Тутъ мы отдохнули, а на разсвѣтѣ — ѣхали уже чрезъ великолѣпныя развалины Неаполиса и Тихи. До восхожденія солнца прибылъ я въ Сиракузы, гдѣ ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ мой товарищъ.

ГЛАВА XXVI.

Обратный путь изъ Сиракузъ въ Катанію. — Г. Августа.

Ergò, sacri fontes et littora sacra, valete!
Nympharum pariter, Nereidumque domus!
(*Mart.* Epigr. *L.* IV. 57.)

Заря едва еще алѣла, когда мы выѣзжали изъ укрѣпленій Сиракузскихъ; я удерживалъ моего лошака, и безъ того медленнаго, — чтобъ болѣе напечатлѣть въ воображеніи своемъ столь знаменитый берегъ... Эгейское море горѣло уже румянымъ свѣтомъ занимающагося дня, когда мы спускались по прежней дорогѣ съ кремнистыхъ холмовъ *Акрадины*. Тутъ были нѣкогда тѣ самыя городскія ворота, возлѣ коихъ, при промѣнѣ военноплѣнныхъ между Сиракузянами и Римлянами, одинъ воинъ, изъ сихъ послѣднихъ, счелъ число камней, составлявшихъ высоту стѣны — и рѣшилъ Маркелла на приступъ, тогда, какъ онъ намѣревался уже снять осаду. Не должно удивляться глазомѣру сего Римлянина; ибо стѣны Сиракузскія, какъ было сказано, состоятъ изъ огромныхъ камней. Я привѣтствовалъ въ послѣдній разъ прощальнымъ взглядомъ, развалины сихъ твердынь, простирающіяся по вершинамъ возвышеній, до скалъ отдаленнаго Эпиполя.

Римъ, Аѳины, Сиракузы! какой человѣкъ одаренный воображеніемъ, оставитъ развалины ваши, не понеся съ собою неизгладимыхъ воспоминаній? Я покидалъ землю, заключившую въ себя священный прахъ Гелона, Тимолеона, Архимеда, Гіерона, Діона, Ѳеокрита! — Миръ вамъ, великіе! — Миръ тебѣ, земля славы! — Твое опустѣніе, твоя мертвенность, прекраснѣе роскоши земель выходящихъ изъ рукъ Природы во всемъ цвѣтѣ юности. Соки твои упрашились на вскормленіе великаго народа! Слой твой краснорѣчивъ, обиленъ на вдохновенія! Отдаленный странникъ съ благоговѣніемъ ступитъ на берегъ твой и воззоветъ: „Миръ тебѣ, земля славы!“

Iussi numina magna loci veneramur; *(Virg. Aen. L. III.)*
„Послушные, мы привѣтствуемъ великія божества сихъ мѣстъ!“

Говоритъ Эней о берегахъ Сиракузскихъ.

Дорога отсюда до Катаніи, ужé мною описана. На лѣсныхъ скалахъ, по ту сторону мыса *Тапса*, застигла насъ ночь. Тутъ ожидало насъ прекрасное зрѣлище. Полная луна, свѣтившая дотолѣ во всемъ блескѣ, начала внезапно померкать; я замѣчалъ съ большимъ вниманіемъ, ни чѣмъ неразвлекаемымъ въ столь дикомъ уединеніи, постепенность сего затмѣнія. (1) Я вспомнилъ тогда о грозной судьбѣ, постигшей передъ Сиракузами Аѳинскую армію, отъ суевѣрія вождя ихъ, Никіаса. Обремененные бѣдствіями войны, Аѳиняне рѣшились оставить Сицилію; все было ужѣ готово къ тайному

(1) Іюля 22, ст. сш. Августа 3, н. ст.

отплытію, какъ вдругъ луна померкла. Смущенный Никіасъ, видя въ томъ несогласіе боговъ, прибѣгъ къ гадателямъ, — и они произнесли, что армія не должна отплывать прежде трехъ разъ девяти дней, — (таинственное число Древнихъ). Никіасъ повиновался, — и погибъ со всею своею арміею! Не такъ поступилъ предпріимчивый Діонъ. Луна затьмилась въ самое то время, какъ онъ снимался съ якорей изъ Заципта, для отплытія въ Сиракузы, въ намѣреніи свергнуть съ престола тирана Діонисія. Не смотря на угрозы гадателей, онъ пустился въ путь, — и свершилъ свое предпріятіе. Можно ль удивляться слабому просвѣщенію Древнихъ въ физическихъ предметахъ, когда Неаполитанское Правительство сочло нужнымъ (кажется въ 1805 или 1806 году) объявить по всему государству о наступающемъ солнечномъ затмѣніи — *для успокоенія умовъ*!!

Спустясь въ долину, мы рѣшились отдохнуть нѣсколько часовъ, возлѣ береговыхъ укрѣпленій; но вожатый совѣтовалъ намъ, какъ и въ первый разъ, не довѣряться сему мѣсту, по причинѣ *злаго воздуха;* но усталость все превозмогла! Вотще грозилъ онъ намъ смертью; мы привязали лошаковъ, разостлали плащи, и выпивъ по круговому стакану душистаго Сиракузскаго вина, коимъ снабдилъ насъ съ изліяніемъ, почтенный Г-нъ Занги, условились не проспать болѣе часа, прося нашего вожатаго, (который, *не желая умирать*, ни какъ не рѣшался спать) — разбудить насъ къ сроку. Долго лунное затьмѣніе

было предметомъ нашихъ наблюденій; но наконецъ утомленіе усыпило насъ. Когда мы проснулись, солнце уже вставало; вожатый нашъ крѣпко спалъ, обвязанный поводами лежащихъ возлѣ него лошаковъ, — и мы всѣ были живы! Тогда онъ сказалъ намъ, что *cattiva aria* (*злой воздухъ*) не имѣетъ дѣйствія при Русскихъ!!

Вскорѣ открылся намъ городъ *Августа*, на мысѣ, превращенномъ въ островъ землетрясеніемъ 1693 года. Множество пальмъ украшаютъ окрестности сего города, который считается въ числѣ лучшихъ крѣпостей Сициліи и не менѣе замѣчателенъ весьма хорошею гаванью. Онъ основанъ Императоромъ Фридрикомъ II-мъ, переселившемъ въ него часть жителей древней Центоріпы (нынѣ Ченторби), кои заплатили за возмущеніе противъ него, разрушеніемъ ихъ города. Августа пріобрѣла несчастную извѣстность злобнымъ поступкомъ ея жителей противу партіи больныхъ Французовъ, возвращавшихся изъ Египта военно-плѣнными Англичанъ. Правда, что нѣкоторые изъ сихъ Французовъ оскорбили одного гражданина но — они не заслужили участи, постигшей нѣкогда въ Сициліи соотечественниковъ ихъ. Августа возобновила ужасныя *Сицилійскія вечерни*, и показала, что вражда къ Французамъ не умерла еще на семъ островѣ. Всѣ до одного изъ сихъ несчастныхъ, были безжалостно умерщвлены.

Не подалеку отсюда проѣхали мы чрезъ два рукава рѣчьки называемой нынѣ безславнымъ име-

немъ: *di porcari*; но это древній *Пантагій* столь звучный въ стихахъ Римскихъ поэтовъ:

Ecce autem Boreas angusta ab sede Pelori
Missus adest. Vivo praetervehor ostia saxo
Pantagiae, Megarosque sinus, Thampsumque jacentem! (1)

Клавдіанъ представляетъ намъ его катящимъ камни въ быстрыхъ волнахъ: *saxa rotantem*; это справедливо и доселѣ, когда рѣка сія наполнясь весенними потоками устремляется съ высотъ *Лентинскихъ*. Повѣствуютъ что Церера погруженная въ глубокую горесть потерею своей дочери, подошедъ къ берегамъ шумящаго *Пантагія*, заставила умолкнуть волны его, заглушавшія ея жалобы . . . Устье сей рѣки, какъ и при Виргиліѣ, заключено въ дикихъ скалахъ.

Къ полудню мы находились уже передъ колоссомъ Этны, среди плодоносныхъ садовъ, окружающихъ Катанію. Поселяне, съ своими женами и дѣтьми, заняты были сборомъ Индѣйскихъ фигъ. Посредствомъ длинныхъ шестовъ, къ конечности коихъ придѣланъ острый гвоздь, снимаютъ они сей плодъ, который нельзя срывать руками, по причинѣ безчисленныхъ тонкихъ иглъ, покрывающихъ оный. Я помню, что однажды, томимый жаждою, я сорвалъ по незнанію одну изъ таковыхъ фигъ, и цѣлые три дня не могъ освободиться отъ иглъ, терпя сильную боль при каждомъ прикосновеніи къ чему нибудь.

(1) Virg. Aen L. III. Ovid. Fast L. III. — Sil. it. L. XIV. — Claud. de rap. Pros. L. II.

ГЛАВА XXVII.

Катанія.

Tu secanda marmora
Locas sub ipsum funus: et sepulchri
Immemor, struis domos.
(*Horat. Lib II. XVIII.*)

Мы остановились въ Катаніи въ прежней гостинницѣ. Видъ изъ оконъ нашихъ представлялъ прекрасную площадь, украшенную соборною церковью Св. Агаты, покровительницы города. Посреди площади возвышается гранитный Египетскій обелискъ съ іероглифами; онъ утвержденъ на спинѣ слона, сооруженнаго изъ лавы. Древность обелиска доказана; но слонъ принадлежитъ, какъ сказываютъ, искусству среднихъ вѣковъ. Сей памятникъ прекрасенъ; онъ составленъ по плану Бернини, который заимствовалъ свой рисунокъ съ древней медали. Послѣ обѣда мы посѣтили соборъ; наружность его великолѣпна, во вкусѣ новаго Италіянскаго зодчества; а внутренность величественна, во вкусѣ Древнихъ; сему послѣднему качеству зданія не мало способствуютъ два ряда Коринѳическихъ колоннъ, принадлежавшихъ древнему театру. Полъ, составленный изъ цвѣтнаго мрамора, взятъ отпуда же. Праздникъ, въ честь Св. Агаты, защитившей нѣкогда Катанію (какъ говорятъ,

преданія) отъ теченія лавы, — торжествуется два раза въ годъ, съ великолѣпіемъ: въ первый разъ 19 Августа, а во вторый отъ 5 до 10 Февраля; послѣдній праздникъ есть главный, — въ немъ подражаютъ торжеству *Св. Розаліи.*

Сверхъ того, 25 Декабря, праздникъ *младенца* достоинъ бытьза мѣченъ. Толпа дѣтей собирается въ Бенедиктинскую церковь. Изъ нихъ выбираютъ самаго миловиднаго, который изображая Божественнаго младенца Іисуса, становится посреди церкви. Настоятель со всемъ причетомъ преклоняетъ тогда передъ нимъ колѣна. Младенецъ сей, отличенный на нѣсколько времени отъ всѣхъ прочихъ, награждается безчисленными подарками и надѣляетъ оными, по произволу, другихъ дѣтей Въ ризницѣ собора показываютъ грубое, но вѣрное и списанное съ натуры изображеніе ужаснаго изверженія Этны въ 1669 году.

Почти возлѣ самаго крыльца собора, находится подземный входъ въ древнія *термы*; но прежде сего надобно сказать, что вся древняя Катанія покрыта нѣсколькими слоями лавы, и что она неоднократно испытывала судьбу *Геркуланума* и *Помпеи. Новая* Катанія, презирая прошедшія злосчастія, стоитъ на могилѣ *древней.* Единственные значительные остатки прежняго ея величія состоятъ въ великолѣпныхъ развалинахъ театра и амфитеатра, еще не такъ давно вырытыхъ изъ лавы, стараніями и иждивеніемъ Князя Бискари, гражданина сего города. Все прочее погребено еще подъ землею, или разрушено отъ мно-

гочисленныхъ осадъ въ древніе и средніе вѣка. Діонисій и Фридрикъ II-й, Готеы и Сарацины, Этна съ огненными потоками и землетрясеніями — вотъ рушители Катаніи. Городъ населенъ 40,000 жителей; но торговля его не весьма значительна, по той причинѣ, что доступы къ сему прекрасному городу трудны со стороны земли и моря, за несуществованіемъ дорогъ и безопасной гавани.

Термы, къ коимъ я обращаюсь, даютъ понятіе, по той части оныхъ, которая открыта, о красотѣ цѣлаго зданія. Полагаютъ, что онѣ принадлежали храму Бахусову. Показавшіеся источники помѣшали продолжать работы; но намъ можно видѣть *наружную* галлерею и нѣсколько портиковъ съ рядами колоннъ. На сводахъ сохранились барельефы, гдѣ можно замѣтить играющихъ амуровъ, весьма искусно изображенныхъ.

Къ вечеру, отдохнувъ отъ пути и пользуясь пріятною свѣжестью сумерковъ, замѣнившихъ тягостный зной, я вышелъ на площадь — и смѣшался съ толпою. Не имѣя никакого намѣренія, я непримѣтно слѣдовалъ направленію тѣхъ, кои были также праздны, какъ и я, — и былъ увлеченъ въ большую противулежащую улицу. Меня занимало разнообразіе одеждъ: я встрѣчалъ то веселыхъ матросовъ съ пестрыми перьями на шляпахъ, то молодыхъ Аббатовъ съ искусно обвитыми вокругъ руки кружевными манжетами; то стройныхъ женщинъ, съ длинными покрывалами, изъ-за коихъ часто обнаруживались — быстрый

взглядъ, черные локоны и розовыя ланиты. Не знаю, что въ особенности обличало во мнѣ иностранца? — моя одежда была подобна одеждѣ многихъ; но ко мнѣ безпрестанно подходило нѣсколько слишкомъ услужливыхъ людей, нашептывая мнѣ различныя предложенія . . . . . Занятый окружавшими меня лицами, я шелъ не замѣчая пути, какъ вдругъ увидѣлъ себя, съ наступившею ночью, на набережной. Багровая луна выплывала въ самое то время изъ моря; спокойный видъ ея сильно противорѣчилъ бунтующей стихіи; непрестанно возраставшіе хребты волнъ, осыпанные золотомъ, катились пѣнными клубами и съ шумомъ разбивались о безобразныя, черныя какъ уголь, груды лавы, изъ коихъ сосгоитъ весь берегъ Катаніи. Я сѣлъ на прибрежную скамью, и предался созерцанію природы. Страшно взрытыя долины моря, игра лунныхъ лучей, перемѣнившихъ уже багряный цвѣтъ на серебряный, долго меня плѣняли. Сѣдшая возлѣ меня дама, объ-руку съ Аббатомъ, заставила меня обернуться къ прогулкѣ, — и вмѣстѣ съ симъ я взглянулъ на городъ: курящаяся вершина необъятной Этны высоко возносилась надъ нимъ, — и столпъ чернаго дыма поднимался по темноголубому небу; — какая мрачная картина! Глядя на Этну, мысли мои пламенѣли; близокъ былъ день, въ который долженъ я былъ видѣть зрѣлище ни съ чѣмъ несравненное, зрѣлище памятное на всю жизнь, — и воображеніе мое старалось предузнать оное. Занятый одною Этною, я все забылъ, какъ вдругъ

опять былъ развлеченъ появленіемъ новой сосѣдки. Какой станъ! какая милая небрежность въ движеніяхъ! — Не обративъ вниманія на первую молодую женщину, сидѣвшую возлѣ меня, я удивился своему равнодушію, взглянувъ на это прелестное существо. Покрывало мѣшало мнѣ ясно видѣть ея лице; но я завелъ съ нею рѣчь Какой сладостный органъ! какая любезность! какъ быстро прошло при ней время! — Едва оставалось на набережной трое или четверо задумчивыхъ пѣшеходцевъ, и луна уже была высоко, когда милая женщина, откинувъ покрывало, пожелала мнѣ доброй ночи — и едва, быстро не скрылась отъ меня въ темнотѣ, еслибъ пламенный, черный взоръ ея и ангельское выраженіе лица не застивили меня еще быстрѣе предупредить ее и предложить ей мою руку до ея дома . . . О Катанія! всѣ ли женщины твои такъ обворожительны? Это ли ужасный берегъ Полифема, столь пагубный для странниковъ? берегъ, по коему раздавались клики приставшихъ къ нему нечаянно мореходцевъ:

. . . . Fugite, o miseri, fugite, atque ab litore funem
Rumpite! . . .
Бѣгите страпники! злосчастные, бѣгите!
Спѣшите отвѣкать канаты кораблей! . . . (1)

Сколь мрачна наружность Агригентянокъ, столь же привлекательнъ видъ женщинъ Катаніи. Хотя длинное черное покрывало, общее для всѣхъ женщинъ въ Сициліи, не оставляетъ ихъ и

(1.) (*Virg. Aen. L. III.*)

здѣсь; но Катанейки такъ рисуютъ ихъ по спрой-ному, быстро движущемуся стану, что многія изъ нихъ напоминали мнѣ прелестную живопись, най-денную въ Помпеѣ, гдѣ изображена воздушная танцовщица, одѣтая съ ногъ до головы покры-валомъ.

Мы видѣли на другой день осташки древняго театра: онъ соединенъ вмѣстѣ съ другимъ, го-раздо меньшимъ; то былъ *Одеонъ* (посвященный въ особенности музыкѣ.) Театръ такъ покрытъ землею и лавою, и такъ застроенъ домами, что очень трудно разобрать совокупность зда-нія. Нѣсколько портиковъ и опрытая часть прямой галлереи, ведущей въ Одеонъ, прекрасны: крылечныя ступени изсѣчены изъ сѣрой лавы; а тѣ, на коихъ сидѣли зрители, обложены мрамо-ромъ. Театръ сей имѣлъ три этажа, состоявшіе изъ аркадъ; онъ окруженъ былъ садомъ, основан-нымъ на террасахъ, прилежащихъ къ галлереямъ. Два канала, текущіе вокругъ, назывались *Еврипъ* и *Нилъ*. Статуи боговъ, урны и тѣнистыя деревья украшали берега; разныя птицы плескались въ во-дахъ или гуляли по лугамъ. Въ числѣ изваяній, тамъ находившихся, особенно отличались олице-творенныя изображенія *Земли* или *Природы* (рабо-ты Маммурія, жившаго во времена Нумы Помпилія). Къ нимъ принадлежала статуя Вѣчности, въ ви-дѣ юной женщины, сѣдящей на небесной сферѣ. Кругообразный жертвенникъ служилъ ей подно-жіемъ; онъ былъ утвержденъ на раменахъ старцевъ, имѣвшихъ крылья при подошвахъ ногъ —

и плясавшихъ, сцѣпясь руками, вокругъ змія, кусающаго свой хвостъ. Построенные дома на лавѣ, покрывающей стѣны верхней галлереи театра, обозначаютъ доселѣ полукружную форму онаго. Подлѣ театра былъ форумъ. Неподалеку оттуда находящаяся церковь Мадоны *della Rotonda*, есть древнее круглое съ красивымъ куполомъ зданіе, которое мнѣ назвали *Пантеономъ*; но многіе полагаютъ оное за *термы*.

Насъ провели отсюда къ амфитеатру, памятнику владычества Римлянъ; но онъ также весь залитъ лавой и застроенъ поверху домами. Здѣсь то же грозное зрѣлище, какъ и въ Геркуланумѣ. Съ факелами въ рукахъ, мы осмотрѣли часть наружныхъ портиковъ и галлерею, ведущую къ *воміторіямъ* и къ *поприщу*. Амфитеатръ сей прислоненъ къ возвышенію; — форма его (какъ обыкновенно) овальная. (Мѣры: большой наружной діаметръ 389 футъ, малый 322, большой діаметръ поприща 253 ф., а малый 176.) Въ XII вѣкѣ, при Ѳеодорикѣ, часть сего зданія употреблена была на городскія построенія!

Какіе страшные потоки охладѣлой лавы! Они кажутся еще текущими сквозь арки и окна; а иные висятъ со сводовъ. Я замѣтилъ тутъ одинъ изъ сихъ потоковъ, вышедшій изъ внутренности земли.

Упомянутые остатки древней Капаніи обнаружены только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, попеченіями и иждивеніемъ покойнаго Князя Бискари, Мецената Сициліи, страстнаго любителя

древностей и ревнителя къ славѣ своего отечества. Труды его были вознаграждены: ибо онъ составилъ цѣлый музеумъ древностей, найденныхъ имъ въ нѣдрахъ лавы. Способы правительства, гораздо обширнѣйшіе, могли бы воззвать множество изящнѣйшихъ произведеній искуства изъ развалинъ Катаніи и Сиракузъ. Сколько бъ боговъ, сколько бъ мужей великихъ воздвиглось тогда изъ праха сихъ славныхъ мѣстъ!

Изъ числа многихъ храмовъ (1) украшавшихъ Катанію, храмы *Цереры* и *Прозерпины* были знаменитѣйшими. Первый, о коемъ говоритъ Цицеронъ съ такимъ богопочитаніемъ, заключалъ въ себѣ дивную статую Цереры. Изваяніе сей богини было столь священно, что не токмо прикоснувшійся къ нему, но даже воззрѣвшій на него подвергался смертной казни: — и по сему оно было видимо токмо одними жрецами. Основаніе сего храма, состоящее изъ огромныхъ неотесаныхъ камней, (такъ называемаго *Киклопейскаго зодчества*) заключается въ стѣнахъ города, близъ перекрестка, называемаго *baluardo degl' infetti*. Слѣды поклоненія Церерѣ можно, какъ мнѣ кажется, доселѣ видѣть въ празднествѣ Катанейскихъ земледѣльцевъ, по окончаніи жатвы. Они сопровождаютъ въ толпѣ, по всей окрестности, женщину, сидящую на ослѣ, увѣнчанную колосьями и покланяются ей, какъ нѣкоему божеству.

---

(1) Какъ то: храмы Юпитера, Вулкана, Вакха, Эскулапа, Кастора и Поллукса, Нимфы Галатеи и проч.

Вотъ чѣмъ заключаются древности Катаніи, ибо то, что осталось отъ одного неизвѣстнаго зданія, также возлѣ — *baluardo degl' infetti*, ничего не значитъ. Другія развалины, находящіяся возлѣ Кармелитскаго монастыря, нѣсколько примѣчательнѣе; сіе зданіе имѣющее осмиугольную форму, освѣщено сверху посредствомъ нѣсколькихъ отверстій.

Гомеръ повѣствуетъ, что Улиссъ, заброшенный бурею въ Сицилію и терзаемый страшными снами, воздвигнулъ храмъ *Гекатѣ;* по описанію Гомера, онъ присталъ къ мысу *Пахину*, — а слѣдуя Эврипиду, къ берегу *Циклоповъ*. (1) По этому, нѣкоторые полагаютъ, что Улиссъ соорудилъ храмъ сей на томъ мѣстѣ, гдѣ напослѣдокъ построена была Катанія, которая, слѣдуя Діодору, называлась первоначально: *Hecatea;* отъ чего, вѣроятно, и происходитъ наименованіе *Катаніи*.

Основаніе Катаніи приписываютъ Хальцидянамъ, изшедшимъ изъ острова *Эвбеи*, подъ предводительствомъ Ѳеоклеса, изгнавшаго съ сего берега Сикуловъ, первобытныхъ жителей — въ 1-й годъ XIII-й Олимпіады, т. е. 744 года до Р. Х. и пять лѣтъ послѣ основанія Сиракузъ. Гораздо позднѣе, (въ 76-й Олимпіадѣ) Гіеронъ, для личной своей пользы и для славы принадлежащей имени основателя и законодателя, изгналъ обитателей Катаніи въ *Леонтіумъ*, переселивъ туда на мѣсто ихъ 5 т. Сиракузянъ и столько же Пелопонесцевъ;

(1) Заваленная нынѣ лавою гавань при мѣстечкѣ Оньяно, въ 5-ти или 6-ти верстахъ отъ Катаніи, называется *Улиссовою*.

онъ перемѣнилъ даже имя Катаніи, назвавъ ее *Этнеею;* но въ послѣдствіи времени мужественный Дуцетій, вождь Сикуловъ, прежнихъ обитателей сего города, возстановилъ свое отечество, изгнавъ чужеземцевъ. Сей подвигъ былъ знаменіемъ свободы для Агригента, Гелы и Гимеры.

Алькивіадъ и Никіасъ, вожди Аѳинской арміи въ Сициліи, хитростію овладѣли Катаніею. Діонисій тиранъ разрушилъ оную почти до основанія. Съ паденіемъ Сиракузъ подпала и Катанія подъ власть Римлянъ.

Рѣка *Амепанусъ*, или *Амена* орошала городъ.

Nec non Sicanias volvens Amenanus arenas
Nunc fluit; interdum soppressis fontibus aret.
Ovid. Met. L. XV

Нынѣ она называется *Iudicello;* это ручей, текущій за стѣнами Катаніи; въ самомъ же городѣ онъ скрытъ подъ слоями лавы; воды его остановили работы при открытіи *термовъ*, подлѣ собора *Св. Агаты.* Изверженіе Этны 1669 года почти совсѣмъ сокрыло его теченіе.

Hic fontes Natura noves emisit; at illic
Clausit: et antiquis tam multa tremoribus orbis
Flumina prosilunt; aut disiccata residunt. *(id. ib.)*

Пиндаръ обезсмертилъ четырмя стихами высокой Философіи сей слабый источникъ (1).

(1) Pind. Pith. Od. I.

„О Зевесъ, даруй гражданамъ и Царямъ береговъ Амена, постигать въ чемъ состоитъ истинная слава смертныхъ!“

ГЛАВА XXVIII.

Катанія.

. . . Catine, nimium ardenti vicina Typhaeo.

(*Sil. It.* XIV.)

Музеумъ Князя Бискари доставилъ мнѣ большое удовольствіе и удовлетворилъ мое любопытство во многихъ отношеніяхъ. Это истинное сокровище Археологіи. При входѣ въ музеумъ находится четвероспоронній *портикъ*, наполненный обломками колоннъ, капителей, архитравовъ, фронтоновъ, надгробныхъ камней, статуй, коихъ руки, ноги, туловища и головы разсѣяны методически. Внутренность зданія раздѣлена на галлереи, изъ коихъ каждая имѣетъ свое назначеніе. Здѣсь ряды статуй, тамъ вазы и лампы; далѣе шкафы съ монетами, собраніе одеждъ и оружій среднихъ вѣковъ и проч.

Первый и единственный, по высокой красотѣ своей, предметъ, на коемъ останавливается взоръ, — есть колоссальный *торсъ*, (1) найденный въ просеніумѣ театра. Сей изящнѣйшій остатокъ искуства Грековъ ни чѣмъ не уступаетъ столь знаменитому *торсу Ватикана*, надъ коимъ, *Микель-Анджело* изучивалъ пропорціи человѣче-

(1) Туловище.

скаго тѣла. Я не могу согласиться съ нѣкоторыми путешественниками, приписывающими сей *торсъ* статуѣ Юпитера; нѣтъ! это Бахусъ, покоритель Индіи, любовникъ Аріадны; тѣло его исполнено нѣги, сладострастной юности и вмѣстѣ съ симъ— величія. Художникъ, всякой день, будетъ находить въ немъ новыя красоты. Не должно оставить безъ вниманія, въ семъ музеумѣ, одну Венеру и Геркулеса, хотя и кромѣ ихъ много есть тамъ отличныхъ статуй Греческаго рѣзца. Кабинетъ медалей весьма полонъ; любители Нумизматики найдутъ въ немъ обширное поприще для своихъ изысканій, и все, что касается до Исторіи переселенія Греческихъ колоній въ Сицилію и Великую Грецію (Калабрію). Я назову здѣсь одну медаль, по содержанію своему заслуживающую особенное вниманіе: она изображаетъ двухъ юношей, увѣнчанныхъ лаврами; — это два Катанейскіе гражданина, *Амфиномій* и *Анапіасъ*. Во время одного ужаснаго изверженія Этны, въ 75-й Олимпіадѣ, (477 л. до Р. Х.) когда всѣ жители бѣжали изъ города, унося съ собою сокровища, — Амфиномій и Анапіасъ, два брата, богатѣйшіе во всей Катаніи, возложили на плеча свои престарѣлыхъ родителей, покинувъ всѣ богатства. Повѣствуютъ, что большая часть жителей погибла посреди своихъ имуществъ, межъ тѣмъ, какъ огненные потоки лавы миновали сихъ юношей, шедшихъ по одной дорогѣ съ прочими. Древніе обоготворили сіе дѣяніе и воздвигли храмъ въ честь *сыновней нѣжности*. Намъ показали посре-

ди многочисленныхъ надписей одну изъ примѣчательнѣйшихъ, которая удостовѣряетъ, что Древніе сверхъ обыкновеннаго какого либо божества, коихъ покровительству ввѣряли они свои города, признавали властелинами оныхъ, нѣкіихъ *геніевъ*. Вотъ сія надпись:

Vernantibus.
Saeculis. D. D. D. N. N. N. (1)
Genio. Splendidae.
Urbis. Catinae.
Facundus. Porfyrius.
Mynatidius. V. C. (2)
Cons. Eiusdim.

т. е.

Генію великолѣпной Катаны, во цвѣтущія времена трехъ Государей нашихъ: отъ Консула Факундія-Порфирія-Минатидія.

Здѣшнее собраніе древнихъ глиняныхъ сосудовъ считается однимъ изъ значительнѣйшихъ въ Европѣ. Не льзя не упомянуть объ одномъ весьма любопытномъ Египетскомъ барельефѣ, хранящемся здѣсь; вотъ содержаніе онаго: женщина выжимаетъ изъ грудей своихъ млеко въ осьмиугольный ковчегъ, наполненный многими живописными, межъ коихъ видно нѣсколько дѣтскихъ человѣческихъ головъ. Оживленные сею росою,

(1) Значитъ: *Trium dominorum nostrorum*; т. е. трехъ сыновей Константина Великаго (V. Biscari. Disc. acad.)

(2) *Vir clarissimus.* (V. Bisc. id.)

они какъ бы стараются высвободиться изъ нутри ковчега. На стѣнахъ онаго изображенъ Египетскій похоронный обрядъ съ большою точностію. Нѣсколько младенцевъ выходятъ изъ краевъ ковчега, подавая руки другимъ, кои придерживаютъ трупъ большаго быка, изображеннаго навзничь и какъ бы повергаемаго сими дѣтьми, во внутренность ковчега. Я предлагаю весьма удовлетворительное исполкованіе онаго, — Графа Резонико, Сициліянскаго писателя: „Сей барельефъ, говоритъ „онъ, можетъ утомить изысканіями о его смыслѣ „всякаго ученаго, который не проникнулъ въ таинственное космологическое ученіе и въ покрытую мракомъ Ѳеогонію первобытныхъ народовъ;— „онѣ сдѣлались мнѣ нѣсколько извѣстными чрезъ „послѣднія открытія въ Бенгалѣ и чрезъ Самскритскія таинства, обнаруженныя Академиками „Калькуты. Кто не согласится, что въ семъ „барельефѣ изображены: *Природа*, *Хаосъ* и *три* „*силы: творить*, *сохранять* и *разрушать*; т. е. „Индѣйская *Тримурти*. По сему, трупъ быка означаетъ разрушеніе; а дѣятельность и стараніе „младенцевъ или геніевъ повергнутъ сей трупъ „въ ковчегъ — есть вѣчное круговращеніе Природы отъ смерти къ жизни, которое составляетъ непрестанное существованіе вещей, хотя „онѣ и кажутся нашимъ слабымъ чувствамъ — „уничтоженными. Для отъятія сомнѣнія на счетъ „моего толкованія; достаточно будетъ замѣтить, „что представленная въ видѣ женщины Природа „имѣетъ на спинѣ крылья, обозначающія генія

„(Incubo); крылья сіи походятъ также на рыбьи „поплавки и покрыты чешуею до тѣхъ мѣстъ, „гдѣ расходятся перья; все это ясно изображаетъ „космологическія понятія Скиѳовъ и Египтянъ."

Индѣйскій идолъ *Тримурти*, о коемъ говоритъ г-нъ Резоико, называется иначе *Тритуалиб*; представляя три вышесказанныя силы, — онъ изображается съ тремя человѣческими головами, разныхъ выраженій. Индѣйцы разумѣютъ подъ сею аллегоріею *Троицу*, составленную изъ именъ: *Брума*, *Скива* и *Вишну*. Пагоды сего божества находятся на берегу Короманделя и также на островѣ *Элефантѣ*, близъ *Бомбая*. (1) Должно еще замѣтить, что геній Натуры, называемый въ текстѣ г-на Резоника: *Incubo*, есть родъ *гнома*, хранителя подземныхъ сокровищъ. (2)

Послѣ музеума Князя Бискари, долженъ обратить вниманіе путешественника богатый минералогическій кабинетъ г-на *Джіоэни*, (Gioeni). Въ немъ находится, между прочимъ, самое полное собраніе различныхъ лавъ Этны. Все, что нѣдра Сициліи производятъ по царству ископаемыхъ, находится тутъ. Нѣкоторые виды Сициліи написаны на стѣнахъ. Братъ г-на Джіоэни, основателя кабинета, обладаетъ нынѣ онымъ, и съ большою привѣтливостью допускаетъ всѣхъ путешественниковъ и ученыхъ пользоваться источниками сего любопытнаго кабинета.

---

(1) См. *Noel. Dict. Univ. d. l. Fable.*
(2) См. *Scribonius-Largus.*

Катанія имѣетъ много учебныхъ заведеній, въ особенности физическихъ. Университетъ, основанный въ 1444 году стараніями Бенедиктянъ, ознаменованъ многими учеными мужами. Архитектура сего зданія замѣчательна; оно образуетъ обширный квадратъ. Три этажа главной фасады представляютъ три ордена Архитектуры: первый этажъ *Дорическій*, второй *Іоническій*, а третій *Аттическій*. Я назову также двѣ публичныя библіотеки, (въ коихъ установленъ большой порядокъ) и Гимназію для дворянства. Катанія можетъ назваться по справедливости Академіею Сициліи. Она есть жилище Ученыхъ всего острова; иные полагаютъ, что ученіе древнихъ Философовъ сего города древнѣе Пиѳагорова. Здѣсь родился знаменитый законодатель *Харондасъ*, коего законы не токмо были приняты почти во всей Сициліи, но даже въ Греціи и Калабріи. Фацелло говоритъ, что въ его время найдена была въ Катаніи гробница сего Философа, въ которой заключался желѣзной ящикъ съ его костьми. Катанія отличалась въ древнія времена своею роскошью. Римляне, овладѣвъ симъ городомъ, весьма были удивлены, найдя въ немъ солнечные часы дополъ имъ совсѣмъ неизвѣстные; Маркеллъ присовокупилъ ихъ къ своимъ *трофеямъ*.

Я съ большимъ удовольствіемъ посѣщалъ нѣсколько разъ пышное Аббатство Бенедиктянъ, лучшее зданіе во всей Катаніи. Входъ возвышаетъ болѣе дворецъ, чѣмъ Аббатство. Великолѣпная мраморная лѣстница построена въ наилучшемъ вку-

съ. Болѣе всего привлекали меня туда небесные звуки органа и великолѣпная простота церкви, которая образуетъ, если не ошибаюсь, крестъ. Стѣны ошпукатурены подъ бѣлый мраморъ; нѣсколько нишей заключаютъ въ себѣ картины Кавалучія и Тофанелли. Но храмъ сей дѣлается еще великолѣпнѣе, когда густые звуки органа раздаются по высокимъ сводамъ его. Я просиживалъ тамъ цѣлые часы въ сладкомъ забвеніи самаго себя. Сей органъ есть одинъ изъ первыхъ въ Европѣ; я даю ему преимущество надъ многими, мною слышанными; но исключаю Гарлемскій. (1)

---

(1) Читатели простятъ мнѣ воспоминаніе о семъ послѣднемъ. Я пріѣхалъ въ Гарлемъ въ сумерьки; тракпиръ, въ которомъ я присталъ, находился противъ самаго собора, который, даже издали, когда я ѣхалъ по дорогѣ изъ Амстердама, прельщалъ взоръ мой своею синею громадою. Окна мои были обращены къ сему храму. Луна уже всходила и начинала оттѣнять сіе готическое зданіе, мрачнаго великолѣпія; — вдругъ, раздались тихіе звуки; пораженный ихъ сладостью, я взглянулъ на соборъ: — свѣтъ напикадилъ видѣнъ былъ сквозь высокія рѣшетчатыя окна, и я поспѣшилъ туда. Слухъ мой кажется доселѣ помнитъ сіи *неземные* звуки! Слабый свѣтъ одного напикадила въ сколь огромномъ зданіи, производилъ чрезвычайный видъ; онъ отражалъ на мраморномъ помостѣ гигантскія тѣни двойныхъ рядовъ готическихъ колоннъ, поддерживающихъ съ двухъ сторонъ великолѣпныя аркады, — и дѣлалъ глубже и какъ бы сказанъ мрачнѣе, дальнюю перспективу и высоту сводовъ; межъ тѣмъ, лунные лучи проникали въ окна неосвѣщенной части храма. Вечерняя проповѣдь уже кончилась; но музыка не прекращалась, и многочисленный народъ съ шляпами на головахъ бродилъ по галлереямъ. Признаюсь, я почувствовалъ удивленіе смѣшанное съ негодованіемъ, глядя на сіе обыкновеніе, — и не могъ понять, какъ такая непзъяснимая гармонія и такое великолѣпіе храма не вселяютъ имъ большаго почтенія?..

Въ семъ Аббатствѣ заключается музеумъ довольно обширный, но расположенный безъ вкуса и порядка. Желательно, что бы оный былъ распредѣленъ методически. Къ музеуму прилежитъ библіотека. Здѣшній садъ есть предметъ необыкновенный; онъ основанъ на грудахъ лавы, и соединяется со среднею террасою зданія; — по сему можно судить, какъ высокъ этотъ потокъ лавы. Садъ сей разбитъ во Французскомъ вкусѣ, на многія клумбы. Кусты розъ и другихъ цвѣтовъ странно и пріятно противорѣчатъ грунту, угольнаго цвѣта. Нѣсколько бьющихъ водометовъ освѣжаютъ воздухъ, который однако сохраняетъ въ себѣ сѣрный запахъ. Отсюда вы видите великолѣпное зрѣлище дымящейся Этны, которая, не смотря на отдаленность, кажется надъ головою вашею и страшно соединенною съ городомъ, полосами лавы (1). Въ тѣнистомъ саду Капуциновъ, вы увидите нѣсколько развалинъ и надгробныхъ памятниковъ, изъ которыхъ одинъ полагаютъ гробницею Харондаса, о коей говоритъ Фацелло. Не разсуждая о степени вѣроятія сего предположенія, я скажу, что видъ сихъ памятниковъ осѣненныхъ прекрасными расщеліями, достоинъ хорошей кисти.

Желаете ли видѣть вполнѣ ужасную картину бѣдствій, кои такъ часто постигали Катанію, и которыя непрестанно грозятъ ей въ

(1) Прекрасный садъ К. Бискари, основанный также на лавѣ, за городомъ, достоинъ вниманія.

будущности? Взойдите на башни полуразрушенного замка, который возвышается близь стѣнъ города, на южной сторонѣ (1). Взгляните отсюда, какія мрачныя волны лавы, кажется, текутъ еще, отъ самой подошвы Этны, по скату долинъ... Приближаясь къ Катаніи, они раздѣляются на два рукава, объемлютъ и стѣсняютъ ее, потопляютъ замокъ, на коемъ вы стоите и рушатся горами въ шумящее море... Теперь сіи потоки чернѣе ночи, и тверды какъ камень (2); но вообразите ихъ одѣтыми адскимъ пламенемъ, въ густотѣ дыма, разсѣкаемаго пуками молній, вющихся до небесъ; вообразите вершину сего гиганта, извергающую раскаленныя груды камней; — взгляните на пылающую Катанію, на бѣгущихъ съ воплями жителей, на падающія зданія отъ колеблющейся земли, на бунтующее море, отступающее со страхомъ отъ низвергающихся въ него огненныхъ рѣкъ! — вотъ зрѣлище, превышающее всякое воображеніе, и которое возобновлялось здѣсь нѣсколько разъ!... Катанія выстроена весьма правильно; она по красотѣ своей мало уступаетъ Палермѣ; подобно, какъ въ семъ послѣднемъ городѣ, двѣ прямыя улицы разсѣкаютъ ее. Торговая площадь представляетъ прекрасный видъ для архитектурнаго живописца; домы образующіе оную, украшены аркадами и напоминаютъ своею краси-

(1) Замокъ сей построенъ Императоромъ Фридрихомъ II-мъ. Основываясь на Діодорѣ и Фацелло, иные полагаютъ, что здѣсь существовала древняя крѣпость *Италика*.

(2) Охладѣлую лаву называютъ здѣсь *Sciarra*.

вою простотою, древніе портики. Террасы замѣняютъ крыши домовъ; тамъ безпечные жители проводятъ иногда часть ночи. Неимовѣрное изобиліе окрестностей, красота ихъ, море, всё доставляетъ Катаніи способы къ благосостоянію. Главнымъ направленіемъ для путешественника, во всѣхъ кварталахъ Катаніи, можетъ служить дымящаяся вершина Этны; ея колоссъ кончаетъ перспективы всѣхъ улицъ, идущихъ на западъ; — она безпрестанно поражаетъ вашъ взоръ; и отъ того, сія цвѣтущая Катанія, всегда казалась мнѣ одѣтою покровомъ меланхоліи и угрожаемою безпрестанно — бѣдою. Но жители не имѣютъ сихъ мыслей. Положеніе Неаполя въ половину не такъ опасно; онъ отдаленъ отъ Везувія широкимъ заливомъ; а Катанія видитъ Этну возрастающую отъ самыхъ стѣнъ своихъ; при томъ Италіянцы весьма справедливо называютъ Везувій, въ сравненіи съ Этною, *un bambino* (дитя).

ГЛАВА XXIX.

Катанія. — Поѣздка къ Циклоповымъ островамъ.

Huc ferus ascendit Cyclops: mediusque resedit'
. . . . . .
Sumptaque arundinibus compacta est fistula centum:
. . . . . .
Senserunt undae, latitans ego rupe, meique
Acidis in gremio residens, procul auribus hausi
Talia dicta meis, auditaque verba notavi:
„Candidior folio nivei Galatea ligustri,
„Mollior et cygni plumis et lacte coacto,
„Et, si non fugias, riguo formosior horto . . .

(Ovid. *Metam. L.* XIII.)

Мы приготовлялись уже мало по-малу къ восхожденію на сію страшную Этну. — Но такъ какъ мы должны были прямо съ нее продолжать возвратный путь нашъ въ Мессину, то я желалъ осмотрѣть до отъѣзда изъ Катаніи, сѣверный ея берегъ и острова *Циклоповъ*, о коихъ я упоминалъ на морскомъ пути нашемъ изъ Мессины въ Катанію. Я предлагалъ моему товарищу быть мнѣ спутникомъ; но сильный жаръ и желаніе сберечь всѣ свои силы для предстоящаго подвига, заставили его отказаться. И такъ я отправился въ путь съ вожатаемъ, послѣ обѣда.

Зной преслѣдовалъ меня по улицамъ Капаніи; но выѣхавъ изъ нее, я находился уже посреди веселыхъ садовъ, кои сливаются съ городомъ. Пуки лавровыхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ деревъ, вмѣстѣ съ широкими кустами кактуса и съ высокимъ алоэ, скрываютъ взрытую поверхность лавы. Вѣтеръ разносилъ благоуханіе, густыя тѣни осѣняли мою дорогу, и я забывалъ жаркій день. Но эта роскошная картина продолжилась не долго. Чрезъ полчаса ѣзды пресѣклись всѣ растенія, и я выѣхалъ въ необозримую долину, одѣтую самыми безобразными грудами, необыкновенной черноты. Но какое зрѣлище открылось мнѣ, когда я достигъ средины этой долины! Ни гдѣ не видно было слѣдовъ жизни; взволнованный, мрачный океанъ лавы, окружалъ меня со всѣхъ сторонъ и стѣснялъ проложенную дорогу; — влѣво, Этна занимала цѣлое полнебо, клубя столпы дыма; а вправо, пѣнистыя волны моря осаждали съ ревомъ нависшіе своды сей лавы. Это долина смерти!

Ma po' ch'io fui al pie d'un colle giunto,
La ove terminava quella valle
Che m'avea di paura il cor compunto . . . (1)

— „Но когда я достигъ подошвы холма, гдѣ „пресѣкалась ужасная долина, которая стѣсняла „страхамъ сердце мое“ —

Тогда опять повѣялъ отрадный вѣтеръ и возвѣспилъ мнѣ своимъ благоуханіемъ живую при-

(1) Dante. inf. c. 1.

роду; я въѣхалъ на холмъ, и мнѣ открылась внизу, на берегу моря, деревенька *Ольяно*, основанная на грудахъ лавы, въ тѣни деревъ, склоненныхъ надъ свѣтлымъ прудомъ; нѣсколько рыбаковъ съ своей семьею отдыхали подъ ними. Это Улиссовъ портъ, который называетъ Виргилій — *великимъ: ingens*. Сюда присталъ странствующій Царь Итаки и едва не погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами, въ пещерѣ Полифема. Сюда же приплылъ заблуждшійся Эней: вотъ великолѣпное описаніе сего берега, стихами Виргилія:

Interea fessos ventus cum sole reliquit;
Ignarique viae, Cyclopum adlabimur oris.
Portus ab adcessu ventorum immotus, et ingens
Ipse: Sed horrificis juxta tonat Aetna ruinis,
Interdumque atram prorumpit ad aethera nubem,
Turbine fumantem picco et candente favilla;
Adtollitque globos flammarum, et sidera lambit;
Interdum scopulos, avolsaque viscera montis
Erigit eructans, liquefactaque saxa sub auras
Cum gemitu glomerat, fundoque exaestuat imo.
Fama est Enceladi semiustum fulmine corpus
Urgeri mole hac, ingentemque insuper Aetnam
Impositam, ruptis flammam exspirare caminis;
Et, fessum quoties mutet latus, intremere omnem
Murmure Trinacriam, et coelum subtexere fumo.

*

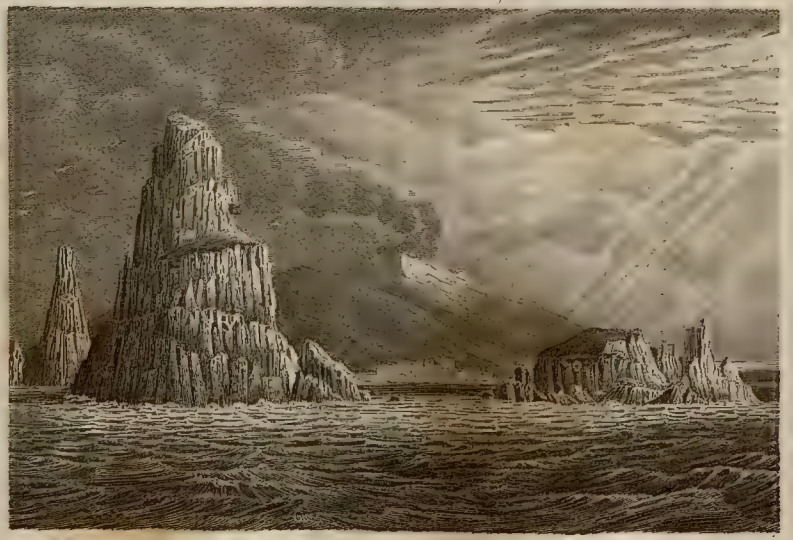
Межь тѣмъ, насъ вѣтръ и день покинули усталыхъ;
Заблуждшись, мы къ брегамъ Циклоповъ притекли.
Большая гавань тамъ вдается внутрь земли;
Но Этна близъ нее грозила разрушеньемъ;
Бросая черный дымъ и молніи съ стремленьемъ,

Мятели огненны взвивала къ небесамъ —
И пламенемъ своимъ скользила по звѣздамъ!
Межь тѣмъ, изъ глубины ея ревущей пасти
Летали груды скалъ разбитыя на части —
Иль растопясь, текли клокочущей смолой.
Гласятъ, что пораженъ Зевесовой стрѣлой,
Самъ Энкеладъ, накрытъ громадой грозной Этны.
Стеня подъ тяжестью, когда Титанъ безсмертный
Подъ ней вращается, иль мучимый дохнетъ, —
Дрожитъ Тринакрія и тьмится неба свѣтъ!

(*Энеида, к.* III, *ст.* 568 — 582.)

Но вмѣсто *большаго порта*, едва-ли можно назвать укромною пристанью, сіе мѣсто, гдѣ стояли при мнѣ двѣ или три рыбачьи лодки. Всѣ описанія Виргилія такъ вѣрны, что не подлежитъ никакому сомнѣнію существованіе сей гавани. Плиній также упоминаетъ объ ней. Но потоки лавы, изъ коихъ состоитъ весь этотъ берегъ, загладили совершенно, во время ужаснаго изверженія 1669 года, послѣдніе слѣды *Улиссовой гавани*, межь тѣмъ, какъ они же, образовали новую гавань для Катаніи.

Отсюда, слѣдуя по обработаннымъ мѣстамъ на лавѣ превратившейся уже въ землю, достигъ я скоро замка *Ачи*, окруженнаго красивымъ селеніемъ и садами. Сей замокъ, принадлежащій временамъ Сарациновъ, стоитъ на крутой приморской скалѣ, (составленной изъ лавы). Противъ него, недалеко отъ берега выходятъ изъ волнъ острова, или правильнѣе сказать, подводныя скалы, называемыя *Циклоповыми*, а въ простонародіи:



CYCLOPUM SCOPULI

Isole della Trizza.

Aen. Lib. II. 369

фарильони (*fariglioni*). Пока мнѣ снаряжали лодку, сторожъ замка предложилъ мнѣ посѣтить оный. Видъ оттуда на море, бунтующее вокругъ остpыхъ скалъ Циклоповъ, — живописенъ. Полуразрушенный замокъ, возвышающійся на высокой грудѣ лавы, осаждаемой волнами, составляетъ первый *планъ* сего ландшафта. Терраса съ поверженными зубцами, провалившійся въ пропасть подъемной мостъ и замѣненный узкою доскою, скважины и обрушенные своды — показываютъ слѣды осадъ и времени.

Между тѣмъ лодка была готова, и я вскорѣ находился передъ знаменитыми островами. Въ древности называли ихъ: *Cyclopum tres scopuli*; они состоятъ изъ трехъ прекрасныхъ коническихъ скалъ высотою въ 45, 50 и 60 фут. и изъ одной разширяющейся, кромѣ другихъ незначущихъ подводныхъ камней. Сіи три коническія скалы образованы изъ призматическихъ базальтовыхъ стволовъ, приведенныхъ въ кристаллизацію. Сіи стволы, соединенные вмѣстѣ, походятъ на церковные органы; эта чудесная игра натуры прельщаетъ и удивляетъ взоръ. Доломье, Ферара и другіе натуралисты написали объ нихъ цѣлыя диссертаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что сіи скалы суть произведеніе Этны. — Доломье, весьма правдоподобно предполагаетъ, что онѣ образованы подземнымъ потокомъ лавы, пробившимъ морское дно и вышедшимъ, съ быстротою водомета, на поверхность моря, которое прохладивъ его внезапно, —

образовало изъ него призматическіе стволы. Это предположеніе тѣмъ болѣе справедливо, что по сіе время вершины скалъ Циклоповыхъ покрыты тою же сѣрою глиною, которая составляетъ въ семъ мѣстѣ морское дно.

Гомеръ говоритъ, что разсвирѣпѣвшій Полиѳемъ бросилъ сіи скалы въ бѣгущаго Улисса. Эней нашелъ на одной изъ нихъ Грека Ахаменида, позабытаго Улиссомъ, — и вѣроятно, Виргилій имѣлъ въ виду самую ту скалу, гдѣ не смотря на ея дикость, одна женщина мѣстечка *Трицы*, (наискось лежащаго) съ помощію перенесенной земли, развела небольшой садикъ съ Индѣйскими фигами и содержитъ его подъ замкóмъ.

Какъ высоко хлещутъ волны по чернымъ ребрамъ сихъ скалъ! Какъ мраченъ слой сего берега, протягивающагося отъ Катаніи до *Аци-Реаля*! Какъ величественно вѣнчаетъ всю сію картину колоссальный шатеръ Этны, одѣтый облаками дыма! Волненіе было очень сильно, и я съ трудомъ могъ выдти отдохнуть на дикой островъ, гдѣ, одинъ странно-образованный сводъ, принялъ меня подъ свой покровъ. Какой шумъ вокругъ меня! Межъ тѣмъ, я повѣряю стихи Виргилія:

. . . . . Vastosque ab rupe Cyclopas
Prospicio, sonitumque pedum, vocemque tremisco...
Centum ... curva haec habitant ad litora volgo
Infandi Cyclopes, et altis montibus errant...

. . . . „Съ высотъ обширныхъ Циклоповыхъ скалъ — я взи-
„раю... При каждомъ шорохѣ шаговъ, при каждомъ звукѣ голоса,

„сердце замираетъ страхомъ... Множество ужасныхъ Циклоповъ „обитаютъ вдоль искривленныхъ береговъ сихъ, и бродятъ по вы„сокимъ горамъ.“

(*Вирг. Эн.* Кн. III.)

Я воображалъ грядущаго съ высоты Этны Полиѳема, окруженнаго своими стадами:

Summo quum monte videmus
Ipsum inter pecudes vasta se mole moventem
Pastorem Polyphemum, et litora nota petentem:
Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademtum.
Trunca manum pinus regit, et vestigia firmat.
Lanigerae comitantur oves; ea sola voluptas,
Solamenque mali....

. . . . „Тогда увидѣли мы, движущееся съ высоты горы, об„ширное тѣло самаго пастыря Полиѳема, достигающаго до знако„мыхъ ему береговъ. Сіе ужасное, безобразное, огромное чудовище — „съ ослѣпленнымъ окомъ, — упиралось срубленною сосною, испы„тывая сію, путь... Его сопровождали рунистыя овцы; едини„ственная его отрада и единственная забота.“

(*Вирг. Эн.* Кн. III.)

На этомъ же мѣстѣ, происходитъ занимательная сцена одной изъ лучшихъ идиллій Ѳеокрита. Здѣсь представляетъ онъ сего самаго Полиѳема, хотя ужаснымъ, но — во цвѣтѣ юности и страстно влюбленнаго въ прелестную Галатею. Какъ нѣжны его жалобы! — Какъ умѣлъ поэтъ заставить участвовать въ судьбѣ сего чудовища-пастуха! Живописецъ можетъ представить сего гиганта, сидящимъ на грозной пирамидальной скалѣ и вызывающимъ изъ волнъ, нѣжными звука-

ми многоствольной цѣвницы, бѣлую Галатею, виновницу его мукъ: „Оставь, взывалъ онъ къ ней, „оставь сіи синія волны! пусть онѣ разбиваются о камни! Въ моей пещерѣ, прелестная Гала„тея! проведешь ты ночь гораздо пріятнѣе. Тамъ „растутъ лавры; тамъ стройные кипарисы; тамъ „плющь и виноградъ, отягченный гроздами, „сплетаютъ тѣнистые кровы. Тамъ, изъ бѣлыхъ „снѣговъ Этны, текутъ съ грохотомъ ручьи, „прозрачнѣе кристалла, достойные утолять жа„жду боговъ. Можешь ли ты предпочитать та„кому жилищу, бунтующее море, одѣтое тучами?

„Если ты находишь слишкомъ жесткимъ мое „тѣло, покрытое власами — то въ пещерѣ моей „есть дрова, есть огонь, непрестанно тлѣющій „подъ пепломъ; я готовъ все претерпѣть въ твою „угодность . . . Такъ: лиши меня, я согласенъ, — „лиши меня и жизни, и сего глаза, сего единст„веннаго глаза, который мнѣ дороже всего на „свѣтѣ!“

Пуссенъ представилъ Полиѳема, сидящимъ на огромной скалѣ; но сей живописецъ изобразилъ твердую землю и отдалилъ море, которое, въ его картинѣ, занимаетъ самую малую часть ея; притомъ, я не вижу тамъ гигантской Этны, которая могла бъ занять все основаніе ландшафта, если бъ видъ былъ снятъ, такъ какъ онъ есть въ натурѣ,—съ одной изъ скалъ Циклоповыхъ. Тутъ же можно-бъ было представить издали Галатею, плывущую на раковинѣ, такъ какъ изобразилъ ее несравненный Рафаель, въ маломъ Фарнезскомъ

дворцѣ. Вѣтръ, удаляя ее отъ Полифема, приближалъ бы ее къ берегу, гдѣ ожидаетъ ее юный Ацисъ;—и въ самомъ дѣлѣ, устье рѣчки сего имени видно отсюда. Я говорилъ объ ней на пути моемъ изъ *Ачи-Реаля* къ мысу *Молини*.

Я отдохнулъ у гостепріимныхъ жителей замка Ачи, ни мало несходныхъ съ Циклопами, прежними жителями сего берега: — они накормили меня фруктами, напоили ледяною водою, которая есть лакомство въ сей странѣ — и не хотѣли принять никакой платы. Къ ночи я возвратился въ городъ.

Съ какимъ сожалѣніемъ оставлялъ я Катанію! Какія сладкія воспоминанія понесъ я съ собою! Какъ охотно бъ отдохнулъ я отъ путешествій нѣсколько дней болѣе, въ отечествѣ Циклоповъ! Кто можетъ лучше путешественника цѣнить минуты счастія? — Онъ вездѣ его ищетъ; — но разсѣянность не замѣняетъ ему онаго! — и часто, онъ возвращается съ тою же жаждою въ сердцѣ! . .

Нужнѣйшія дѣла звали меня въ Неаполь, и при томъ, товарищъ мой ускорялъ нашъ возвратъ.

Намъ предстоялъ важнѣйшій трудъ. Этна давно звала меня и воспламеняла мое воображеніе. Наконецъ настадъ сей великій для насъ день. Мы запаслись всѣми нужнѣйшими съѣстными припасами, межъ коихъ кофе и вино были главными предметами. По совѣтамъ нашихъ знакомыхъ, мы отправились изъ Катаніи около полудня, послѣ

ранняго обѣда, съ тѣмъ, чтобы отдохнувъ нѣсколько часовъ въ мѣстечкѣ Николози, находящемся при концѣ плодоноснаго пояса Этны, верстахъ въ 18 отъ Катаніи, — ночевать у подошвы конуса, вѣнчающаго сей грозный волканъ.

Прежде нежели приступлю къ описанію сего пути, — описаніе, отъ коего едва не отказывается слабое перо мое и воображеніе, исполненное грознаго восхищенія, — я изложу въ коротких словахъ исторію *Этны*.

ГЛАВА XXX.

Взглядъ на Исторію Этны.

Nec quae sulfureis ardet fornacibus Aetna,
Ignea semper erit: neque enim fuit ignea semper.

(Ovid. Metam. XV.)

Этна, одна изъ высочайшихъ горъ Земнаго шара, есть какъ бы средоточное горнило волкановъ южной Европы, освѣщавшихъ ужаснымъ своимъ пламенемъ юную землю, и цѣпь коихъ простягивалась отъ краевъ Испаніи, чрезъ всю южную Францію, Швейцарію, Италію, Тироль и Венгрію. Въ Оверньи, которую я посѣщалъ, потухшія пасти сихъ волкановъ сохранили еще весь цвѣтъ огня и дыма. Воображеніе смущается предъ сею картиною пылающей планеты! Этна можетъ назваться матерью Сициліи, вмѣстѣ — грозною и нѣжною; — вся Сицилія составляетъ груду горъ, надъ коими господствуетъ исполинская громада Этны, которая, сохраняя чрезъ свои благотворныя испаренія неистощимое плодородіе острова, — вмѣстѣ съ симъ, въ одинъ день, разрушаетъ вѣковые грады и цѣлыя народонаселенія!

Сама Этна образована, какъ я уже сказалъ, изъ безчисленныхъ горъ, нагроможденныхъ одна надъ другою и увѣнчанныхъ дву-рогимъ конусомъ;

изъ него, въ надоблачныхъ странахъ вѣтровъ, курится вѣчный дымъ, на высотѣ 10,283 фут. (1) отъ поверхности моря. Этна расширяется огромнымъ шатромъ, на основаніи имѣющемъ почти 200 верстъ въ окружности. Ее раздѣляютъ на три главные пояса: 1-й называется *плодороднымъ*, 2-й *лѣснымъ*, а 3-й *безплоднымъ*. Окружность перваго есть рай Сициліи и населена 150 тысячами жителей; не включая въ сіе число Катанію, которая, находясь на приморской подошвѣ Этны, также принадлежитъ ея владычеству — и заключаетъ 40 тысячъ обитателей.

Древнѣйшее извѣстіе объ изверженіяхъ Этны передано намъ *Берозомъ*, который повѣствуетъ, что во время царствованія Януса, нѣкоторые изъ его колоній нашедъ пристанище на берегу Сициліи, такъ поражены были необыкновеннымъ зрѣлищемъ изверженія Этны, что исполненные ужаса оставили навсегда сей островъ. За ними послѣдовали Сиканы, кои по той же причинѣ переселились съ восточнаго берега на западный (см. Введеніе). Къ симъ временамъ принадлежатъ баснословныя повѣствованія объ Энцеладѣ, Циклопахъ и проч.

За симъ, извѣстныя по Исторіи, изверженія Этны, суть слѣдующія:

Во время экспедиціи Аргонавтовъ въ Колхиду, о чемъ упоминаетъ Орфей.

---

(1) Измѣреніе *Соссюра*; вообще же полагаютъ высоту Этны въ 10,500 ф.

Во время плаванія Энея, послѣ разворенія Трои, — по свидѣтельству Виргилія.

Во время нашествія Карѳагенцевъ, когда армія Имилькона была остановлена потоками горящей лавы.

Во время владычества Грековъ въ Сициліи, отъ 2-й до 88-й Олимпіады. Ѳукидидъ, жившій въ то время, свидѣтельствуетъ о трехъ большихъ изверженіяхъ, кои немного спустя, возобновились и, какъ говорятъ, привлекли вниманіе Пиѳагора. Около сего же времени погибъ на Этнѣ Философъ Эмпедоклъ.

Во времена Римлянъ происходило четыре изверженія, свидѣтельствуемыя Діодоромъ, Полибіемъ и другими.

Въ царствованіе Юлія Цезаря, изверженіе Этны было столь ужасно, какъ говоритъ Діодоръ, что море казалось быть подвигнутымъ въ своемъ основаніи и летящія искры, достигавшія даже до Липарскихъ острововъ, превратили въ пепелъ нѣсколько плывшихъ кораблей. О семъ изверженіи упоминаетъ Виргилій, включая оное въ число предвѣщаній смерти Цезаря:

Quoties Cyclopum effervere in agros
Vidimus undantem ruptis fornacibus Aetnam,
Flammarumque globos, liquefactaque volvere saxa!

(*Georg. Lib.* I.)

Повѣствуютъ, что тогда самыя рыбы Фарросскаго пролива погибли отъ жара...

Въ царствованіе Каллигулы. Когда сей Императоръ находился въ Кампаніи, изверженіе Этны сполъ преисполнило ужасомъ душу тирана, что онъ, немедля, отплылъ въ Италію. Въ послѣдствіи, Императоръ Адріанъ, пораженный могуществомъ Природы при видѣ Этны, восходилъ на вершину ея; но Плутархъ пишетъ, что онъ сошелъ съ нее болѣе испуганнымъ, чѣмъ восхищеннымъ.

Около времени мученичества Св. Агаты, было одно изъ ужаснѣйшихъ изверженій. Повѣствуютъ, что предстательство Святой спасло Кампанію отъ истребленія.

Во время Карла Великаго, который находился тогда въ Сициліи и поспѣшно отплылъ.

Съ 1160 до 1169 ужасныя землетрясенія, соединенныя съ изверженіями, потрясли всю Сицилію и разрушили часть Кампаніи.

Съ 1284 пожары Этны продолжались до смерти Карла, Короля Сицилійскаго и Аррагонскаго.

Отъ 1329 до 1333 Этна опустошала берега, во время владычества Аррагонскаго дома. Въ 1408 г. въ царствованіе Мартына. Отъ 1444 до 47. Отъ 1536 до 37. Съ 1633 по 38 г. изверженія возобновились съ большею силою.

Отъ сего времени эпохи изверженій Этны были съ точностію наблюдаемы, для чего я приглашаю читателей, желающихъ подробно знать объ оныхъ, прочесть сочиненія *Маравиньи*, *Гальяно*, *Ферары* и *Жемелларо*. Я удовольствуюсь назвать ужаснѣйшія:

Въ 1669 году, 8 Марта, среди самаго свѣтлаго дня, внезапно небо померкло; возникъ порывистый вѣтеръ, и землетрясеніе, продолжавшись цѣлые три дни, столь усилилось наконецъ, что мѣстечко *Николози* было совершенно истреблено. За симъ отверзлась страшная трещина, длиною на 16 верстъ и шириною въ сажень, протягиваясь отъ конуса Этны до самой долины *Сен-Ліо*, и выкидывая изрѣдка бѣлое пламя. Въ тотъ же день пять горящихъ жерлъ разверзлись одно въ слѣдъ за другимъ, вдоль сей разсѣлины; а къ вечеру, самое обширное жерло открылось на скатѣ горы *Фузаро*. На другой день, 12 Марта, седмь другихъ жерлъ появились вокругъ сего послѣдняго и наконецъ, всѣ седмь соединились въ одно. Громъ и трескъ разносились болѣе нежели на 160 верстъ, а пепелъ разлетался на 250 в.—25-го, вершина конуса низверглась и верхнее жерло еще болѣе разширилось. Катанія ежеминутно ожидала совершеннаго уничтоженія; рѣки огненной лавы окружали ее отвсюду и ширина ихъ превосходила вѣроятіе. Окрестность потрясалась отъ безпрестанныхъ подземныхъ ударовъ. Деревни: *Бельпассо*, *Монпельерб*, *Маскалуціа*, *Гардія*, *Далпіетро*, *Торре ди Грифо* и проч. были поглощены или разрушены. 29 Марта, лава, продолжая свое теченіе къ югу, истребила селеніе *Мистербьянко*, и потомъ обратясь къ востоку, по склоненію горъ, достигла 1-го Апрѣля до *Албанели*, въ 8-ми верстахъ отъ Катаніи. 22-го Апрѣля, въ 2 часа по полуночи, лава, разруша древніе водопроводы и другіе памят-

ники, находившіеся на ея пути, окружила стѣны Катаніи съ запада и востока, — и низверглась огромными, раскаленными грудами въ бунтующее море, вдавшись въ оное почти на версту, отъ чего, (какъ я выше сказалъ) Катанія имѣетъ теперь гавань. Потоки лавы не переставали течь до половины Іюля, т. е. въ продолженіе почти *пяти* мѣсяцевъ! Въ окрестностяхъ Этны, цѣлые 54 дни не видали ни солнца, ни луны, ни звѣздъ!

Въ 1693 году было столь ужасное землетрясеніе, что весь городъ Катанія былъ ниспровергнутъ; при чемъ погибло 18 тысячь жителей. Землетрясеніе сіе распространилось по всей Сициліи, разрушило множество городовъ и селеній и стоило жизни 60 тысячамъ человѣкамъ! Въ это время безпрестанныя молніи излетали изъ Этны, и подземные удары были чрезвычайно сильны. На другой годъ облака пепла застлали небесный сводъ и едва не засыпали Катанію.

Въ 1800 году изверженіе Этны привело въ трепетъ всѣхъ ея жителей. Облака скоріевъ, пепла и дыма сгустились до такой степени, что день превратился въ темную ночь. Изверженіе сіе продолжались весьма долго. Снѣга Этны растаяли и потопили нѣсколько селеній.

Въ 1811 году двадцать огнедышущихъ жерлъ развералось вокругъ главнаго жерла; въ то время гора *Св. Силвеона* выросла въ 48 часовъ; лава текла на 13 верстъ, расширяясь на 700 тоазовъ; тогда же открылось ужасное жерло *Монте-Россо* и выросла гора сего имени.

Послѣднее изверженіе происходило въ 1819 году отъ 29 Маія по 2 Іюля.

Всѣхъ главныхъ и достовѣрно извѣстныхъ изверженій можно положить до 80, изъ коихъ иные продолжались по нѣсколько лѣтъ и мѣсяцовъ, — какъ видно изъ вышесказаннаго.

ГЛАВА XXXI.

Этна.

Nivosa Aetna, coelestis columna . . . .
(Pind. Pyth. I.)

Мы направились изъ Катаніи по Этнейской улицѣ. Дымящаяся Этна, цѣль нашего подвига, кончая перспективу, закрывала своею громадою весь западный горизонтъ. Тѣнистые сады, обремененные плодомъ и распещренные цвѣтами, приняли насъ, при самомъ выѣздѣ изъ города, подъ гостепріимный кровъ свой — и обняли атмосферою благоуханій . . . Какую галлерею ландшафтовъ устроила природа по обѣимъ сторонамъ сей дороги! Отъ самыхъ стѣнъ Катаніи начинается уже Этна, и часъ отъ часу восхожденіе становится круче. Здѣсь Природа дышетъ нѣгою въ каждомъ произрастеніи. Ничего не можетъ быть свѣжѣе яркой зелени лимонныхъ, фиговыхъ, лавровыхъ и шелковичныхъ деревъ, перемѣшанныхъ съ пальмами и растущихъ по грудамъ лавы, черной — какъ уголь; — какъ живописно стелются по ней сочные листья уродливаго кактуса или гибкія лозы винограда . . . . Какой кристаллъ чище и звонче сего ручья, падающаго уступами подъ навѣсомъ мирповыхъ кустовъ? Посмо-

приnе какъ нависла съ чернаго утеса эта хижина, одѣтая вѣпьвями густаго платана, и нѣжнаго азедарака; межь шѣмъ какъ гирлянды плюща, винограда и Виргинійскаго ясмина (1) вьются по стѣнамъ ея. Тутъ вы увидите семьи поселянъ, занятыхъ обработываньемъ своихъ садовъ и припѣвающихъ иногда подъ звуки гитары или флейты . . . Каждый садъ огороженъ стѣнами алоэ и кактуса. Я не берусь исчислять безчисленное множество ботаническихъ растеній, встрѣчаемыхъ здѣсь на каждомъ шагу; онѣ могутъ служить предметомъ цѣлой книги. Однѣ описанія садовъ Алкиноя, Альцины и Армиды могутъ представить сіи картины, непрерывающіяся отъ Капаніи до мѣстечка *Маскалучіа*. Неподалеку отъ онаго, нагнали мы одного Англичанина; онъ былъ новоприѣзжій изъ Египта, и ѣхалъ для прогулки въ Маскалучію, сопровождаемый практирщикомъ, у коего онъ жилъ; мы занялись съ нимъ разговоромъ, межь шѣмъ какъ практирщикъ ѣхалъ съ нашимъ лакеемъ, (который былъ Мессинезецъ); мы не замѣчали жаркаго разговора ихъ, какъ вдругъ раздался крикъ: помогите! помогите! Мы обернулись, и что же?—Мессинезецъ съ обнаженною саблею, нами ему повѣренною, преслѣдовалъ практирщика, который запутался въ колючихъ кустахъ кактуса: мы всѣ прое бросились на воюющихъ, и съ прудомъ вырвали саблю изъ рукъ нашего лакея, волнуемаго

(1) Bignonia radicans.

досадой. Удивленные его поступкомъ, мы попребовали у него объясненія — и вотъ причина: Трактирщикъ крайне негодовалъ на нашего человѣка за то, что онъ не привезъ насъ въ его гостинницу; межь тѣмъ, какъ мы заняты были Египтомъ, они мѣнялись ругательствами, и разсвирѣпѣвшій Мессинезецъ, бывъ весьма честнымъ и добрымъ человѣкомъ, едва не сдѣлался убійцею. — Вотъ образчикъ характера Сициліянцевъ.

Приближаясь къ *Маскалучіи*, большой шумъ возвѣстилъ намъ сельской праздникъ: едва мы подымались на скатъ улицы, — вдругъ, нѣсколько бѣгущихъ во весь опоръ лошадей, обвѣшанныхъ бубнами, промчались мимо насъ, какъ изъ лука стрѣла и едва не сшибли насъ съ сѣделъ. Это одно изъ любимыхъ занятій народа; густая толпа разряженныхъ жителей покрывала улицу; тутъ же мы вступили хороводъ дѣвушекъ, пляшущихъ подъ стукъ барабана и звонъ погремушекъ; онѣ подносили мущинамъ корзины съ фруктами, а тѣ, вѣнчали ихъ цвѣточными гирляндами.

Оставя шумную Маскалучію, мы оставили за собой и веселые ландшафты. Картина перемѣнилась; растенія кажется теряютъ мало по малу свою нѣгу и принимаютъ строгій видъ. Вскорѣ открываются, сквозь кустарники, два высокіе холма потухшаго волкана *Монте-Россо*, одѣтые прелестною синевою; я бы назвалъ ихъ горами, (1) еслибъ они не были на скатѣ гигантской Этны,

(1) Высота Монте-Россо состоитъ изъ 300 тоаз.

чья громада не только не уменьшается, но кажется еще болѣе восходитъ къ небу. Какъ мраченъ шаперъ ея! Какой высокой столпъ дыма клубится изъ ея вершины! . . . Не доѣзжая селенія *Массанунціати*, и проѣхавъ оное, вся окружность печальна и безплодна; тощія растенія изрѣдка появляются на сѣрной почвѣ лавы, распаленной солнцемъ; но чѣмъ ближе къ *Николози*, тѣмъ болѣе оживляется природа, и наконецъ мы въѣхали въ сіе мѣстечко чрезъ веселые сады. Но здѣсь кончается *плодоносный поясъ* Этны. Мы остановились у воротъ дома *Антонія*, извѣстнаго путеводителя къ грозной вершинѣ. На стукъ нашъ выбѣжали три миловидныя дѣвушки, изъ коихъ двѣ были истинно прекрасны. Съ большою ловкостью и вѣжливостью, неожиданною отъ поселянокъ, обитательницъ спхъ страшныхъ мѣстъ, онѣ просили насъ войдти, межъ тѣмъ, какъ одна побѣжала за Антоніемъ, который былъ ихъ братъ. Пока онъ пришелъ, сестры его успѣли насъ обворожить своею любезностію и пламенными взорами; — черные локоны болѣе еще обнаруживали бѣлизну ихъ тѣла и румяность ланитъ. Видя передъ собою Галатею, я ожидалъ, не знаю отъ чего, увидѣть нѣчто похожее на Полифема въ ея братѣ; — онъ не замедлилъ придти, и я перемѣнилъ свое мнѣніе, увидя красиваго мущину, весьма расположеннаго на услуги. Межъ тѣмъ мы послали съ нашимъ лакеемъ къ *Донъ-Маріо Жемелларо* (ученому Натуралисту, обитателю сего мѣстечка) рекомендательное письмо, данное намъ въ

Катаніи. Онъ посвятилъ почти всю жизнь свою на изслѣдованіе чудесъ Этны. За мѣсто отвѣта, Г-нъ Жеммелларо сдѣлалъ намъ честь лично посѣтить насъ и предложить намъ свой домъ; мы пошли къ нему, заказавъ Антонію явиться къ намъ въ половинѣ осьмаго часа съ лошаками и съ вьюками. Почтенный Г. Жеммелларо совѣтовалъ намъ отдохнуть часа два, чтобъ быть болѣе готовыми на ночной подвигъ; мы ему повиновались; послѣ чего употребили нѣсколько времени на бесѣду съ симъ ученымъ мужемъ. Съ своей стороны, онъ много распрашивалъ у насъ о Россіи и о войнѣ 1812 года; видя, что я раненъ, онъ сомнѣвался, чтобъ я могъ въ моемъ положеніи совершить наше предпріятіе; не переставалъ давать намъ совѣты, о томъ, какую осторожность должны мы наблюдать, находясь на краю жерла; межъ тѣмъ явился и Антоній. Г. Жеммелларо съ большою подробностію объяснилъ ему, какъ поступать при всякихъ могущихъ произойти случаяхъ; твердилъ ему о направленіи вѣтра, для предохраненія отъ дыма; — словомъ, онъ такъ пекся объ насъ, какъ о друзьяхъ, или лучше сказать, какъ человѣколюбивый философъ о ближнихъ своихъ. Распрашивая у насъ, имѣемъ ли мы всѣ необходимо - нужные запасы, не преминулъ узнать, взяли ли мы съ собою лишнія двѣ пары сапогъ, ибо никто не возвращался съ сей грозной вершины, — примолвилъ онъ, — не принеся въ жертву волкану по крайней мѣрѣ двухъ обувей; наконецъ, совѣтовалъ намъ запастись теплымъ

AETNA
Mort' Etna
Monte Gibello

Aen Lib. III. 577.

платьемъ и дровами, необходимыми въ холодной, безжизненной атмосферѣ. Мы весьма были благодарны за попеченія Г. Жемеларо, и сѣвъ при его глазахъ на лошаковъ, пожелали ему доброй ночи, а онъ намъ счастливаго пути и возврата!

Солнце спускалось за мрачные хребты Этны; колоссальная пѣнь ея накрывала уже *Николози* и низменный берегъ Катаніи, синѣвшій подъ нами. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, какъ мы высоко поднялись, — и что принадлежимъ уже совершенно царству Этны; мы оглядывались на плодоносную подошву ея, которая, казалось, упиралась въ самое море, — а горизонтъ онаго, одѣтый вечернимъ туманомъ, сливался уже съ небомъ. Проѣхавъ небольшое пространство, занимаемое садами жителей Николози, мы начали погружаться съ наступившими сумерками, въ мрачную пустыню, примѣтно восходящую передъ нами. Дымная вершина Этны, казалось, все болѣе отдалялась, и взоры наши непрестанно мѣрили ея высоту. Уже давно не видать было слѣдовъ растеній по рухлому пространству черной лавы и скорій. Въ молчаніи приближались мы къ двухолмному волкану *Монте-Россо*, порожденіе предпослѣдняго изверженія, коего челюсти пролили огненныя рѣки, поглотившія столько селеній и жертвъ — и который, можетъ быть и по нынѣ, хранитъ измѣнническое спокойствіе. Красный цвѣтъ скорій, покрывающій скаты сего волкана, оправдываетъ его прозваніе, значущее: *красная гора*.

Сходящая ночь наложила еще мрачнѣйшій видъ на печальную окрестность, — какъ вдругъ, вправо отъ насъ, раздался звукъ колокола. . . Удивленный симъ знакомъ жизни, я спросилъ у вожатаго, что это было? и онъ показалъ мнѣ, за грудами лавы, крышу скромнаго монастыря *Св. Николая*, стѣсненнаго развалинами страшной природы. Какъ трогаетъ сердце сіе уединеніе отшельниковъ отъ міра, для пользы человѣчеству! О! какъ они должны чувствовать слабость нашего существа, обитая на столь ужасномъ горнилѣ, грозящемъ ежедневно совершеннымъ истребленіемъ не только бѣднымъ пустынникамъ, но и всему берегу! Монастырь сей, основанный въ XII-мъ вѣкѣ Графомъ Симеономъ Поликастро, въ честь знаменитаго Рогера I-го, былъ нѣсколько разъ низпроверженъ лавами и землетрясеніями и нѣсколько разъ возобновленъ.

Большая часть обитателей Этны не дерзаютъ достигать страшной ея вершины; — но они свыкнулись съ ея ужасами; — не подалеку отсюда, селеніе: *Tre Castagne* выстроено на потухшемъ кратерѣ!

Монастырь Св. Николая былъ уже послѣднимъ жилищемъ человѣка въ областяхъ Этны. Когда протяжный звонъ колокола замолкъ, то мнѣ казалось, что я простился съ человѣками, коихъ слышалъ я послѣднее привѣтствіе:

Lo giorno se n'andava, e l'acr bruno
Toglieva gli animai, che sono 'n terra

Dallè fatiche loro: ed io sol uno
M'apparecchiava a sostener la guerra
. . . del cammino (1.)

Вокругъ, неподвижныя рѣки охладѣвшей лавы, казалось, стремились на насъ безобразными волнами. Впереди начиналъ уже чернѣть лѣсъ, загарались звѣзды, и темная ночь застигла насъ при входѣ въ оный; но вскорѣ, луна, высвободясь изъ паровъ моря, освѣтила снизу, завернувшіесь въ густой мракъ предметы. Какой переходъ, изъ мертвой дебри подъ кровъ сполѣтнихъ деревъ! И какой лѣсъ! — „Воспоминаніе о немъ," — скажу я словами Данта, — „возобновляетъ ужасъ."

E quanto a dir qual era, è cosa dura,
Questa selva selvaggia, ed aspra e forte,
Che nel pensier rinnuova la paura (2.)

Тѣни удвоивали непомѣрную толстоту пней и уродливость сучьевъ; вѣтеръ бушевалъ, и трепещущіе листья какъ бы проговаривали пророческіе глаголы... Чѣмъ болѣе погружались мы въ лѣсъ, тѣмъ безобразнѣе онъ мнѣ ка-

(1) День ускользалъ уже, — и восходящи тѣни
Освобождали всѣхъ живущихъ подъ луной
Отъ суетныхъ трудовъ и пляскихъ огорченій;
Лишь я одинъ тогда боролся съ тягостной
Опаснаго пути . . .

(2) Inf. C. I.

зался. Сіяніе луны позволяло взору проникать въ чащу, гдѣ груды лавы и опрокинутыя изверженіями, вѣтрами и временемъ, деревья, составляли самыя чудныя группы, такъ что разгоряченное воображеніе могло бы ихъ принять за привидѣнія и одинъ изъ нашихъ вожатаевъ разсказывалъ намъ съ важностію, что многіе пастухи встрѣчали здѣсь адскихъ гостей. Лѣсъ этотъ напоминаетъ тѣ лѣса, кои были у Древнихъ обречены богамъ, гдѣ никогда не раздавался звукъ сѣкиръ и гдѣ токмо рука времени разрушала вѣковыя растенія.

Мы начинали чувствовать усталость, находясь уже болѣе двухъ часовъ въ дорогѣ; но Антоній поощрялъ насъ достигнуть до такъ называемой *Козьей пещеры*, находящейся неподалеку отъ выхода изъ лѣса. Мы замѣчали уже большую перемѣну въ воздухѣ; сырой холодъ обдавалъ насъ, и мой товарищъ, имѣя слабую грудь, начиналъ жаловаться. Въ то самое время, какъ мы просили Антонія, для подкрѣпленія силъ, вынуть фляжку съ ромомъ, — онъ показалъ намъ на огромный дубъ, стоящій близъ дороги у оврага: „Здѣсь, сказалъ онъ, нашъ роздыхъ!“ Это насъ порадовало; мы съ большимъ удовольствіемъ спѣшились съ лошаковъ, не менѣе насъ довольныхъ; привязали ихъ къ дереву и разостлали плащи подъ широкимъ навѣсомъ дуба; но вспомня о Козьей пещерѣ, столь извѣстной чрезъ путешественниковъ: „гдѣ жъ она?“ спросилъ я у Антонія; и онъ, подведя насъ къ оврагу, показалъ составленный потокомъ лавы, невысокій, но продолговатый сводъ, примолвя:

ecco-la qui la famosa spelunca! (Вотъ она, знаменитая пещера!) Усталость удержала насъ сходить по кускамъ лавы, для разсматриванія пещеры, и мы предпочли ей дубовый кровъ; — загремѣли бутылки и стаканы, — и Сиракузское вино пошло въ круговую. Межь тѣмъ, какъ мы прилѣжно заняты были ужиномъ, — глухой, но вмѣстѣ сильный отзывъ, подобный отдаленному грому, раздался подъ нами и разнесся по лѣсу. Сраженный подъ тяжестью Этны, Титанъ, давалъ намъ симъ чувствовать свое присутствіе. Пять или шесть таковыхъ ударовъ повторились въ продолженіе нашего часоваго отдыха. „Ну!“ сказалъ я Антонію, когда мы кончили ужинъ, „теперь я болѣе расположенъ видѣть твою пещеру;“ — и мы спустились въ нее. Едва ли девять или десять человѣкъ могутъ въ ней помѣститься — и то, сидя; но мрачный цвѣтъ оврага, густая тѣнь лѣса, склоненные надъ нею древніе дубы, дѣлаютъ это мѣсто живописнымъ.

Изъ почтенія къ сему гостепріимному убѣжищу, служившему столько разъ пристанищемъ застиженнымъ непогодою путешественникамъ, мы разложили въ немъ огонекъ и по краткомъ отдохновеніи, опять подвиглись въ путь.

Обратясь назадъ на пройденную нами страну, я плѣненъ былъ видомъ внизъ, сквозь лѣсную прогалину — на море, блиставшее отъ луны въ неизмѣримой безднѣ. Алмазная поверхность водъ, видимая съ такой высоты, составляла непоняти-

ное и сверхъестественное зрѣлище, которое не разгадалъ бы, внезапно перенесенный сюда человѣкъ.

Мы не были еще четверти часа въ пути, какъ вдругъ сей дремучій лѣсъ пресѣкся безъ малѣйшей постепенности, — и намъ предстала, какъ бы внезапно, все та же Этна, но какъ новая колоссальная гора, черные всякой тучи, — изъ коей клубы дыма скользили по звѣздному небу. Здѣсь кончалась жизненность и начиналась — мертвенность. Никакое животное, кромѣ человѣка, не смѣетъ проникать сюда. Глядя на предстоящую намъ громаду, мнѣ казалось, — исполненному грознаго восхищенія, — что мы только-что приступаемъ къ восхожденію, и не видя конца пути, я готовъ былъ, сказать своему вождю:

. . tu, che mi guidi,
Guarda la mia virtù, s' ell'è possente,
Prima ch' all' alto passo tu mi sfidi! (1)

О ты, меня ведущій,
Взгляни, довольно ли во мнѣ ты видишь силъ,
Чтобъ побѣдить въ пути препоны возстающи?

(1) Dante. Inf. C. II.

ГЛАВА XXXII.

Этна.

Aetnaeos apices solo cognoscere visu,
Non aditu tentare, licet.
(Claud. de Rap. Pros. I.)

И такъ, мы оставили второй поясъ Этны, называемый: *лѣсный*,— и вступили въ *безплодный*. Сіе послѣднее названіе не выражаетъ того совершеннаго отсутствія жизни, которое представляется взорамъ, глядя на эту часть Этны. Что можетъ быть черніе, ужаснѣе сихъ падающихъ и оцѣпенѣвшихъ рѣкъ лавы? . . Тутъ почувствовали мы сильную перемѣну въ аттмосферѣ; вѣтеръ налетѣлъ на насъ съ ужасною силою, и мы едва могли удерживать наши плащи. Крутизна и разбросанныя груды лавы, дѣлали путь нашъ часъ отъ часу труднѣе. Я чувствовалъ сильное волненіе въ крови, не смотря на холодъ проникавшій меня; а товарищъ мой примѣтно терялъ свои силы и перемѣнялся въ лицѣ. По мѣрѣ нашего восхожденія, оставленный нами лѣсъ опускался болѣе и болѣе, — и наконецъ, когда онъ совсѣмъ скрылся, — въ какомъ страшномъ уединеніи увидѣли мы себя! Какая адская чернота простиралась вокругъ! Она, казалось, поглощала насъ! Нигдѣ не видно было слѣдовъ бытія; вѣтеръ

стремился намъ на встрѣчу съ крутой вершины; свисты его заглушали наши рѣчи; но ясное небо, усѣянное звѣздами, кои сіяли необычайнымъ свѣтомъ, ушѣшало нѣсколько взоры и смиряло нѣкоторое внутреннее безпокойствіе, видя себя какъ бы на краю земной природы, въ преддверіи новаго міра. Но даже и утѣшительныя звѣзды скрывались иногда за широкими облаками дыма, межь тѣмъ какъ подземные удары потрясали подъ нами основаніе, — и тогда, я не знаю, на что походила сія надъоблачная точка земли!

Мы не могли надивиться искуству лошаковъ, ступавшихъ такъ твердо по изрытой поверхности каменистой лавы; хотя они и обрывались нѣсколько разъ, но никогда не падали, что могло-бъ быть для насъ пагубно. Окруженные такими предметами, мы подымались выше и выше; воздухъ дѣлался чрезвычайно рѣдокъ. Не смотря на сильное движеніе въ крови, я не былъ обезпокоенъ; но положеніе моего товарища нѣсколько тревожило меня.

Луна не переставала покровительствовать насъ въ продолженіе всего опаснаго пути; она освѣщала близкія пропасти. Серебряный шаръ ея находился ужѐ почти перпендикулярно надъ нами, когда мы медленно приближались къ конечности безобразныхъ утесовъ лавы, изъ которыхъ иные вставали высокими конусами. Промежду ихъ начиналъ разширяться природный путь, который составлялся ужѐ изъ волканическаго песку, и наконецъ мы выѣхали на пространную площадь

надъ коей еще высоко господствовалъ огромный двурогій конусъ; дымъ излеталъ изъ него большими клубами, съ глухимъ шумомъ. Сей-то конусъ составлялъ вѣнецъ Этны и заключалъ въ себѣ страшную ея пасть. Едва только успѣли мы перевести духъ, утомленные отъ безпрестаннаго восхожденія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ вдругъ потряслась подъ нами земля и нѣсколько огненныхъ полосъ вылетѣли съ густыми облаками дыма изъ вершины конуса, освѣтивъ ужасное сіе мѣсто. Но вообразите наше удивленіе, когда пройдя нѣсколько шаговъ во мракѣ, мы увидѣли не подалеку отъ насъ, движущіяся существа въ бѣломъ облаченіи, съ острыми на головѣ шапками, бѣлаго жъ цвѣта—и держащія длинные пѣсты.. Мы поражены были симъ чуднымъ явленіемъ. Мнѣ казалось что я вижу таинственныхъ гномовъ, изшедшихъ изъ средоточія земли чрезъ страшное отверстіе Этны; все здѣсь способствовало къ сверхъ-естественнымъ заключеніямъ. . . Послѣ перваго удивленія, Антоній объяснилъ намъ, что существа сіи суть не что иное, какъ любопытные просполюдимы, облеченные въ бѣлое суконное одѣяніе, съ капишономъ для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ. Получа это объясненіе, мы пожалѣли что не знали прежде о сей одеждѣ, которая была бы намъ весьма полезною. Мы взаимно обрадовались, найдя человѣковъ у сего преддверія ада.

Тогда мы достигли конца *безплоднаго* пояса и находились при подошвѣ *огненнаго*. Понесенные

нами доселѣ труды были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Мы мѣрили безпокойнымъ взоромъ огромный конусъ, страшно бушующій, — къ коему мы мало по-малу приближались.

Находясь уже на 9800 футъ отъ морской поверхности, намъ оставалось еще подняться на 1300 футъ, составляющіе высоту конуса. Съ какою радостью увидѣли мы, въ семъ жилищѣ вѣтровъ и пламени, выстроенное убѣжище для упомянныхъ путешественниковъ! Честь сія принадлежитъ г-ну Жемеллару; онъ первый дерзнулъ поставить на такой ужасной высотѣ, пріютъ для дерзкаго человѣка. Во всемъ мірѣ нѣтъ другаго строенія на такомъ возвышеніи, ибо знаменитое убѣжище на горѣ Сен-Бернардѣ находится 1500 футами ниже; правда, что сіе послѣднее обитаемо; межъ тѣмъ какъ Этнейское, находясь въ ежеминутномъ ожиданіи совершеннаго уничтоженія, принимаетъ только на нѣсколько часовъ подъ кровъ свой, изумленныхъ гостей. Ключь отъ этой хижины хранится всегда у г-на Жемеллара, который вручаетъ его путешественникамъ. Обрадованные, мы взошли въ двѣ пустыя комнаты; они показались намъ чертогомъ, когда мы развели огонь, разкурили трубки, раскупорили бутылки и начали варить кофе. Намъ приходилось только часа полтора на отдохновеніе, ибо оставалось не болѣе трехъ часовъ до разсвѣта, и мы должны были встрѣтить восходъ солнца на высотѣ конуса. Антоній совѣтовалъ намъ уснуть около часу времени и обѣщалъ разбудить насъ въ самую пору.

Rizzate-vi! rizzate! Вставайте! вставайте! громко кричалъ Антоній надъ нами. Съ воображеніемъ полнымъ ужасами Этны, и волнуемый любопытствомъ, я быстро проснулся и помогъ ему разбудить моего товарища. Снарядъ нашъ былъ недологъ; вооружась шестами, мы отправились въ путь... Мракъ уже примѣтно рѣдѣлъ, звѣзды утопали въ утреннемъ туманѣ; весь Земной шаръ ограничивался для насъ покмо тою мрачною долиною, на коей мы стояли; кругомъ насъ носились облака; а гдѣ ихъ не было, испуганный взоръ терялся въ бездонной пустотѣ... Межь тѣмъ, столпы дыма вылетавшіе изъ стонущей горы, разстилали надъ нами черный покровъ. Картина сія воспламеняла воображеніе своею чудесностью; все это казалось мнѣ, едва освѣжившемуся отъ сна, игрою разгоряченной мечты.

Домикъ Жемеллара отдаленъ отъ конуса на четверть версты самою страшною долиною, составленною изъ взволнованной охладѣлой лавы, которая обнимаетъ самый домикъ. И такъ, прямо изъ дверей начинался нашъ путь по оной. Трудно вообразить что нибудь уродливѣе сихъ черныхъ, острыхъ, изкривленныхъ грудъ съ глубокими трещинами; стопы ваши какъ бы колеблются въ недоумѣніи, куда ступить, — вездѣ такъ страшно, такъ опасно порѣзаться или попасть въ разсѣлину. Добрый Антоній и другой житель Этны не переставали намъ помогать со всемъ усердіемъ. Шестъ и рука опытнаго вождя часто удерживали меня отъ паденія. Мы страдали

болью въ ногахъ отъ остроты каменистой лавы; товарищъ мой задыхался отъ усталости: рѣдкость воздуха вредила ему болѣе, нежели самая усталость, — и наконецъ онъ такъ изнемогъ, что принужденъ былъ отказаться отъ предпріятія; я съ сожалѣніемъ разлучился съ нимъ, — и продолжалъ путь.

Наконецъ, ужасная долина была уже за нами; я стоялъ уже у подошвы роковаго конуса, мѣряя взоромъ мрачную крутизну. Добрый Антоній предложилъ мнѣ рюмку рому, и ударивъ по рукамъ, мы потянулись на высоту.... Вся эта конечная гора составлена изъ волканическихъ пепла, песка и мелкихъ скоріевъ; съ каждымъ шагомъ, сіи смѣшенныя вещества осыпались съ грохотомъ подъ стопами нашими, безпрестанно скользящими внизъ; все то, за что я ни брался, чтобъ поддержаться, уступало малѣйшему прикосновенію и также сыпалось. По сему можно судить, какъ мучителенъ и медленъ таковой путь. Межь тѣмъ, порывистый вѣтеръ началъ насъ обдавать ѣдкими сѣрными испареніями; чрезъ каждые пять или шесть шаговъ, я принужденъ былъ ложиться на зной-ный пепелъ и переводить дыханіе, которое безпрестанно захватывалось зловредною атмосферою. Весь занятый своимъ трудомъ, изнемогая подъ онымъ, я не замѣчалъ происходившаго вокругъ меня въ природѣ; лишь устремлялъ часто отчаянный взоръ на дымную вершину, которая казалось, все удалялась отъ меня; межь тѣмъ Антоній преподавалъ мнѣ наставленія, какъ поступать на краю

жерла; онъ опасался болѣе всего силы вѣтра, который не переставалъ бушевать. Чего не можетъ преодолѣть терпѣніе соединенное съ любопытствомъ?— уже болѣе нежели половина конуса была нами пройдена; я подкрѣплялъ разумомъ тѣлесное мое изнеможеніе, видя, что вершина уже не далека; межь тѣмъ тонкое облако проходило мимо насъ и окропило меня влагою.

Но я былъ ободренъ при концѣ моего пути, увидя тѣхъ четырехъ Сициліянцевъ, кои столь удивили меня ночью, сидящихъ уже, въ бѣлыхъ облаченіяхъ своихъ, на крайней высотѣ, за свѣтлымъ облакомъ; тогда они точно походили на какихъ-то духовъ, или на жрецовъ Зороастра, ожидающихъ появленія солнца для поклоненія оному. . . . Случайное зрѣлище сіе имѣло нѣчто особенно великое. — Межь тѣмъ и мы входили въ облако которое шло прямо на насъ; въ то время, какъ оно облекало насъ холодною сыростію, я чувствовалъ, что земля горѣла подо мною, — тѣмъ болѣе, что я имѣлъ уже только нѣчто похожее на обувь. — Облака дыма переваливались высоко черезъ наши головы; а пепелъ попираемый нами, примѣтно дѣлался горячѣе. Наконецъ, край страшной пасти былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; онъ весь былъ покрытъ сѣрою, самой яркой желтизны, и широко расходился на два высокіе рога. По всей окружности вился къ верху, или разстилался струями, дымъ; ѣдкость его прерывала дыханіе, а сильный вѣтеръ едва позволялъ намъ ползти по горячей сѣрѣ, прожигающей одежду; я

былъ внѣ себя, приближаясь къ сему адскому мѣсту. Съ каждымъ изверженіемъ дымныхъ тучь, внутренность волкана ужасно ревѣла, и ревъ сей разносился по воздуху. —„Берегитесь! берегитесь!“ — кричалъ мнѣ почти на ухо Антоній, по причинѣ вѣтра; — вы на краю пропасти; не вставайте на ноги, — вѣтеръ можетъ унести васъ ...“ Сего было довольно для предостереженія моего .... Мнѣ была видна одна только страшная вершина; облака закрывали окружность, и розовый туманъ одѣвалъ небо; крутизна была необычайная; я боялся, чтобъ порывы вѣтра не умчали меня въ пространство эѳира; — онъ казался мнѣ бездоннымъ океаномъ вѣчности, и что я стою на краю оной.

Но какія слова, какая кисть выразитъ зрѣлище, представшее изумленнымъ моимъ очамъ, когда едва переводя дыханіе, я доползъ до края — и бросилъ взоръ въ разкрывшуюся передо мной бездну! .... Я оцѣпенѣлъ .... Хладъ пробѣжалъ по жиламъ ... и я превратился весь въ зрѣніе. Самое пламенное воображеніе не произведетъ ничего ужаснѣе сей адской бездны, сего входа въ преисподнее царство тьмы.

Крутые края конуса, возвышаясь четырьмя шпицами, разширялись на большое пространство, и составляли глубокій бассейнъ, посреди коего разверзается бездонная пасть страшной величины и черноты. Вѣтеръ, дувшій съ нашей стороны, отстранялъ столпы дыма и позволялъ испуганному взору проникать въ необъятное отверзтіе, — тамъ кружились дымные вихри и съ шумомъ вы-

летали поверхъ облакъ, кои часто, какъ бы съ ужасомъ отстранялись отъ нихъ. Накипѣвшая сѣра, дышащая зноемъ, прожигала подъ нами разостланные плащи. За сею пропастью, составляющею главный кратеръ, возвышалось нѣсколько холмовъ, изъ-за коихъ видна была половина другаго кратера; четыре столпа дыма возвѣщали четыре отверстія; но главное было то, которое находилось передо мною съ сѣверной стороны; а прочія были закрыты неровностями и густымъ дымомъ. Въ тихую погоду, отважные сходятъ осторожно съ боковъ конуса къ жерлу, коего края образуютъ площадку; но это ни къ чему не ведетъ, ибо тогда жерло худо видно, — межъ тѣмъ какъ съ высшаго рога, на коемъ я сидѣлъ, открывается вся страшная глубина волкана. Можетъ быть и я пожелалъ бы сойдти въ бассейнъ; но благоразумный Антоній ни какъ не соглашался, — и самая краснорѣчивая причина, удерживавшая меня отъ того, состояла въ томъ, что сильный вѣтеръ едва позволялъ намъ сидѣть, и то не безъ опасности; а въ бассейнѣ, гдѣ хотя вѣтеръ и тише, вихри сѣрныхъ испареній могли бы насъ лишить дыханія въ одно мгновеніе.

Я не могъ отвести глазъ отъ сего ужаснаго предмета; но уже наставало новое зрѣлище, совершенно другаго великолѣпія. Солнце готово было воспрянуть изъ безднъ моря; Антоній возвѣстилъ мнѣ это, и я склонилъ взоры свои долу. Весь туманъ, облекавшій землю въ продолженіе моего во-

схожденія, подымался тогда къ верху и составлялъ изъ облака, кои налетали на насъ; но тогда, земля и море были уже свободны отъ оныхъ; я не могъ еще различить предметовъ; все было подернуто прелестною синевою въ неизмѣримой глубинѣ. Но весь востокъ, слитый съ моремъ, горѣлъ уже алымъ свѣтомъ; — и вдругъ пукъ лучей, блеснувъ какъ молнія, разсыпался по всему восточному краю моря. Въ одно мгновеніе отдѣлились воды отъ земли. Наконецъ показался край солнца!.. Красный шаръ его, казалось слѣдовалъ колебанію волнъ. Тутъ я воображалъ, что я призванъ быть зрителемъ сотворенія новой планеты. Такъ и при созданіи своемъ, земля радостно улыбалась первымъ лучамъ юнаго солнца; наконецъ, все обозначилось очарованнымъ моимъ взорамъ! Сердце мое билось небесною радостью. Я видѣлъ себя сидящимъ на вершинѣ ужасной пирамиды, упирающейся основаніемъ въ море и возносящей мрачное чело выше облакъ. Конечно Пиндаръ былъ тогда на сей точкѣ, когда онъ назвалъ Этну *столпомъ неба*! Она, казалось, господствовала надъ Земнымъ шаромъ, то удивительно ли, если я, господствуя надъ нею, считалъ себя въ нѣкоторыя минуты находившимся внѣ земной сферы. Я какъ бы ужасался своей дерзости! Съ одной стороны разверзался передо мною адъ со всѣми его ужасами; а съ другой, необозримый міръ возраждался изъ хаоса... Но я долженъ пресѣчь на минуту продолженіе сего описанія, превышающаго силы смертнаго, чтобъ обратить вниманіе читателя на

чудесный феноменъ образовавшійся подлѣ меня. Едва только лучи солнца коснулись вершины Этны, какъ вдругъ тѣнь ночи сбѣжала съ ея двурогаго конуса, который отразился на западѣ въ клубахъ дыма и облачныхъ паровъ, — и тогда, новая гора повисла на воздухѣ. . . . Я не зналъ, куда мнѣ обратиться, посреди таковыхъ чудесъ; но черезъ нѣсколько минутъ, сей феноменъ исчезъ, и я вновь занялся дольнимъ міромъ.

Тамъ все уже пришло въ гармонію. Вся Силія, которая казалась отсюда быть созданною токмо для подножія Этны, покоясь на разгарающихся зыбяхъ моря, являлась какъ бы на картѣ напоминая древнее ея названіе, — *Тринакрія*, трехъ-угольною своею формою.

Terra tribus scopulis vastum procurrit in aequor
Trinacris; a positu nomen adepta loci:
Grata domus Cereri. (1)

Занимая центръ необозримой панорамы вселенной, она процвѣтала какъ садъ. Взоръ обнималъ все пространство острова отъ мыса *Пелора* до мыса *Лилибея*; а отъ сего — до мыса *Пахина*. Я даже могъ узнавать положеніе самыхъ отдаленныхъ городовъ, какъ то: *Палермы*, *Марсалы*, *Агригента*, *Сиракузъ*; что жъ касается до *Мессины* и *Катаніи*, то они были видны почти какъ на планѣ. Къ сѣверу разстилалось *Тиренское* море, изъ коего восходили *Устика* и вся группа *Эоловыхъ* острововъ;

(1) Ovid. Fast. III.

средь нихъ отличался курящійся *Стромболи*. Къ востоку блистала лучами солнца проливъ Мессинскій; обозначалась вся южная Калабрія, начиная отъ залива Поликастро и слѣдуя обводу *сапога* Италіи до самаго мыса Св. Маріи, гдѣ начинается поворотъ въ Адріатическое море. Здѣсь на восточномъ берегу Сициліи бѣлѣютъ зданія Мессины съ крючковатымъ ея портомъ, и она кажется въ разстояніи токмо нѣсколькихъ сажень; тамъ обозначаются скалы мыса *Алессо* и Таормины; здѣсь пестрѣетъ Каштанія, окруженная всею роскошью природы; вотъ два озера Ленгины, вотъ Августа, вотъ наконецъ Сиракузы и краеугольный мысъ *Пахинъ*. За нимъ, черезъ равнину моря выходитъ изъ волнъ дикая Мальта съ прилежащими къ ней островами Кумино и Гоцо; а немного подалѣе, Африканскій островъ *Ликоза*. Къ западу извивались берега Агригента, Мацары и Марсалы, противъ коей видѣнъ посреди моря островъ Пантеларія и едва виднѣется берегъ Африки; но я не мало удивился, что западное море Сициліи съ городомъ Трапани и Эгатскими островами заслонялись хребтами горы Эрикъ. Безъ сомнѣнія, на всемъ Земномъ шарѣ не льзя найти зрѣлища равнаго сему. Я уже болѣе двухъ часовъ занятъ былъ сими высокими предметами, какъ вдругъ увидѣлъ недалеко отъ вершины влекущагося моего товарища, котораго я полагалъ давно уже отдыхающимъ въ домѣ. Видя сколь любопытство превозмогало въ немъ тѣлесныя его силы, я послалъ къ нему на встрѣчу Антонія, и съ

помощію двухъ сильныхъ людей, былъ онъ доведенъ до края пропасти; но едва только бросилъ онъ взоръ на жерло, какъ дыханіе его было захвачено сѣрными испареніями и онъ упалъ почти безъ чувствъ на тлѣющій пепелъ; я велѣлъ немедленно свести его ниже, и тамъ уже онъ очувствовался и поспѣшилъ спуститься къ подошвѣ.

Я не могъ рѣшиться оставить сей единственный пунктъ земнаго шара. Я попеременно ужасался развернутою подо мной бездною, коей ревъ потрясалъ всю конечность волкана, на коей я сидѣлъ, — или восхищался несравненною картиною вселенной. Холодъ проникалъ меня, между тѣмъ какъ курящійся пепелъ прожигалъ мое платье. Нѣсколько подалѣе лежали груды снѣга. Зима, неизвѣстная Сициліи, царствуетъ только на сей адской вершинѣ и борется съ огнемъ!..

Summo cana jugo cohibet (mirabile dictu)
Vicinam flammis glaciem aeternoque rigore
Ardentes horrent scopuli: stat vertice celsi
Collis hiems; calidâque nivem tegit atra favillâ.
(Sil. It. XIV.)

Вѣперъ продолжалъ свирѣпѣть съ тою же силою, такъ, что я опасался перемѣнить мѣсто, дабы не быть увлечену или въ мрачную пропасть, или въ неизмѣримость воздуха. Здѣсь погибъ Агригентскій Философъ Эмпедоклъ, который учился постигать Натуру близъ страшной ея Лабораторіи. (Огонь, по его мнѣнію, былъ главнѣйшею дѣйствующею стихіею изъ четырехъ, имъ признанныхъ.)

Онъ даже обиталъ на Этнѣ, и находящіяся у подошвы конуса развалины (о коихъ я скажу ниже) называются и по-нынѣ *башнею Философа*. Платонъ два раза восходилъ на вершину Этны, и въ первый разъ нарочно прибылъ изъ Аѳинъ, чтобъ видѣть сей великій феноменъ.

Проведя почти 5 часовъ на вершинѣ Этны, взирая сквозь облакъ на земныя области, дыша атмосферою, непринадлежащею человѣку, я начиналъ уже чувствовать изнеможеніе; сѣрныя испаренія и рѣдкость воздуха тяготили мою грудь, дыханье мое становилось принужденнымъ, сердце сильно билось, и холодъ оковывалъ судорогами мои члены. Солнце, столь пламенное на землѣ Сициліи, — здѣсь совсѣмъ меня не грѣло. Я по неволѣ долженъ былъ помышлять о нисхожденіи. Находящійся съ нами ромъ принесъ намъ большую пользу въ семъ случаѣ. — Прежде нежели оставить навсегда сію надоблачную бездну, я хотѣлъ болѣе и болѣе напечатлѣть въ памяти своей всѣ подробности оной; мы направлялись съ Антоніемъ по дымящимся краямъ, весьма тихо, по причинѣ сильнаго вѣтра, и болѣе ползли, чѣмъ шли, какъ вдругъ, понадѣясь на прикрывавшее насъ одно возвышеніе, мы осмѣлились встать прямо на ноги; но не успѣли еще хорошо утвердиться, какъ налетѣвшій порывъ вѣтра сшибъ меня подъ ноги Антонія, который не могши удержаться, упалъ на меня, и мы покатились по смрадной сѣрѣ во внутренность бассейна. Я не въ силахъ выразить чувство ужаса, объявшее меня тогда; вопще ста-

рались мы удержаться о горячіе куски сѣры, отъ испаренія коихъ мы задыхались: — они обрывались подъ нами, и еслибъ вѣтеръ не былъ косвенный и не потерялъ бы своей силы въ бассейнѣ, коего высокія стѣны закрыли насъ, — то вѣроятно мы бы погибли. Но съ прекращеніемъ вѣтра, Антоній, первый удержался объ одну курящуюся неровность, отъ чего и я остановился на немъ. Спасенные симъ случаемъ, мы не были еще внѣ опасности, ибо вихри дыма захватывали наше дыханіе; но къ счастію, направленіе вѣтра было съ нашей стороны: еслибъ оно перемѣнилось, то въ одно мгновеніе насъ бы не стало. — Пришедъ въ себя, ни мало не теряя времени, опытный Антоній, знавъ всѣ проходы, повлекъ меня съ собою изъ сего ада, коего жерло было въ четырехъ или пяти саженяхъ отъ насъ; — я не занялся тогда разсматриваніемъ его ужасовъ, невольно завлеченный столь близко къ оному; но сколь возможно скорѣе старались достичь краевъ, и перейдя уже ихъ, замѣтили мы что лишились шляпъ и посоховъ; — взглянувъ въ бассейнъ, мы ихъ не видали; только одинъ изъ нашихъ посоховъ лежалъ близко отъ страшнаго жерла, а шляпы, вѣроятно сдѣлались добычею волкана; — быстро спустились мы по крутому скату конуса, и менѣе нежели въ полчаса были уже въ безобразной долинѣ, отдѣляющей конусъ отъ домика Жемеллара. Тутъ моя обувь сама собою отказалась мнѣ служить; я перемѣнилъ ее на новую, которая была въ мѣшкѣ у Антонія; но не имѣя

посоховъ, мы съ чрезвычайнымъ трудомъ добрались до домика по острымъ грудамъ.

Два часа отдохновенія возстановили мои силы. Мой товарищъ также поправился; но понесъ съ собою болѣзнь, отъ коей не скоро освободился. Тогда было около двухъ часовъ по полудни, когда мы оставляли ужасное святилище Этны, безпрестанно оглядываясь на оное. Мы проѣхали мимо останковъ древняго зданія, называемаго *Башнею Философа* и находящагося въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ домика Жемелларо, въ долинѣ *del frumento*. Сіи развалины состоятъ изъ основанія стѣнъ, которыя сложены изъ большихъ кусковъ обтесанной лавы, вмѣстѣ съ кирпичами. Тутъ же видны нѣсколько кусковъ бѣлаго мрамора, и можно еще различить, что зданіе имѣло видъ параллелограма. Многіе полагаютъ оное жилищемъ Философа Эмпедокла, и названіе *Башни Философа* утвердило это мнѣніе; но нельзя думать, чтобъ она была чьимъ либо жилищемъ: ибо чрезвычайная рѣдкость атмосферы, сѣрныя испаренія и сильные вѣтры не долго бъ продлили человѣческую жизнь на этомъ мѣстѣ. Даже въ гостепріимныхъ уединеніяхъ на горахъ Сен-Бернардѣ, Ценисѣ и Сен-Пломбѣ, кои выстроены гораздо ниже домика Жемелларо, — монахи очередуются между собою въ пребываніи тамъ, по причинѣ несвойственнаго для человѣческой натуры, воздуха.

Съ бо́льшимъ правдоподобіемъ можно положить, что сіи развалины суть останки храма *Юпитера, побѣдителя Гигантовъ*, по свидѣтель-

сшву Страбона, Плинія и Лукреція. Пиндаръ называетъ Юпитера: *Этнейскимъ*. Извѣстно также что и Вулканъ имѣлъ храмъ на Этнѣ; но Эліенъ говоритъ, что оный окруженъ былъ *тѣнистыми древами*, по чему должно думать, что онъ находился въ *лѣсномъ* или *плодоносномъ* поясахъ. Жерло Этны служило иногда, Древнимъ, для гаданій; они бросали туда въ жертву живопныхъ или металлическія печати; если жерло не выбрасывало ихъ вонъ, то это почиталось счастливымъ предзнаменованіемъ, въ противномъ же случаѣ — пагубнымъ.

Отсюда мы спустились къ ужасной пропасти, называемой *Valle del Bue*, куда низвергается цѣлая рѣка лавы, какъ бы захваченная внезапнымъ холодомъ. Видъ съ сей высоты не престаетъ быть волшебнымъ: сколько пирамидальныхъ волкановъ высятся отъ необъятной подошвы горы и составляютъ одно зданіе Этны! Когда мы спускались съ безплоднаго пояса, то жаръ дѣлался часъ отъ часу несноснѣе, цвѣтъ болѣе что волканической составъ и черный цвѣтъ лавы жадно вбираютъ въ себя лучи солнца и отражаютъ зной. Лишенные широкихъ шляпъ, я и Антоній ѣхали обвязанные платками, кои очень дурно насъ защищали. Лѣсной поясъ послужилъ намъ отрадой; тѣнь дубовъ и каштановъ была для насъ усладительна. Лѣсъ сей не представлялъ намъ тогда того страшнаго вида, въ какой онъ былъ облеченъ ночью; но со всѣмъ тѣмъ не льзя было безъ ужаса глядѣть на потоки лавы,

ниспровергшіе цѣлые ряды столѣтнихъ деревъ; иныя безобразно торчали изъ подъ тяжести грудъ, ихъ подавлявшихъ, другія сохранили еще слѣды ужаснаго пожара; но имъ пріятнѣе было глядѣть на нѣ, кои полные сочной юности, далеко разспилали свои вѣтви. Навѣсъ одного изъ таковыхъ дубовъ избрали мы для отдохновенія; онъ могъ бы защитить тѣнью своею цѣлый хороводъ Дріадъ коихъ представляютъ плящущими, сплетясь рука съ рукой, вокругъ древнѣйшихъ деревъ. Знаменитое каштановое дерево, называемое: *о ста лошадяхъ* (de' cento cavalli) и находящееся около *Санта-Венеры*, нынѣ представляетъ только корни седми деревъ, соединенныхъ вмѣстѣ и имѣвшихъ въ объемѣ 178 футъ. Близъ него есть и другіе огромные каштаны, изъ коихъ одинъ называемый (del Re) *Царской*, имѣетъ 38 или 39 футъ въ окружности.

На пути изъ лѣсу до Николози, мы изнемогали отъ жару, посреди знойной долины, завалешной пепломъ и скоріями волкана Монте-Россо, красный цвѣтъ коего, усугубленъ былъ лучами палящаго солнца. Я не мало удивился, увидя неподалеку отъ сей страшной горы нѣсколько гибкихъ лозъ винограда, растущихъ въ волканическомъ пескѣ. Жители Николози начинаютъ уже мало по-малу превращать сіе мѣсто въ садъ, забывая прошедшія злоключенія. Вотъ какъ они сажаютъ виноградъ: провертѣвъ въ волканическомъ пескѣ нѣсколько отверстій, они наполня-

ютъ ихъ землею, и посадивъ туда виноградники, поливаютъ сначала нѣсколько разъ, а потомъ оставляютъ натурѣ докончить начатое. Чрезвычайное плодоносіе волканической почвы вознаграждаетъ выше чаянія труды поселянъ.

ГЛАВА XXXIII.

Дорога отъ Николози до Таормины.

L'Etna s'agite, et furieux
Semble, du fond de ses entrailles,
Vomir l'enfer contre les cieux.
Mais pour renaître enfin sa rage expire:
Il se rasseoit sur le monde ebranlé.
Coulez bons vins, femmes daignez sourire,
Et l'Univers est consolé.

(Beranger. Ch. — la Nature.)

Къ вечеру мы прибыли къ Николози и были похожи на Циклоповъ — въ прогорѣвшихъ нашихъ платьяхъ, покрытыхъ сѣрою, тлѣющею отъ солнечнаго зноя. Изнуренныя силы наши едва позволяли намъ только обнять и поблагодарить почтеннаго Жемелларо, который, отпустивъ насъ на столь желаемое нами успокоеніе, уговорилъ провести весь завтрашній день у него, на что мы изъ благодарности къ его ласкамъ и отъ сильной усталости, охотно согласились. Я спалъ почти 24 часа.

И такъ мы провели слѣдующій день самымъ пріятнымъ образомъ, пользуясь гостепріимствомъ г-на Жемелларо. Его обширныя свѣдѣнія въ Естественной Исторіи сдѣлали его извѣстнымъ ученому свѣту, а добродѣтели — любезнымъ для всей

окрестной стороны. Съ крайнимъ сожалѣніемъ разстался я съ симъ любезнымъ Философомъ, который подарилъ мнѣ передъ отъѣздомъ, его ученыя изслѣдованія объ изверженіяхъ Этны.

Съ разсвѣтомъ оставили мы Николози. Цвѣтущіе сады, окропленные утреннею росою, окружали насъ со всѣхъ сторонъ; самыя роскошныя произрастенія покрывали все обширное пространство отъ Николози до моря, по лазури коего, рисовались черные изгибы береговой лавы. Море было столь же спокойно какъ и ясное небо разцвѣтающее розовымъ блескомъ зари; все дышало нѣгою и плѣняло мои взоры еще болѣе послѣ ужасовъ напечатлѣвшихся въ нихъ.

Въѣзжая въ деревню *Ферару*, еще довольно рано, мы увидѣли уже всѣхъ жителей ея собранныхъ и разряженныхъ близъ церкви; множество миловидныхъ женщинъ, въ костюмѣ похожемъ на Римскій, смѣшаны были съ шумною толпою мужчинъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ замѣтилъ я одно необыкновенное одѣяніе: два длинные куска темнаго сукна падали съ плечь, перекрещаясь вкругъ шеи, которая проходила сквозь круглое отверстіе и служила, какъ бы осью сего страннаго наряда. (1) Цѣлая баттарея ручныхъ петардъ стояла передъ крыльцомъ церкви; съ первымъ ударомъ колокола, выбѣжалъ одинъ человѣкъ изъ толпы, съ зажженнымъ фишелемъ, и посредствомъ проведеннаго штапина открылъ прескучій огонь, который намъ долго былъ слышанъ въ пути.

(1) *Salimarco* sia *Saltambarco*, весьма древняя одежда.

Дорога наша шла чрезъ непрерывные сады. Плодородіе сихъ мѣстъ едва вообразимо! Мы все еще находились въ волшебномъ царствѣ Этны, и нечувствительно спускались къ ея подошвѣ. Кажется, что сама природа, пронуная слишкомъ частыми бѣдствіями человѣковъ, обитателей сего очаровательнаго берега, — утѣшаетъ ихъ неоскудѣваемымъ изобиліемъ земныхъ нѣдръ. Здѣсь она сохраняетъ еще всю первобытную юность свою; но красоты ея, основанныя на разрушеніи, на черныхъ грудахъ лавы, — столь необыкновенны, что кажутся произведеніемъ магическаго жезла. Выѣзжая изъ мѣстечка *Кастаніи*, открывается великолѣпная перспектива Этнейскихъ горъ и низменныхъ холмовъ ихъ. Отсюда начинается примѣтный спускъ съ Этны; на лѣво дымящаяся громада ея развертывается во всю необъятную длину свою; а на-право лѣсистые холмы понижаются болѣе и болѣе къ морю, и путешественникъ съ каждою перемѣною мѣста, видитъ мѣняющіеся ландшафты. Здѣсь самыя живописныя фруктовыя деревья расширяютъ вѣтви свои, распространяя густую тѣнь; мирныя семьи поселянъ покоятся или трудятся подъ ихъ кровомъ; — вы часто видите здѣсь въ дѣйствіи Идилліи *Феокрита*; сіи окрестности созданы для его пѣсней. Для живописца весьма замѣчательны на сей дорогѣ ряды коническихъ холмовъ, вѣроятно волканическаго произведенія; они одѣты отъ подошвы до вершины миндалевыми и шелковичными деревьями; иные увѣнчаны развалинами Сарацинскихъ замковъ:

кажется, что каждый изъ сихъ прекрасныхъ холмовъ цвѣтетъ подъ надзоромъ бога Пана. Межъ тѣмъ грозная Этна мѣняетъ не примѣтно видъ свой: сіи черныя скалы, видимыя вами отсюда, суть обрушившіеся потоки лавы изъ *Valle del bue.* Тамъ, впереди васъ, на краю горизонта, какъ величественно возносятся къ небу синія громады, составляющія Нептуновы горы! Ближайшая изъ нихъ, вдающаяся въ море, есть гора *Таврб*, носящая на кремнистыхъ ребрахъ своихъ, остатки великолѣпной Таормины; а надъ всѣми ими господствуетъ шпицъ огромной *Страпаверы.* Приближаясь къ мѣстечку *Санта-Венера*, мы съѣхали съ крутаго холма, который составляетъ послѣдній примѣтный спускъ съ Этны.

Мѣстечко *Санта-Венера* получило названіе свое отъ имени языческой богини любви, которая, въ теченія времени, *освящена* Сициліянцами. Вѣроятно, здѣсь былъ тотъ храмъ Венеры, который находился между рѣками *Оноболой* и *Азинѣмб*, именуемый: Fanum Veneris. Здѣсь находятся цѣлебныя воды, имѣющія особенный желтоватый цвѣтъ и употребляемыя для наружныхъ болѣзней. Противу Санта-Венеры, замѣтилъ я снѣгъ на одной части Этны, называемой: Monte Agnolo di Catania.

Отсюда, красота Нептуновыхъ или Пелорскихъ горъ возрастаетъ очевидно, межъ тѣмъ какъ отдаленные берега Калабріи начинаютъ вставать изъ синихъ волнъ Эгейскаго моря. За симъ, шумные и быстрые источники, гремя и свер-

кая по камнямъ, радуютъ въ знойный полдень, взоръ и слухъ путника, и стремятся чрезъ богатыя долины къ морю. Вскорѣ мы переѣхали шумящую рѣчку *Fiumme fredo* (холодная рѣка), древній *Asinius*. Названіе холодной рѣки въ самомъ дѣлѣ ей приличествуетъ, ибо воды ея холоднѣе прочихъ, по той причинѣ, что они, будучи составлены снѣгами Этны, выпекаютъ изъ подъ лавы съ чрезвычайною быстротою. Въ долинахъ, слѣдующихъ за сею рѣчкою, замѣтилъ я, на высокомъ холмѣ, живописныя развалины Норманскаго замка. Неподалеку протекаетъ другая рѣчка, называемая *Кантара*, древняя *Онобола*. Чрезъ нее сдѣланъ каменный мостъ, называемый *чертовымъ* и составляющій предметъ одной національной сказки. За сею рѣчкою тянутся цѣпи холмовъ съ рощами и кустарниками, коихъ вершины, господствуя одна надъ другою живописными группами, образуютъ амфитеатры зелени.

Но спускаясь съ холма къ береговымъ долинамъ, окружающимъ мѣстечко Джіардини (Giardini) и примыкающимъ къ великолѣпнымъ скаламъ Таормины, — видъ дѣлается очаровательнымъ! Основаніе ландшафта составляютъ море и синія высоты Калабріи; на-право протягивается изгибистый мысъ *Скизо* (Schiso) съ древнимъ замкомъ посреди рощь, а съ-лѣва является несравненный видъ скалъ Таормины, восходящихъ черными шпицами по лазури неба.

Мы поворотили на-право къ замку мыса Скизо. Здѣсь процвѣталъ нѣкогда *Наксосъ*, первый

городъ, основанный Греческими колоніями на берегахъ Сициліи, за 736 лѣтъ до Р. Х. и разрушенный лавою. Здѣсь воздвигли они жертвенникъ *Аполлону-Аркагету*; — всякій разъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Сициліи, Эфоры возлагали на оный первыя жертвоприношенія. Изъ всего города осталась только одна гробница, вкругъ коей бродятъ стада; она сложена изъ кирпичей и имѣетъ четвероспороннюю форму; вся наружность поросла мхомъ, кустарникомъ и плющемъ; во внутренность есть входъ, гдѣ видны еще ниши для пепельныхъ урнъ.

Утомленные путемъ, а болѣе еще чрезвычайнымъ жаромъ, мы съ радостію въѣхали въ мѣстечко Джіардини, которое, находясь на низменномъ берегу моря, у подошвы гигантскихъ скалъ Таормины, покрывалось уже ихъ обширною тѣнію и предлагало намъ самое отрадное и живописное убѣжище. Джіардини построено на томъ мѣстѣ, гдѣ была гавань Тавроменитянъ. Теченіе лавы, видимое здѣсь, есть то самое, которое остановило Карѳагенскую армію, шедшую на Саракузы.— Мы пристали къ миловидной гостинницѣ, содержимой Священникомъ, и прекрасною его племянницею; намъ отвели весьма хорошую комнату, чему мы не мало обрадовались, привыкнувъ къ неопрятности таковыхъ домовъ въ Сициліи, носящихъ одно только имя гостинницы. Изъ нашей комнаты былъ выходъ на террасу, обращенную къ морю, и откуда мы могли наслаждаться великолѣпнымъ видомъ сихъ мѣстъ. Обворожен-

ные красотою природы, мы не медля, поселились на террасѣ, гдѣ велѣли приготовлять ужинъ; между тѣмъ, обольщенный плескомъ тихо разстилающихся волнъ, я пошелъ до захожденія солнца купаться, препоручивъ хозяйственную часть любезному товарищу. Возвратясь, я уже нашелъ прекрасный рыбный ужинъ, десертъ и бутылку хорошаго вина; мы поподчивали онымъ нашего хозяина, который прежде, нежели опорожнилъ свою рюмку, *импровизировалъ* намъ лестное *Бриндизи* (Brindisi) т. е. заздравный куплетъ; а милая хозяйка весьма пріятно пропѣла арію изъ Стихотвореній Аббата Мелли, при звукахъ гитары.

Теперь, сидя за чашкою кофе и куря трубки, мы любуемся въ сладкомъ безмолвіи красотами природы. Глаза мои то разбѣгаются по гладкой поверхности моря; то останавливаются на краю горизонта, на лазоревыхъ горахъ Италіи, или на бѣлѣющихъ вѣтрилахъ кораблей; то возносятся вмѣстѣ съ возстающими подъ облака скалами Таормины, плѣняясь живописнымъ разнообразіемъ ихъ дикихъ формъ. Какъ прекрасна сія первенствующая пирамидальная скала, на вершинѣ коей нависъ древній замокъ Сарациновъ! Платформы среднихъ утесовъ заняты городомъ, украшеннымъ башнями, кипарисами, пальмами и прекрасными аркадами водопроводовъ; а тамъ, на сей черной скалѣ, нависшей надъ бездной моря, видны несравненныя развалины театра древнихъ Грековъ.

Видъ Таормины преисполненъ поэзіи и воспламеняетъ воображеніе. Вечеръ, проведенный

мною на террасѣ, доставилъ мнѣ неописанное удовольствіе. Слѣдующій день обѣщалъ мнѣ еще большее, — и мы легли ранѣе отдыхать, намѣреваясь быть при восхожденіи солнца, на высотѣ скалы, гдѣ находятся знаменитыя развалины.

ГЛАВА XXXIV.

Таормина. — Береговый путь до Мессины.

Rochers majestueux perdus dans les nuages,
Je m'eleve avec vous par-delà les orages;
Daignez me recevoir sommets religieux,
Où l'esprit des mortels commerce avec les Dieux!
(*Ducis.*)

На зарѣ, взбирались мы уже по одной изъ крутѣйшихъ скалъ, къ стѣнамъ Таормины. По трудномъ пути, въѣхали мы въ городъ. Желая, до начатія жара, осмотрѣть знаменитый театръ, мы подъѣхали къ скромному домику здѣшняго *Чичерони*, — вызвали и взяли его съ собою. Проѣздомъ чрезъ крутыя и узкія улицы, я замѣтилъ, что опрятность не есть достоинство сего города, межь тѣмъ какъ онъ принадлежитъ къ малому числу замѣчательнѣйшихъ городовъ въ мірѣ, по чрезвычайной красотѣ своего мѣстоположенія. Спѣшу перенести вниманіе читателей къ той цѣли, которой мы достигли.

Неприступная скала, вдающаяся въ море и безпрестанно осаждаемая свирѣпыми волнами, образуетъ мысъ, именуемый въ древности: гора *Таврѣ* (Taurus), а нынѣ: *Св. Андрея*. Сія-то скала, далеко превышающая многія другія, увѣнчана великолѣпнымъ зданіемъ Греческаго театра. *Просепи-*

Таормина.

умъ (1) и *фасадъ*, хорошо сохранившіеся, — обращены къ югу. За обширнымъ полукругомъ, составлявшимъ *поприще*, восходитъ амфитеатромъ ряды ступеней, высѣченные въ самой скалѣ; на нихъ помѣщалось до 30,000 зрителей. Все зданіе обнесено круглою стѣною, заключавшею въ себѣ двойныя галлереи, коихъ аркады, часто пересѣкаемыя развалинами и оглашаемыя завывающимъ вѣтромъ, тянутся еще кругомъ . . . Ни одно слово, произнесенное на сценѣ, не терялось для слуха: сіе акустическое достоинство театра сохранилось до сей поры. Мѣсто гдѣ былъ оркестръ, съ остатками пьедесталей для статуй, — существуетъ. Въ стѣнѣ Просценіума видны двѣ боковыя двери и главная, средняя, коей сводъ обрушился. Нѣсколько нишей, разныхъ пропорцій, являютъ опустѣлыя жилища боговъ. Обломки гранитныхъ и мраморныхъ колоннъ, капителей и карнизовъ устилаютъ поприще; межъ ними поросли бирюзовыя алоэ, грубыя терніи, сочные листья кактуса и плющъ. Познакомивъ читателя со внутренностію зданія, приглашаю его теперь перенестись со мною мыслею на верхнюю ступень сего амфитеатра.

Кто не ощутитъ здѣсь того восторга, который оживлялъ мое сердце, когда я окинулъ изумленнымъ взоромъ развернувшуюся подо мною, панораму природы? Солнце едва еще только вставало изъ моря и золотило громады горъ, изъ коихъ скала *Венеры* и шпицъ *Монте-Мола*, бросали

(1) Стѣна, находящаяся передъ сценою.

обширную тѣнь и казалось, висѣли надъ моею головою. — Но впереди меня, сквозь обрушенный главный входъ театра, я видѣлъ, въ ужасной глубинѣ, почти весь западный берегъ Сициліи, кончаемый цѣпью Гиблейскихъ горъ и холмами Сиракузъ . . . . Искривленные берега, съ своими городами и селеніями, вились по лазуревому полю моря, — а надъ всею страною разстилалась огромнымъ шатромъ, Этна; она упиралась въ облака двурогимъ челомъ своимъ, изъ коего черный столпъ дыма возносился перпендикулярно. Западная сторона моря разгоралась мало по-малу румянымъ свѣтомъ зари, — ослѣпительныя искры, предвѣстники появленія солнца, вылѣтали изъ бездны его; — а луна, коей блѣдное полушаріе еще не совсѣмъ изгладилось, утопала въ пурпуровомъ свѣтѣ . . . . Здѣсь-то представлялись сцены Эврипида и Эсхила! — Какъ живо ощущаема была высокая поэзія сихъ мудрецовъ Театра, при несравненномъ великолѣпіи природы, коей чудеснѣйшій феноменъ, — вѣчно горящій ея фаросъ, — освѣщалъ изрѣдка грознымъ свѣтомъ своимъ пораженныхъ зрителей, — и можетъ быть, въ самое то время, когда раздавались сіи пророческіе стихи Эсхила:

. . . . . .

Тифонъ, изъ чьихъ устенъ сама дышала смерть,
Гигантъ стоглавый сей, ругавшійся богами, —
Дерзнулъ, бросая огнь изъ пламенныхъ очей,
Воссѣсть противъ судебъ всесильнаго Зевеса; —
Но громъ, недремлющій ни днемъ, ни средь ночей,
Низринулъ буйнаго во пропасти Айдеса!

Пронзенный, попалсп губительнымъ огнемъ,
Безсильный трупъ его простертъ подъ брегомъ моря,
Гдѣ Этна возлежитъ всей тяжестью на немъ.
На высотѣ ея, Вулканъ, съ вѣтрами споря,
Сѣдитъ — и самъ кусетъ разженный имъ булатъ.
Оттуда, нѣкогда въ свирѣпости ужасной,
Потоки пламенны, пролившись, истребятъ
Долины злачныя Сицилін прекрасной... (1)

Таже природа, коею плѣнялись Греки, плѣняла и меня; но зданіе человѣковъ, не смотря на великолѣпіе онаго, разрушено и ежедневно исчезаетъ. Какъ не обратишь вниманіе на стремленіе Древнихъ изучивать природу? Глубоко проникнутые ея красотами, они находили въ ней идеалъ прекраснаго, дышащій въ ихъ произведеніяхъ; они всячески старались сблизить себя съ *высокимъ* въ природѣ; въ ней они находили источники великихъ дѣлъ. Всѣ ихъ храмы, всѣ ихъ общественныя зданія воздвигнуты или на живописныхъ скалахъ, или на берегу необозримаго моря, или близъ шумящихъ водопадовъ, или въ таинственномъ мракѣ лѣсовъ. Одна Сицилія являетъ тому примѣры, храмами Агригента, амфитеатрами Сиракузъ и Сегеста, храмами на горахъ Эрикѣ, Эрктѣ, Капальфано, Чефалу, Пелорѣ — и наконецъ, театромъ на превосходныхъ скалахъ Таормины.

Насладясь великимъ зрѣлищемъ изъ внутренности театра, я вышелъ наружу, и обойдя окруж-

(1) Esch. Prometh. v. 351 — 372. (Переведено съ Латин. перелож.)

ныя галлереи, (1) сѣлъ на гранитной громадѣ, склоненной надъ бездною моря; она составляетъ самый конечный пунктъ горы *Таврa*; — и тогда мнѣ представился вдвое обширнѣйшій видъ. Кромѣ несравненнаго вида Этны и почти всего восточнаго берега Сициліи, мнѣ открывался вѣчно-бушующій проливъ Фаросскій, и черныя скалы мыса *Алессо*. Сей послѣдній и противулежащій на берегахъ Калабріи *Капо дель-Арми* (Capo dell'Armi), примѣтно съуживали море. Подомною, въ страшной глубинѣ, волны разбивались объ груды обломившихся скалъ. Чрезвычайная глубь моря въ семъ мѣстѣ обозначалась чернотою волнъ. Обратя взоры нѣсколько правѣе, я видѣлъ всю Таормину, сѣдящую на уступахъ скалъ, посреди садовъ. Ряды аркадъ Греческой Гимназіи, четвероспороннія башни, восходящіе и понижающіеся одинъ за другимъ домы, пальмы, кипарисы и платаны даютъ Таорминѣ совершенную оптѣнку городовъ древности. Надъ нею высоко восходятъ по лазури неба три скалы, превышающія одна другую и созданныя для кисти живописца. Всѣ сіи три скалы, исключая той части оныхъ, на которой основанъ театръ, увѣнчаны замками Сарациновъ и къ нимъ проложены извивленныя стези. Отъ самой подошвы города, скалы спускаются круто къ низменнымъ садамъ

(1) Я замѣтилъ шамъ нѣсколько крѣпостныхъ зубцовъ и амбразуръ, кои доказываютъ, что сей театръ въ средніе вѣка былъ укрѣпленъ.

Джардини, коихъ свѣжая зелень одѣваетъ прелестною опушкою весь мысъ древняго Наксоса и всѣ заливы до Ачи-Реаля, чьи башни хорошо видны; далѣе, различается даже Катанія. Отсюда можно замѣтить три пояса Этны, кои пріемлютъ разныя оттѣнки по теченію времени дня. Къ югу, Эгейское море сливается съ горизонтомъ.

Сидя на сей конечности Таорминскихъ скалъ, я невольно воображалъ Платона, на высотѣ мыса Суніума, когда окруженный своими учениками, онъ объяснялъ имъ вѣчный законъ Природы, при шумѣ бушующаго моря и при блескѣ молній. — Платонъ посѣщалъ два раза сей островъ, и вѣроятно, во время долгаго пребыванія на ономъ, скалы Тавра не ускользнули отъ вниманія сего пламеннаго обожателя природы. Безъ сомнѣнія онъ долженъ былъ отдать имъ преимущество предъ знаменитымъ мысомъ своего отечества. О! какъ желалъ бы я видѣть на семъ мѣстѣ, сего великаго Философа, а болѣе еще — читать въ душѣ его, въ тѣ торжественные часы, когда стѣсненное между Италіею и Сициліею море, начинаетъ вздымать яростныя свои волны отъ налетѣвшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ вѣтровъ; когда берегъ дрожитъ отъ ихъ ударовъ, когда мракъ ночи запимѣваетъ, среди свѣтлаго дня, горизонтъ неба, и когда наконецъ громы и огни небесные, согласясь съ громами и молніями ревущей Этны, озаряютъ двоякимъ пламенемъ своимъ падающихъ

ницъ смертныхъ! ... Что чувствовала тогда небесная душа его?...

Я провелъ почти половину дня на семъ мѣстѣ и привѣтствовалъ отсюда прощальнымъ взоромъ волшебный берегъ Сициліи, который я оставлялъ, можетъ быть, на всегда; но я утѣшалъ себя внутреннимъ обѣщаніемъ вновь посѣтить оный при первомъ удобномъ случаѣ.

Illic vivere vellem
Oblitus . . .
Neptunum procul é terra spectare furentem.
(*Horat. Epist.* XI, L. I.)

Послѣ сего, я уже довольно равнодушно осматривалъ, по приглашенію Чичерони, остальныя древности Таормины. Необыкновенныя красоты природы, коими я наслаждался поутру, были все еще въ глазахъ моихъ... Я посѣтилъ древнюю Гимназію, водохранилище и остатки одного храма, служащіе основаніемъ церкви Св. Панкратія.

Гимназія обращаетъ на себя вниманіе прекраснымъ рядомъ высокихъ аркадъ, промежду коихъ сдѣланы ниши, заключавшія вѣроятно статуи. Зданіе сіе имѣетъ 60 тоаз. въ длину и 24 въ ширину; часть древней стѣны соединена съ новыми зданіями, такъ, что трудно разобрать цѣлость построенія. Апельсинныя деревья окружаютъ сію Гимназію и даже растутъ на длинной террасѣ ея, обнесенной перилами: — все это, взятое вмѣстѣ, образуетъ прекрасный садъ. Здѣсь юношество *Тавроменіума* упражнялось въ играхъ, для развертыванія тѣлесныхъ способностей.

Водохранилище, также осѣненное апельсинными и лимонными деревьями, изсѣчено при подошвѣ скалъ. Оно образуетъ большое четвероспороннее зданіе во 120 фут. съ небольшимъ, длиною и въ 30 ф. шириною, и заключаетъ въ себѣ также нѣсколько аркадъ; туда сходятъ по лѣстницѣ, и тамъ видны еще слѣды водопроводовъ. Все это выстроено изъ кирпичей, коихъ известь замѣчательна по своей необычайной крѣпости: она тверже нашихъ кирпичей. Водохранилище сіе приносило большую пользу городу, избавляя жителей отъ труда доставать воду съ низменнаго берега, — и служитъ доказательствомъ роскоши Тавроменитянъ. Мраморъ, извлекаемый изъ здѣшнихъ скалъ, славился въ древности. Можно приписать ломкѣ онаго, тѣ пещеры, которыя видны въ скалахъ сего берега до мыса Алессо.

Даже гробницы Древнихъ носятъ на себѣ слѣды великолѣпія; развалины оныхъ видны неподалеку отъ театра, спустясь къ восточной сторонѣ; одну изъ сихъ гробницъ, весьма обширную, показываютъ близъ мрачнаго грота Св. Леонарда. Сей Святый былъ изъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства и какъ говорятъ, обитадъ въ этой пещерѣ; но подалѣе къ сѣверу, на широкой платформѣ видно большее число подобныхъ памятниковъ, которыя почти всѣ четырехсторонніе; это было поле мертвыхъ (necropolis); въ иныхъ замѣтны пилястры и слѣды барельефовъ; въ другихъ видны ниши для пепельныхъ урнъ; каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ прахъ цѣлаго

семейства; нѣсколько кипарисовъ, какъ бы нарочно, растутъ здѣсь. Можетъ быть, сіе мѣсто служило Тавроменитянамъ вечернею прогулкою;— можетъ быть, отсюда они любили глядѣть на заходящее солнце, размышляя о жизни и смерти. Мы видимъ въ Помпеѣ, при входѣ въ городъ, ряды гробницъ, межъ коихъ находятся круглыя скамьи для отдохновенія прогуливающихся. Я помню на одной изъ нихъ надпись, въ которой названъ Консулъ, соорудившій скамью сію для *удовольствія граждан* — и гдѣ же? на кладбищѣ. Теперь подъ сводами нѣкоторыхъ гробницъ Таормины обитаютъ пастухи, и часто укрываютъ въ нихъ отъ зноя, стада свои.

Близъ сего мѣста находится много волканическаго песку (puzzolana); безъ сомнѣнія, это слѣды одного изъ страшнѣйшихъ изверженій Этны, коей пепелъ осыпалъ Таормину. Это не удивительно, когда мы вспомнимъ свидѣтельство нѣкоторыхъ писателей, утверждающихъ, что вѣтеръ разносилъ пепелъ Этны не только въ Мальту, но даже и на берегъ Африки! Вѣроятно, что сей волканическій песокъ покрылъ скалы Таормины во время того ужаснаго изверженія, о коемъ говоритъ Плиній сими словами: Favilla, Tauromenium et Catanam usque pervenit fervens, т. е. горящія искры Этны достигали Тавроменіума и Катаны. (1)

Тавроменіумъ основанъ Греческимъ вождемъ Андромахомъ и населенъ жителями Наксоса, по

(1) Lib. III. Cap. 8.

истребленіи сего послѣдняго Діонисіемъ Тираномъ; онъ славенъ въ Исторіи Сициліи болѣе всего тѣмъ, что первый водрузилъ знамя свободы, принявъ въ стѣны свои Тимолеона, когда сей герой приплылъ съ самымъ малымъ числомъ храбрыхъ сограждан (1) по зову Сиракузянъ, для избавленія ихъ отъ ига тирановъ и Карѳагенцевъ. Окружные города долго не рѣшались взять сторону Тимолеона; но добродушный Андромахъ, владѣвшій тогда Тавроменитянами, успѣлъ преклонить на сей подвигъ сосѣдей. Исторія повѣствуетъ, что Карѳагенскіе послы пришли съ угрозами къ Андромаху, и что главный изъ нихъ, отходя отъ него безъ успѣха, показалъ ему горсть своей руки и потомъ перевернулъ оную, выражая тѣмъ, что городъ будетъ низпровергнутъ. Вождь Тавроменитянъ улыбнулся, и показавъ посламъ, ихъ галеру, сдѣлалъ рукою тотъ же знакъ, какъ и они. Тавроменіумъ, по словамъ Діодора, заселился во время нашествія Имилькона, — первобытными Сиканами. Въ послѣдствіи, Императоръ Августъ поселилъ въ немъ Римскую колонію. Въ 893 году онъ былъ сожженъ Сарацинами, а въ 968 году Калифъ Ал-Муецъ, послѣ 7 съ половиною мѣсяцевъ осады, разрушилъ почти до основанія сей городъ, который изъ всѣхъ городовъ Сициліи, послѣдній сдался Сарацинамъ. Сіе мѣсто всегда было важнѣйшимъ военнымъ пунктомъ въ древнія и новыя войны, по причинѣ неприступныхъ скалъ, коими сама природа заградила здѣсь пути.

(1) Тимолеонъ приплылъ съ тысячью воиновъ.

Спускаясь съ противной стороны Таорминскихъ скалъ, Этна перестаетъ уже быть главною цѣлію картинъ Природы — и другіе виды ожидаютъ путешественника. Спускъ съ сихъ крутыхъ скалъ весьма пруденъ и живописенъ; нависшіе кусты розмариновъ, агнусъ-каспусовъ и разныя деревья, защищаютъ путника отъ солнца. На низменномъ берегу ожидаютъ его мирныя уединенія, свѣжая тѣнь и виноградники. Впереди возвышаются грозныя скалы мыса Алессо; шумящее море стелется по берегу, вдоль коего идетъ путь, начинающій становиться песчанымъ; на востокѣ встаютъ изъ волнъ, болѣе и болѣе, берега Калабріи.

Уже вечерѣлъ день, когда мы начали подыматься на скалы Алессо, древній *Аргиніумъ*. — Я описалъ въ первой части сего Путешествія мрачный видъ ихъ съ моря. Утверждаютъ, что къ сему ужасному мысу, попокъ моря прибиваетъ обломки тѣхъ судовъ кои поглощаются Харибдою или разбиваются объ скалы Сциллы. По сей причинѣ, Греки называли сіе мѣсто Κοπρία, т. е. навозная куча. (1) — Чѣмъ болѣе мы подымались, тѣмъ страшнѣе становился видъ на бездны моря и порывистѣе крутизна скалъ; — изъ трещинъ ихъ выростаютъ Индѣйскія фиги и алоэ. Достигши въ усталости вершины, мы спѣшились, чтобъ отдохнуть подъ стѣнами Сарацинскаго замка, нависшаго вмѣстѣ со скалою надъ моремъ; — послѣд-

(1) Cluv. pag. 67. — Senecca. Cons. ad Marc.

ніе лучи солнца догорали на зубцахъ его, и мы глядѣли на зарю гаснущую за цѣпью Пелорскихъ горъ. Къ югу шпицы Таорминскихъ скалъ съ своими замками и театромъ отличались живописными линіями; а за ними Этна высилась необъятною пирамидою синяго цвѣта; клубы ея дыма принимали розовой цвѣтъ зари. Вся окрестность уже одѣта была вечерними тѣнями, но день царствовалъ еще на вершинѣ волкана.

Мысъ Алессо, послѣ Таорминскаго, есть второй неприступный, образованный природою, дефилей, на восточномъ берегу Сициліи; здѣсь горсть храбрыхъ остановитъ армію. Сей островъ вообще представляетъ всѣ способы для оборонительной войны, къ чему также весьма способствуетъ несуществованіе дорогъ. Въ глубокіе сумерки, не безъ опасности, спустились мы съ крутизнъ мыса Алессо, и ночевали въ деревнѣ Св. Петра.

На разсвѣтѣ продолжали мы путь. Вскорѣ обратилъ наше вниманіе потокъ, называемый: *fiume di Nisi* (*Низи*), это *Хризоттоасъ* (*Chrysotoas*) Древнихъ, который, подобно *Гермусу*, катилъ въ струяхъ своихъ золото. Нынѣ руды сего металла находящіяся въ окрестностяхъ, почти совершенно изсякли. Одинъ Сицилійскій писатель (1) говоритъ, что гранитныя колонны Мессинской соборной церкви были вызолочены, во время Рогера, золотомъ изъ рѣки *Низи*, съ намѣреніемъ посвятить первое откритіе въ семъ родѣ, Божеству; но въ

(1) Bonnani. Stor. Crit. Sicil. pag. 235.

послѣдствіи времени работы были прекращены. Можно назвать рѣку Низи, основою Сицилійскихъ рудниковъ; *Савока*, *Лимина*, *Новара*, *Фондакела*, *Рока-Люмера* суть главныя мѣста, гдѣ производятся работы. Серебряная руда имѣетъ много отраслей, изъ коихъ обильнѣйшая, носитъ названіе *Св. Карла*. Въ сихъ окрестностяхъ находится также много мѣдныхъ, свинцовыхъ и квасцовыхъ рудъ, исполненныхъ маркасита, антимоніи, арсеника, сѣры и другихъ подобныхъ полуметалловъ. Тутъ была также нѣкогда золотая руда, которая сохранилась только въ преданіяхъ; болѣе всего извлекаютъ отсюда квасцы.

Мы еще разъ были пріятно затруднены скалами мыса *Скалетты*, также увѣнчанными замкомъ; видъ оттуда нѣсколько подобенъ виду съ мыса Алессо и также не ускользнетъ отъ живописца. Отсюда путь нашъ шелъ вдоль холмовъ, принадлежащихъ цѣпи Пелорскихъ горъ; они возвышались одинъ изъ-за-другаго, покрытые по большой части оливковыми рощами и оживленные селеніями. Увидя на песчаномъ берегу моря нѣсколько шалашей, мы приняли ихъ за жилища рыбаковъ, но то были недавно открытыя минеральныя воды. Нѣсколько глубокихъ ямъ, вырытыхъ на самомъ краю берега, наполнены цѣлебною водою; ямы обиты досками и прикрыты навѣсомъ. Мы опивѣдывали отъ сихъ источниковъ: они имѣютъ сѣрный вкусъ и довольно горячи, межъ тѣмъ, какъ волны моря едва не заливаютъ ихъ. Весь сей берегъ основанъ на подземныхъ горнилахъ.

Песчаный береговой путь, на коемъ солнце дѣйствовало еще сильнѣе, начиналъ уже насъ утомлять; но вскорѣ, прилежащія къ Мессинѣ веселыя селенія, стали оживотворять насъ тѣнью своихъ апельсинныхъ садовъ; запахъ отъ сихъ прекрасныхъ деревъ возвѣщаетъ ихъ издалека; я любовался то сими роскошными садами, то трудами жителей, занятыхъ сборомъ шелковичныхъ червей; то переносилъ взоры чрезъ сверкающій проливъ на цвѣтущіе берега Калабріи, гдѣ виднѣлся городъ Реджіо, — и такимъ образомъ нечувствительно въѣхали мы въ веселое предмѣстіе Мессины, которая вновь приняла насъ въ свои стѣны, и отъ куда должны мы были отплыть изъ Сициліи.

ГЛАВА XXXV.

Мессина.

Dextrum Scylla latus, laevum implacata Charybdis
Obsidet . . .

(*Virg. Aen.* III.)

Основателями Мессины были первобытные жители Сициліи, — Сикулы; отъ нихъ городъ сей получилъ названіе *Занклѣ*, происходящее отъ слова: *Загелонъ*, что значило на ихъ языкѣ *крюкъ*; потому, что песчаный мысъ, образующій здѣшнюю гавань, походитъ на косу. (1) Загелонъ (Ζάγελον) значитъ по-Гречески: *коса*, и Миѳологи думали, что коса Сатурнова найдена была въ Мессинѣ. Подобно Риму, Занклъ сооруженъ толпою разбойниковъ; они дѣлали частыя нападенія на противулежащіе берега Италіи, равно какъ и на колоніи Сицилійскія. Безопасная гавань, чудесно образованная самою природою, была ихъ убѣжищемъ, которое они оградили грубо-сооруженными стѣнами. Въ послѣдствіи, городъ населился Колхидійцами и Эвбейцами; за ними послѣдовали Іонійцы, изгнавшіе своихъ предшественниковъ. Наконецъ, Мессинезецъ Анаксилаъ, сдѣлавшись *тираномъ* противулежащаго города Регіума, завладѣлъ и Занкломъ, переимено-

(1) Thucyd. и Strab. Lib. 6.

вавъ оный: *Мессаной*, въ память своего отечества; но въ 524 году, вышедшіе изъ Кампаніи Мамертяне, по зову тирана Агафоклеса, — завладѣвъ Мессаной, назвали оную *Мамертиною*; а напослѣдокъ, Римляне возвратили городу названіе *Мессаны*, которое сохранилось и доселѣ.

Я долженъ теперь кончить начатое мною описаніе Мессины. Слава сего города заставляла меня думать, что я найду въ немъ много достопамятностей; но ужасныя землетрясенія, болѣе чѣмъ оружіе Карѳагенцевъ и Римлянъ или пожары варваровъ среднихъ вѣковъ, изгладили всѣ слѣды его древности. Не меньшее злополучіе, чума 1575 г. похитила 65,000 человѣкъ жителей, такъ, что нынѣ считаютъ оныхъ не болѣе 40,000, межъ тѣмъ, какъ до ужасной эпохи 1575 г. было ихъ болѣе 100,000.

Одни токмо имена храмовъ: *Геркулеса-Мантиклуса*, (1) *Нептуна*, *Юпитера Мамертинскаго* и *Поллукса*, дошли до насъ; но слѣды ихъ совершенно изгладились. Иные полагаютъ, что храмъ Геркулесовъ находился тамъ, гдѣ нынѣ церковь *Флорентинцевъ*; храмъ Нептуновъ замѣненъ церковью *Анунціады*, Юпитеровъ Бенедиктянскою церковью *Св. Григорія*, а Поллуксовъ церковію *Св. Филиппа Аргирскаго*. (2)

Свирѣпый Гимильконъ, Карѳагенскій полководецъ, ожесточенный долгою осадою сего города

(1) Прозваніе Мантиклуса происходитъ отъ имени вождя колоніи Мессенесцовъ, пришедшей 664 года до Р. Х.

(2) Bonfiglio (G. C.) Stor. Sicil. Mess. 1738.

и неудачею войны, излилъ на него все свое мщеніе (399 л. до Р. Х.): онъ не только сжегъ все то, что могло быть сожжено, но велѣлъ размешать камни многихъ зданій и умертвить всѣхъ жителей, такъ, что если вѣрить Плутарху, одинъ только гражданинъ спасся, мужественно переплывъ бурный проливъ Фаросскій. И такъ, неудивительно, что памятники древности Мессаны не дошли до насъ. Послѣ сего разрушенія, городъ возставалъ весьма медленно; однако при Римлянахъ, Мессина составляла уже большой портовой и укрѣпленный городъ, важный по своему природному мѣстоположенію; но въ немъ не видно было уже роскоши Сиракузъ, Агригента, Капаны и другихъ знатныхъ городовъ Сициліи. Слова Цицерона о Мессинѣ могутъ быть приноровлены къ теперешнему ея положенію: „Мессина, говоритъ онъ, зна„менитая своимъ мѣстоположеніемъ, укрѣпленіями „и гаванью, совершенно лишена произведеній ро„скоши, кои могли бы прельстить жадные взоры „Верресса (1).“ Но въ его время, домъ одного первѣйшаго гражданина Мессины, Каія Геія (C. Heius) считался на ряду съ Царскими чертогами и его то богатства были заграблены гнуснымъ Верресомъ во время его преторства въ Сициліи. К. Геій имѣлъ, между прочимъ, во внутреннихъ своихъ комнатахъ алтарь, гдѣ по обыкновенію Древнихъ, хранились боги Пенаты, переходившіе изъ рода въ родъ. Тамъ показывали чужеземцамъ за диво, четы-

(1) Cic. Verr. act. II, Lib. IV, Cap. II.

ре изящнѣйшія статуи, равно плѣнявшія незнающаго, какъ и знатока. (1) Первою изъ нихъ былъ мраморный купидонъ, работы Праксителя; противъ него стоялъ бронзовый Геркулесъ, Мирона; жертвенники, курившіеся передъ каждымъ изваяніемъ, показывали святость сего мѣста. Другія двѣ статуи, не очень большія, но превосходной красоты, также бронзовыя, были работы Поликлета; ихъ черты лица и одежда, являли юныхъ Аѳинскихъ дѣвъ, поддерживающихъ стоящія на ихъ главахъ священныя корзины, называемыя *канефорами*.

К. Клавдій, празднуя въ Мессинѣ съ большимъ великолѣпіемъ свое эдильство, занималъ сего купидона на все время торжества, для украшенія форума, въ честь боговъ и Римскаго народа.

Единственный остатокъ древности въ Мессинѣ есть небольшой сводъ въ видѣ воротъ, сложенныхъ изъ большихъ камней; — онъ называется попынѣ: *porta Romana* (Римскія ворота.) Сіи ворота находятся близъ набережной, въ предмѣстіи, называемомъ: *pescaria*; они ускользнули отъ вниманія всѣхъ путешественниковъ.

Не смотря на несмѣтныя потери Мессины, во время частыхъ и ужасныхъ землетрясеній, она представляетъ прекрасный городъ. Улицы ея: strada d'Austria, strada Ferdinanda, strada Maestra, всѣ вымощенныя широкими плитами, — и пять или шесть богатыхъ площадей, ставятъ ее на

(1) Слова Цицерона. (Ubi supra.)

ряду съ лучшими городами Европы; въ особенности удивляютъ взоръ остатки великолѣпнаго зданія, называемаго: Палацата (*Palazzata*), которое, въ видѣ одного цѣльнаго зданія, простиралось болѣе нежели на версту, (1700 шаговъ) занимая весь фасъ прелестной набережной, отъ арсенала до *bassa porta Imperiale*. Зданіе сіе, воздвигнутое Вице-Королемъ Сицилійскимъ, Принцемъ Эммануиломъ Филибертомъ Савойскимъ, въ 1662 г. превосходило величиною всѣ построенія новѣйшей архитектуры. Нѣсколько аркадъ, въ корпусѣ онаго, ведутъ въ улицы Мессинскія; хотя оно возобновляется уже нѣсколько лѣтъ, на развалинахъ стараго зданія, разрушеннаго землетрясеніемъ 1783 года; но представляетъ токмо, какъ бы тѣнь, перваго; не менѣе того, оно прекрасно. Первое, возвышалось въ 5 этажей самой роскошной архитектуры; а новое, имѣетъ только два, въ предосторожность отъ землетрясеній. Въ новыхъ строеніяхъ, связи брусьевъ, дѣлаются теперь иначе, какъ прежде; они должны препятствовать балкамъ выходить изъ мѣстъ своихъ во время потрясенія, отъ чего ускорилось паденіе стѣнъ.

Арсеналъ хотя также полу-возобновленный, заслуживаетъ вниманіе своимъ устройствомъ; но онъ не вооружаетъ уже громоносящихъ кораблей; хотя еще видѣнъ здѣсь доселѣ, на нѣкоторыхъ древнихъ пушкахъ, грозный девизъ: *Habet sua fulmina Zancle!* (т. е. Занклъ имѣетъ свои перуны). Къ арсеналу прилежитъ прекрасная прогулка вдоль набережной, въ тѣни апельсинныхъ деревъ, —

называемая: *terra nuova* (новая земля). Крѣпость С. Салвадора выстроена Испанцами послѣ бунта Мессинезцевъ и построена болѣе для того, чтобъ властвовать надъ городомъ, чѣмъ защищать оный. Впрочемъ Мессина не должна опасаться осады съ моря. Никакой флотъ не можетъ устоять въ проливѣ отъ силы теченія. — Соборъ также потерпѣлъ отъ землетрясенія; колокольня его обрушилась, но главное зданіе сохранилось. Вкусъ средняго вѣка знаменуетъ его готическую архитектуру, которая имѣетъ нѣкоторое величіе. Онъ построенъ, слѣдуя инымъ преданіямъ, Велизаріемъ; а по другимъ — Рогеромъ. Входя во внутренность, ряды гранитныхъ колоннъ, поддерживающихъ аркады, обращаютъ на себя взоръ; они-то суть единственный остатокъ древняго *Занкла*, и принадлежатъ одному изъ его бывшихъ храмовъ. Сводъ надъ алтаремъ составленъ изъ мозаиковъ, изображающихъ, среди богатой позолоты, въ колоссальномъ видѣ, Бога-Отца, окруженнаго Ангелами. Сія работа есть произведеніе временъ *Западной Имперіи*, и походитъ на ту, которая украшаетъ фронтонъ церкви Св. Павла въ Римѣ. (1) Въ Мессинскомъ соборѣ алтарь замѣчателенъ по своему богатству; агаты, лаписъ-лазури, яшмы и самые рѣдкіе мраморы изпещряютъ его.

Совѣтую не забыть осмотрѣть находящуюся подъ сводами собора древнюю часовню. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ остатковъ готиче-

(1) Сія великолѣпная церковь истреблена недавно пожаромъ.

скаго вкуса; ряды короткихъ колоннъ поддерживаютъ нависшія на нихъ съ обѣихъ сторонъ арки. Сіи арки изпещрены узорчатыми барельефами, въ коихъ заключаются изображенія Ангеловъ и Святыхъ. Во всѣхъ сихъ украшеніяхъ столько гармоніи, столько величія и даже столько вкуса, что картина сія останется въ воображеніи вашемъ; она пробуждаетъ романтическія воспоминанія. Одна только лампада, теплющаяся передъ древней иконой Мадоны, озаряетъ это святилище. Здѣсь, уклонясь отъ взоровъ, храбрые сыновья Танкредовы приносили свои обѣты и возсылали мольбы за пораженіе Сарациновъ; но болѣе пяти столѣтій протекло съ той поры, какъ они уже не приходятъ сюда. . . . Свѣжіе вѣнки розъ, украшающіе алтарь, — обѣтъ какой нибудь страстной четы, — замѣняютъ теперь мечи и знамена пораженныхъ Сарациновъ. — Соборъ сей посвященъ: *Мадоннѣ съ письмомъ* (*Madonna della lettera*,), по слѣдующей причинѣ, показывающей духъ вѣры и суевѣрія народа. Древнія хроники Мессины свидѣтельствуютъ, что Св. Павелъ былъ въ семъ городѣ; (хотя въ дѣяніяхъ Апостоловъ сказано, что Св. Павелъ прибывъ изъ Мальты въ Сиракузы, отплылъ оттуда въ Регіумъ); но — по близости мѣста, могло случиться, что онъ посѣтилъ Мессину; — и такъ, повѣствуютъ, что Св. Павелъ произнесъ здѣсь двѣ рѣчи во славу Іисуса и Матери Его; тронутые Мессинезцы отправили посла въ Іерусалимъ къ Пресвятой Богородицѣ, съ просьбою принять ихъ подъ Свой покровъ. Сіе повѣствованіе, хотя

и вымышленное, прогаетъ сердце простосердечною вѣрою народа, коему внушили сіе до такой степени, что оный по сіе время не сомнѣвается въ истинѣ событія; но это еще не все: утверждаютъ, что въ алтарѣ собора хранится своеручный отвѣтъ Пресвятой Дѣвы, Мессинезцамъ (на Еврейскомъ языкѣ), при коемъ Она посылаетъ имъ локонъ своихъ волосъ. — Я увѣренъ, что читатели останутся довольными прилагаемою здѣсь выпискою сего письма, съ коего переводъ на Латинскомъ языкѣ, вырѣзанъ на доскѣ, позади престола.

Epistola, juxta antiquam et piam traditionem, Virginis Mariae ad Messanenses.

Maria Virgo, Ioachim filia, humilis ancilla Dei, Christi Iesu crucifixi Mater, ex tribu Iuda, stirpe David, Messanensibus omnibus salutem et Dei Patris Omnipotentis benedictionem.

Vos omnes fide magnâ legatos ac nuncios per publicum documentum ad nos misisse constat: filium nostrum Dei Genitum Deum et hominem esse fatemini, et in coelum post suam resurrectionem ascendisse, Pauli Apostoli electi praedicatione mediante viam veritatis agnoscentes, ob quod vos et ipsam civitatem benedicimus, cujus perpetuam protectricem nos esse volumus.

Посланіе Пресвятой Маріи Дѣвы къ Мессинезцамъ, слѣдуя древнему и набожному преданію.

Марія Дѣва, дщерь Іоахимова, смиренная раба Божія, Матерь Іисуса Христа распятаго, отъ колѣна Іудина и сѣмени Давидова: миръ вамъ, всѣмъ Мессинезцамъ и благословеніе Всемогущаго Бога Отца!

Подвигнутымъ силою вѣры, вамъ, общимъ сословіемъ, прославившимъ ко Мнѣ посла, исповѣдающимъ Моего Сына Господа и Богочеловѣка, восшедшаго на небо по воскресеніи Своемъ; вамъ, познавшимъ пути истины посредствомъ благовѣствованія избраннаго Св. Апостола Павла, посылаю благословеніе, равно какъ и граду вашему, — соблаговолля быть навсегда Покровительницею онаго.

Ex Hierosolymis, anno Filii nostri XLII, ind. I. nonas Junii, lunâ XXVII feriâ V.	Изъ Іерусалима, въ лѣто Сына Нашего XLII, I-го инд. Іюня 9-го, въ XXVII луну, въ V недѣльный день.

Не смотря на суевѣріе Сицилійцевъ, нельзя не замѣтить, не токмо въ нихъ, но вообще во всѣхъ жителяхъ Италіи, особеннаго нѣжнаго чувства въ почитаніи Пресвятой Богородицы. Во всѣхъ несчастіяхъ, Святая Дѣва есть первое ихъ прибѣжище; съ утѣшительнымъ именемъ Ея въ устахъ и съ изображеніемъ ея на груди, они подвизаются на всѣ опасности. — Я помню, какъ однажды завлеченный красотами природы, я сбился съ дороги въ Аппенинахъ, — и нашелъ на одной пропинкѣ, бѣдную часовню съ образомъ Мадонны: тамъ я прочелъ на стѣнѣ, слѣдующую простую, но трогающую сердце, надпись:

O passegier, chi và per questa via,
Non ti scordar di salutar Maria!

т. е.

„О путникъ, проходящій сею дорогою, не позабудь привѣтствовать Марію!“

Я имѣлъ уже случай сказать нѣчто о праздникѣ Мессинезцевъ въ день Успенія Богомапери, называемый: festa della Vara или *Bara* (1); оный столь же страненъ, какъ и праздникъ Св. Розаліи; но менѣе великолѣпенъ. Кромѣ сего празднества, въ Мессинѣ, совершаются еще многія другія, съ большимъ шумомъ и при безчисленныхъ зал-

(1) Bara, по Сицилійски: *Vara* — гробница.

пахъ изъ карабиновъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ежегодно строили въ бассейнѣ водомета, на площади Св. Іоанна Мальтійскаго, маленькую галеру, богато убранную, въ память слѣдующаго происшествія: — Когда-то, около времени празднества *Вары*, Мессина претерпѣвала голодъ; всѣ церкви были открыты для принесенія мольбы,— и въ слѣдъ за симъ, на разсвѣтѣ, прибыло въ Мессинскій портъ нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ, который тотчасъ былъ сторгованъ и взятъ Правительствомъ; но когда дошло дѣло до платежа, то не нашли ни продавцевъ, ни кораблей.

Здѣсь въ обыкновеніи одинъ весьма непріятный обрядъ для умноженія доходовъ монаховъ, (кои составляютъ четвертую часть жителей города): Поворачивая изъ одного глухаго переулка, вдругъ предсталъ передо мною человѣкъ, накрытый чернымъ покрываломъ, на которомъ было два отверстія для глазъ; — онъ держалъ въ одной рукѣ черепъ; а другою подносилъ мнѣ кружку съ надписью: *для душъ страждущихъ въ чистилищѣ*. Я на силу могъ отвязаться отъ сего живаго привидѣнія, давъ ему одинъ карлинъ. Сіе сословіе побирающихся монаховъ, пугаетъ часто непривыкшихъ къ нимъ, чужеземцевъ.

Мессина имѣетъ много полезныхъ заведеній. Госпиталь, управляемый знатнѣйшими гражданами, содержится въ большомъ порядкѣ. Меня увѣряли, что оный имѣетъ ежедневно 1 ротолъ золота, доходу (1) (1 ф. $\frac{5}{4}$). Замѣчательно также

(1) Или 30 зол. дублоновъ.

устройство здѣшняго карантиннаго лазарета. Здѣсь есть три или четыре Заемныхъ Банковъ: одинъ изъ нихъ довольствуется только тремя процентами. Въ числѣ учебныхъ заведеній, я назову Королевскій Институтъ, (уступающій однако Палермскому и Катанскому Университетамъ; но не менѣе того въ хорошемъ состояніи) и еще шесть или семь частныхъ учрежденій для воспитанія.

Нашъ Консулъ г. Юлинецъ, коего привѣтливость и любезность сдѣлали пребываніе наше въ Мессинѣ весьма пріятнымъ, познакомилъ насъ съ достопочтеннымъ Епископомъ города, г-мъ Грани, извѣстнымъ въ Сициліи своею ученостію и любовію къ отечеству, коему онъ былъ полезенъ во многихъ важныхъ случаяхъ. Его совѣты и рекомендательныя письма много послужили намъ въ путешествіи по восточной Сициліи. Мы нашли у него рѣдкую библіотеку и прекрасное собраніе картинъ многихъ художниковъ Италіи и Сициліи.

ГЛАВА XXXVI.

Мессина.

Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой,
Тамъ море движется роскошной пеленой,
Подъ голубыми небесами.
(*А. Пушкинъ.*)

Большая часть Мессинскихъ гражданъ заняты торговлею, такъ, что здѣсь видно мало праздныхъ. Сіи послѣдніе живутъ обыкновенно въ Палермѣ и Катаніи, и потому, въ Мессинѣ путешественникъ не найдетъ тѣхъ пріятныхъ развлеченій, которыя ему представляются въ помянутыхъ двухъ городахъ. Заняты цѣлый день разсчетами, Мессинезцы, только къ вечеру позволяютъ себѣ бесѣды въ кофейныхъ домахъ за рюмкой мороженаго, — или тихую прогулку вдоль набережной, съ своими женами, дѣтьми и знакомыми. Даже сами женщины, кажется, занимствуютъ важность мужей своихъ: строже закутаны черными покрывалами; но въ обхожденіи своемъ обнаруживаютъ туже прелестную живость, свойственную Сицилiянкамъ. Набережная Мессины, также какъ и Палермская, бываетъ мѣстомъ свиданія пламенной юности; нѣсколько экипажей, изъ коихъ многіе въ весьма древнемъ вкусѣ, мелькаютъ на ней изрѣдка, прогуливая очень медленно почетныхъ граж-

данъ. Прелестный проливъ, безпрестанно покрытый летающими туда и сюда сперонарами; лѣсистыя горы Калабріи съ прилежащими къ нимъ городами и селеніями, — представляютъ живописные предметы для прогуливающихся. Въ тихую погоду ловля коралловъ или рыбы, называемой: *Spada*, весьма занимательна для зрителей. Веселые клики матрозовъ, коихъ главная промышленость состоитъ въ сей послѣдней ловлѣ, разносящся далеко по волнамъ и заставляютъ посторонних участвовать въ ихъ увеселеніи. Матрозы, стоящіе на высотѣ мачты, видятъ сквозь прозрачность воды плывущую рыбу и искусно попадаютъ въ нее дротикомъ, рыба скрывается и опять появляется окровавленная, лишенная силъ, и дѣлается добычею рыбаковъ. (1)

Но какая противуположность между сею веселою картиною и тѣми страшными минутами, когда бурные вѣтры налетаютъ съ двухъ сторонъ; когда Тирренскія и Эгейскія волны сталкиваются въ грозномъ проливѣ; горе тогда заспиженнымъ кораблямъ и судамъ! При малой неопытности, опъ стремленія волнъ Харибды, они попадаютъ на косу, образующую здѣшнюю гавань, или на скалы Сциллы.

(1) Берега Мессинскаго пролива покрываются постепенно прирастающимся каменнымъ составомъ; оный образуется тиною, пескомъ и другими веществами, наносимыми теченіемъ воды, и укрѣпляясь опъ времени, служитъ для постройки. Сей достопримѣчательный составъ называется здѣсь *пудинголи*. Ему служатъ основаніемъ раковинные слои, которые утверждены на первобытныхъ гранитныхъ слояхъ.

Чужестранные мореходцы слишкомъ осторожны, чтобъ входить въ подобное время въ проливъ; но безстрашные Мессинезцы часто представляютъ взорамъ ужасныя злоключенія. Нельзя безъ содроганія глядѣть, какъ ихъ легкія сперонары то погружаются въ бездну, то опять выбѣгаютъ изъ оной на пѣнистыя холмы моря. — Вотъ сцены, которыя происходятъ въ виду прогуливающихся по Мессинской набережной. Сіе мѣсто украшено весьма посредственными статуями Карла III, Короля Испанскаго и нынѣшняго Фединанда IV. Тутъ же сооруженъ водомегъ, украшенный изваяніемъ Нептуна, оковывающаго цѣпями, двухъ чудовищъ сихъ береговъ, Харибду и Сциллу; обѣ онѣ изображены въ видѣ женщинъ съ когтями и рыбьими хвостами: первая имѣетъ поясъ изъ разверстыхъ пастей, а вторая изъ лающихъ собачьихъ головъ. Фонтанъ сей сполъ же посредственъ, какъ и статуи; но онъ пробуждаетъ воображеніе, напоминая грозную знаменитость сего берега.

Кромѣ сей набережной, прекрасныя улицы *Австрійская*, *Фердинандова* и *Маестра* (*Maestra*) также наполняются въ сумерки прогуливающимися; позднѣе, стекаются они на Соборную площадь, и непримѣтно разсѣеваются либо по домамъ, либо въ дворянской клубъ (*casino*), который находится на сей площади. — Мущины ежедневно сбираются туда вечеромъ читать газеты, играть въ карты или ужинать мороженымъ, — а дамскія общества бываютъ тамъ токмо по Воскресеньямъ.

Однажды, я и мой товарищъ зашли гуляя съ нашимъ Консуломъ, въ кандиперскую лавку, — отдохнуть и прохладиться мороженымъ; жаръ принудилъ насъ попользоваться онымъ болѣе обыкновеннаго. Проведя съ полчаса времени въ сей лавкѣ, гдѣ было довольно многолюдное общество, мы спросили щетъ: но вообразите наше удивленіе, когда намъ сказали, что мы уже заплачены; мы спрашивали кто сей услужливый, заплатившій за насъ? но слуга отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ и что онъ уже ушелъ; — Консулъ улыбнулся, видя наше удивленіе и объяснилъ намъ, что Мессинезцы имѣютъ обыкновеніе дѣлать это съ своими пріятелями. Увидѣвъ въ кандиперской своего друга, прохлаждающагося съ обществомъ, они не показавшись ему на глаза, платятъ за него и за все общество его — и молча удаляются. Въ послѣдствіи времени мы сами оплачивали подобнымъ же образомъ добрымъ Мессинезцамъ.

На соборной площади, замѣтны бронзовая конная статуя Карла II Короля Испанскаго и близъ нея большой водометъ, обставленный разными статуями хорошей работы.

Въ Мессинѣ, лѣтній зной менѣе чувствителенъ чѣмъ въ прочихъ городахъ Сициліи, ибо вѣтры нигдѣ такъ не царствуютъ, какъ въ семъ проливѣ, гдѣ два моря порывисто сталкиваются вмѣстѣ. Но жаръ въ мое время, какъ я уже говорилъ, былъ необыкновенный; морскія бани, расположенныя на набережной, доставляютъ тогда большую отраду Купающіеся, пускаются здѣсь иногда далеко въ

море. Мессинезцы обладаютъ искуствомъ плаванія, но они удержаны бываютъ опасеніемъ рыбъ, называемыхъ: *pesci-cani* (*), которыя поглощаютъ людей. Не такъ давно сынъ одного Консула, юноша въ цвѣтѣ лѣтъ, сдѣлался добычею морскаго чудовища не подалеку отъ укрѣпленія С. Салвадора;— но онѣ никогда не приближаются къ набережной. Ловля коралловъ образуетъ въ здѣшнихъ рыбакахъ удивительныхъ нырковъ. Здѣсь прославляется еще понынѣ, въ пѣсняхъ, знаменитый *Колась*, по прозванію: *рыба*, который дерзалъ нѣсколько разъ погружаться въ неизмѣримую бездну Харибды и наконецъ погибъ, доставая во второй разъ золотую чашу, брошенную Фридрихомъ, Королемъ Сицилійскимъ. Кому неизвѣстна превосходная баллада Шиллера: der Taucher, основанная на этомъ происшествіи? Сей знаменитый нырокъ пробылъ болѣе трехъ часовъ въ водѣ; почему онъ долженъ былъ имѣть особенное образованіе въ легкомъ. По его разсказамъ, онъ видѣлъ на днѣ морскомъ, преисполненный ужаса, прилѣпленныхъ къ подводнымъ скаламъ, огромныхъ полиповъ, коихъ лапы были длиною въ нѣсколько аршинъ и могли весьма легко задушить человѣка; — равно и много другихъ неизвѣстныхъ ему чудовищъ. Колась промышлялъ ловлею коралловъ и часто питался сырою рыбою. Онъ считалъ забавою переплывать Фаросскій проливъ и какъ говорятъ, доплывалъ до Липарскихъ острововъ. Это засвидѣтельство-

(1) Словесно: *рыбы собаки* (Requins).

вано ученымъ Іезуитомъ Аѳанасіемъ Кирхеромъ, который почерпнулъ сіе въ Сицилійскихъ архивахъ своего времени (1).

Изъ числа монастырей, наполняющихъ Мессину, я замѣчу женскій монастырь Св. Григорія, находящійся на конечности города, на одномъ изъ холмовъ Пелорскихъ горъ. Кромѣ прекраснаго вида, открывающагося оттуда на Мессину, внутреннія украшенія церкви достойны вниманія. Стѣны алтаря одѣты лазуревымъ камнемъ (lapis-lazuri), расположеннымъ разными узорами. Сверхъ того, здѣсь хранится богатый покровъ, изображающій Исторію Іосифа, проданнаго братьями; надъ онымъ трудились 14 лѣтъ двѣ сестры сего монастыря; но его показываютъ токмо по большимъ праздникамъ, или по особому позволенію настоятельницы. Въ церкви Св. Іоанна Іерусалимскаго есть колодезь, коего вода, имѣя бѣловатый цвѣтъ, походитъ вкусомъ на молоко. Одинъ изъ монаховъ не преминулъ меня увѣрить, что это кровь Св. мучениковъ, убіенныхъ на семъ мѣстѣ Маврами.

Не подалеку отъ сей высоты находится другая, господствующая надъ городомъ и гдѣ возвышаются готическія развалины замка *Mata-Grifone* или *Ammata-Grifone*. Народныя преданія повѣствуютъ, что сей замокъ былъ жилищемъ Гиганта Грифона и жены его Амматы. Сіе послѣднее имя значитъ: *любезная*. Эпоху сію полагаютъ въ тѣ баснословныя времена, когда Сицилія населена бы-

(1) Ath. Kirch. Mund. subter. l. II. c. XV.

ла Гигантами. Говорятъ, что жена Грифона покровительствовала первыхъ человѣковъ, основавшихъ Мессину; она спасала ихъ отъ звѣрства своего мужа, извѣщая звономъ колокола о приближеніи гиганта. Тутъ же можно видѣть нѣсколько каменныхъ ядеръ, кои, по увѣренію просполюдимовъ, служили Грифону для игры въ кегли, называемыя здѣсь: Боссі; но въ самомъ дѣлѣ, ядра сіи суть принадлежности осадныхъ орудій Древнихъ, называемыхъ: балистами. Доселѣ еще въ праздникъ Вары прогуливаютъ по улицамъ два огромныя чучела, сидящія на лошадяхъ и изображающія Грифона и жену его.

Съ высоты сихъ развалинъ открывается самый очаровательный видъ на всю Мессину съ ея окрестностями, на проливъ и на Калабрію. Отсюда во всей красотѣ видно чудесное образованіе гавани. Какъ прелестно закругляется она по лазури моря. Взоръ узнаетъ древній *Занклѣ*. Самые большіе военные корабли стоятъ въ совершенной безопасности почти у самаго берега; позади, цѣпь Пелорскихъ горъ съ цвѣтущими рощами, восходитъ амфитеатромъ. Сколько миѳологическихъ и историческихъ воспоминаній оживляютъ это мѣсто! Сіи груды Пелорскихъ горъ взгромождены гигантомъ Оріономъ, чтобъ оградить Сицилію отъ частыхъ наводненій яростнаго моря; онъ же соорудилъ здѣсь храмъ Нептуну (1), и вспомоществовалъ

(1) Diod. Sic. Lib. IV. — Hesiod. Theog.

Царю Занклу въ построеніи города. — Здѣсь странствующій Одиссей, занесенный бурею, претерпѣлъ нѣсколько дней сряду, въ страхѣ быть поглощену чудовищами Сциллою и Харибдою, — и спасся единымъ покровительствомъ боговъ. Вотъ то мѣсто, отъ коего Геленъ предостерегалъ Энея. (1)

. . . Nimirum haec illa Charybdis;
Hos Helenus scopulos, haec saxa horrenda canebat.
Eripite, o socii, pariterque insurgite remis. . . . (2)

Глядя съ высотъ Пелора на Италію, — на сію страну славы, я невольно вспоминаю трагическое происшествіе во время Преторства вѣроломнаго Верреса въ Сициліи. Сей извергъ велѣлъ распять Римскаго гражданина Гавія, нарочно на берегу Мессины, дабы умирающіе взоры его могли видѣть Италію, мѣсто своего жилища — и какое малое пространство раздѣляетъ свободу отъ рабства; — и чтобы Италія могла также видѣть одного изъ сыновъ своихъ умирающаго смертію рабовъ. Сей несчастный, среди терзаній, вопіе съ благородною гордостью восклицалъ: „я гражданинъ Рима!“ думая обезоружить своихъ палачей (3).

(1) Virg. Aen. L. III. v. 410 — 13.

(2) Ubi supra v. 558 — 60.

(3) Cic. in Verr. L. V. Цицеронъ упоминаетъ въ семъ мѣстѣ о *Помпеевомъ пути*, находившемся за стѣнами Мессины, со стороны мыса Пелора: „crucem fixissent post urbem in *via Pompeia*.“

На конечности мыса Пелора, находятся три озерка (*Pantani*) про кои разсказываетъ такія чудеса *Солинъ* и коимъ добродушный Фацелло такъ усердно вѣритъ; — по ихъ словамъ, рыбы сихъ озеръ и птицы живущія въ окрестныхъ кустарникахъ, сами отдаются въ руки охотниковъ; — но что воды другаго озера такъ страшны, что если кто опуститъ въ нихъ руку или ногу, то немедля они дѣлаются мертвыми. (Solin: C. X.) Фацелло присовокупляетъ къ сему: „Solinus scribat, et nos experiamur.“ На семъ послѣднемъ озерѣ по свидѣтельству Солина былъ у Древнихъ сооруженъ жертвенникъ. Достойно замѣчанія, что воды сихъ озеръ имѣютъ подземное сообщеніе съ моремъ. Зимою, одно изъ оныхъ сякнетъ. Въ нихъ родятся особенной красоты раковины. Находимые въ окрестностяхъ, остатки древнихъ стѣнъ и колоннъ, суть можетъ быть слѣды знаменитаго Храма Нептунова существовавшаго около сего мѣста.

Одна изъ любимыхъ загородныхъ прогулокъ Мессинезцевъ проложена вдоль морскаго берега до башни Фарросской. Дорога туда идетъ у подошвъ Пелорскихъ холмовъ, осѣненныхъ рощами платановъ, лавровъ и апельсинныхъ деревъ, средь коихъ видны то загородный домъ, то живописная сельская часовня, то хижина отшельника . . . Деревни *Ринго*, *Св. Стефана* и другія находятся на сей дорогѣ. Сію прогулку называютъ здѣсь *paradiso*, т. е. *рай*; но среди сего рая покажутъ вамъ слѣды развалившагося зданія, которое

просполодимы называютъ: *adõ*, (*l'inferno*): не знаю, отъ чего дано такое имя сему мѣсту; но вожатый мой увѣрялъ меня, что здѣсь являются по ночамъ духи, называемые *spiriti foleti*, созданные горячимъ воображеніемъ Мессинезцевъ. Но гораздо любопытнѣе видѣть на сей дорогѣ небольшое круглое зданіе, называемое *Madonna della grotta*, которое вѣроятно есть останокъ одного изъ древнихъ храмовъ; въ прилѣжащей къ оному скалѣ, видно нѣсколько выдѣланныхъ впадинъ для урнъ или статуй. Вообще весь сей берегъ прелестенъ; онъ представляетъ самыя отрадныя убѣжища (1).

Возвращаясь съ сей прогулки, я былъ не мало удивленъ, увидя на скатѣ одной горы, на самомъ берегу моря, столпъ съ прибитыми вокругъ него человѣческими черепами; мнѣ объяснили это слѣдующимъ анекдотомъ:

Съ годъ тому назадъ, одинъ купеческій корабль, прибывшій изъ Іонійскихъ острововъ подъ Русскимъ флагомъ, стоялъ на семъ мѣстѣ на якорѣ. Калабрійскіе разбойники, переплывъ ночью, на легкихъ сперонарахъ, Фаросскій проливъ, напали на спящій экипажъ и по слабомъ сопротивленіи, завладѣли грузомъ и умертвили всѣхъ людей. Довольно долго Правительство не могло открыть слѣдовъ убійцъ: ибо всѣ подозрѣнія падали на бе-

(1) Къ югу отъ Мессины, находится деревня, называемая: *Gammari* или *Gamma*, и здѣшніе жители увѣряютъ, что названіе сіе происходитъ отъ имени Хама, сына Ноева!!

реговыхъ жителей Сициліи; но Русскій Консулъ столь рѣшительно требовалъ удовлетворенія, что наконецъ по самымъ мелочнымъ розыскамъ, истина открылась чрезъ удивительный случай: одинъ изъ убійцъ потерялъ въ смятеніи свой башмакъ; тщетно Правительство старалось по сему слабому признаку искать преступниковъ; всѣ окрестные башмачники не признавали сего башмака за свою работу; это подало поводъ распространить розыски на противулежащій берегъ Калабріи, — и наконецъ, одинъ мастеровой города Реджіо узналъ свою работу и даже назвалъ того, кому онъ дѣлалъ башмакъ. Сей первый преступникъ былъ пойманъ и открылъ своихъ сообщниковъ; — ихъ-то черепы бѣлѣютъ теперь на семъ столпѣ. Вотъ непостижимые пути Провидѣнія!

ГЛАВА XXXVII.

Калабрійскій берегъ. — Реджіо.

. . . Zancle quoque juncta fuisse
Dicitur Italiae, donec confinia pontus
Abstulit, et mediâ tellurem reppulit undâ.
(*Ovid. Met.* XV.)

Возвратъ нашъ въ Неаполь былъ уже рѣшенъ; но я желалъ видѣть до отъѣзда своего, противулежащій берегъ Калабріи, городъ Регіумъ и знаменитую Сциллу; — избравъ тихій день и попутный вѣтеръ, отплылъ я съ моимъ провожатымъ на чепырехъ-весельной рыбачьей лодкѣ. Вспомоществуемые теченіемъ моря, мы съ чрезвычайной быстротой оставили берегъ Сициліи. По мѣрѣ, какъ великолѣпная Мессина утопала болѣе и болѣе въ лазоревыхъ волнахъ, горы Калабріи теряли синеву отдаленности, обозначались рощи одѣвающія ихъ скаты, прояснялся веселый видъ селеній. Съ середины пути, я съ новымъ очарованіемъ увидѣлъ опять колоссальную громаду Этны и чрезъ часъ съ четвертью быстраго плаванья вошли мы въ гавань Регіума. Сей городъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Великой Греціи. Онъ назывался также въ нѣкоторыя времена *Phoebia*, (1) *Aschenaz*, (2) *Neptunia* и *Posidonia*;

(1) Strab. L. V, p. 258. — (2) Ios. L. I. c. VII.

но имя: *Регіумъ* есть древнѣйшее. Преданія самыхъ первыхъ вѣковъ, принятыя большею частію древнихъ Историковъ и Поэтовъ, (1) повѣствуютъ, что Италія соединена была нѣкогда въ семъ мѣстѣ съ Сициліею, но что ужасное землетрясеніе, или усилія порывистаго моря, потрясавшаго безпрестанно съ двухъ сторонъ узкій перешеекъ земли, низпровергли оный съ городами, селеніями и жителями. Преданіе сіе изобразилъ Виргилій, въ великолѣпныхъ стихахъ:

Haec loca, vi quondam, et vastam convulsa ruinâ,
(Tantum aevi longinqua valet mutare vetustas!)
Dissiluisse ferunt, quum protenus utraque tellus
Una foret; venit medio vi pontus, et undis
Hesperium Siculo latus abscidit, arvaque et urbis
Litore diductas angusto interluit aestu.

(*Virg. Aen. L.* III. v. 414—19.)

Одинъ, новѣйшихъ временъ Писатель, извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, простираетъ свои догадки еще далѣе; (2) онъ даже опредѣляетъ эпоху сего важнаго происшествія, въ царствованіе Акаста, сына Эолова, возведеннаго Сикулами на тронъ, когда Израильтяне вышли изъ Египта. Онъ основывается на Евстафіѣ, сохранившемъ сіе преданіе въ своихъ примѣчаніяхъ на Діонисія Періэгета. (3)

(1) Aesch. — Virg. Aen. L. III. — Ovid. Metam. XV. — Silius Ital. XIV. — Val. Flac. I. — Claud. de raptu Proserp. I. — Stat. III. — P. Mela. II. — Strab. VI. — Diod. Sic. IV. — Iustinus L. IV. и проч.

(2) Tanaq. Faber. l. I. epist. 14.

(3) Evstath. in Dion Perieget. Vers. 475.

Этимологія слова Регіумъ, Ῥήγιον, происходящее отъ Ῥῆξις, Ῥῆγμα, *разрывъ*, или Ῥηγνῦναι, *разорвать*, много послужило къ утвержденію сего мнѣнія. Трудно кому-либо рѣшить справедливость онаго; впрочемъ ужасныя землетрясенія, происходившія здѣсь, дѣлаютъ сіе предположеніе вѣроятнымъ.

Регіумъ основанъ около 668 л. до Р. Х., Греческою колоніею изъ Халциса, что въ Эвбеѣ. Граждане онаго приняли сначала Аристократическое правленіе; верховная власть была въ рукахъ 100 гражданъ. Безпорядки, происшедшіе въ правленіи, заставили ихъ современемъ принять мудрые законы Харондаса Катанейскаго. Это эпоха ихъ блаженства и славы, продолжавшаяся до 392 г., когда тиранъ Діонисій I-й, взявъ городъ голодомъ, разрушилъ оный почти до основанія, умертвивъ большую часть жителей. Причина сего мщенія была слѣдующая: когда сей могущественный тиранъ послалъ просить себѣ у Регійцевъ въ замужество одну изъ дочерей ихъ гражданъ, они отвѣтствовали, что кромѣ дочери палача, никого не могутъ предложить ему. Въ послѣдствіи, Діонисій обиталъ иногда въ Регіумѣ, гдѣ имѣлъ роскошный садъ. Онъ первый пересадилъ платаны изъ Сициліи на землю Италіи (1).

---

(1) Plin. L. XII. c. 9. Геродотъ говоритъ, что въ Регіумѣ дѣлали удивительной легкости обуви и одѣянія — изъ шакъ называемой *рыбьей шерсти*, т. е. изъ нѣкоего пуха, который выростаетъ на раковинахъ.

Здѣсь родились Историки: Гипіасъ и Ликусъ. — Гипіасъ жилъ въ царствованіе Дарія и Ксеркса (425 до Р. Х.) Онъ первый писалъ Исторію Сициліи и о происхожденіи народовъ Италіи. Ликусъ, отецъ поэта Ликофрона, жилъ во время Птоломея Лага, въ 115 олимп. (320 л. до Р. Х.) Онъ написалъ исторію Ливіи и Сициліи.

Но главную славу Регіума составляетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ Греческихъ Лириковъ, славный *Ивикъ*, процвѣтавшій за 552 года до Р. Х., въ третій годъ 56-й Олимпіады, во время царствованія Креза, Царя Лидійскаго. Онъ былъ достойнымъ современникомъ Анакреона, и пѣлъ любовь и радость. Сей любимецъ Музъ, во время путешествія своего въ Самосъ, былъ остановленъ разбойниками и умерщвленъ. Разсказываютъ, что не находя спасенія отъ смерти, онъ обратилъ взоры на небо и увидѣвъ пролетающую стаю журавлей, угрожалъ убійцамъ, что птицы сіи будутъ его отмстителями. Провидѣніе исполнило сіе предсказаніе. Однажды сіи самые убійцы, находясь на торговой площади Коринѳа, увидали пролетающихъ по воздуху журавлей: вотъ отмстители Ивика, сказалъ одинъ изъ нихъ другому, смѣючись. Нѣкто изъ предстоящихъ, услыша внезапно сіи слова и пораженный славнымъ именемъ Ивика, донесъ о томъ Правительству; убійцы были схвачены, признали вину свою и получили достойное наказаніе. Любителямъ Поэзіи извѣстна прекрасная баллада Шиллера: die Kraniche des Ibycus, извлеченная изъ сего происшествія. Ивикъ осно-

валъ особый родъ поэзіи, который назывался: Ивиковыми пѣснями, — и изобрѣлъ музыкальный инструментъ, *Самбуку*.

Вступивъ въ Регіумъ, первый предметъ, представившійся мнѣ, была церковь правильной Италіянской архитектуры, на фронтонѣ коей сіяла Латинская надпись изъ дѣяній Апостоловъ: Regium intervenimus, *пріидохомъ въ Регію*, — напоминающая единодневное пребываніе здѣсь Св. Апостола Павла, приплывшаго изъ Сиракузъ. (1)

Идущая отъ сей церкви длинная улица, называемая: il corso, — правильна и красива; но это единственное украшеніе Регіума, который сохраняетъ ужасные слѣды послѣдняго землетрясенія. Вездѣ груды развалинъ, улицы загромождены новыми матеріялами; вездѣ видны начатыя зданія близъ поверженныхъ; всѣ сіи предметы раждаютъ печальныя мысли о несчастіяхъ постигшихъ сіи прекрасные берега. Турки три раза превращали Регіумъ въ пепелъ.

Калабрійцы ни мало не похожи ни нравами, ни обычаями на Неаполитанцевъ; одна только страсть къ музыкѣ, пѣнію и пляскѣ, сближаетъ ихъ вмѣстѣ. Характеръ ихъ твердъ; а привѣтливость и гостепріимство ихъ, напоминаютъ то что говоритъ о нихъ Горацій. (2)

---

(1) Дѣян. Апос., гл. послѣд., ст. 13.

(2) In Epist. — Я говорю здѣсь о городскихъ Калабрійцахъ; что-же касается до народа, живущаго во внутренности сей страны, то онъ почти столь же дикъ, суровъ и необразованъ, какъ новооткрытые островитяне. Я буду имѣть случай говорить о семъ

Отсюда видимо бываетъ во всей красотѣ знаменитое воздушное явленіе, называемое *Fata Morgana* (волшебница Моргана). Въ жаркіе дни пары, подымающіеся изъ моря, образуютъ надъ берегомъ Мессины тонкій облачный покровъ и составляютъ въ атмосферѣ горизонтальныя призмы, коихъ поверхность отражаетъ какъ въ зеркалѣ, земные предметы. Вся Мессина съ башнями, садами и селеніями, ея окружающими, виднѣется на воздухѣ. Это бываетъ по большей части за нѣсколько минутъ до восхожденія солнца, или въ полдень; явленіе продолжается до 10-ти минутъ; послѣ чего пары разрѣшаются и разносятся по воздуху. — Что касается до меня, то я долго сидѣлъ, въ ожиданіи сего явленія, въ одной прекрасной бесѣдкѣ, на набережной; день былъ чрезвычайно жарокъ; наконецъ я увидѣлъ нѣкоторое туманное сгущеніе въ атмосферѣ надъ Мессиною; туманъ сей принималъ постепенно оттѣнки различныхъ радужныхъ цвѣтовъ, кои наконецъ приняли столь яркій цвѣтъ, что зрѣлище сіе плѣняло меня нѣсколько минутъ; но не смотря на напряженныя силы моего воображенія, я не могъ различить ничего похожаго на земные предметы; впрочемъ видимое мною удостовѣряетъ меня въ возможности сего явленія. Кромѣ свидѣтельства Плинія, Помпонія-Мелы и другихъ новѣйшихъ авторовъ и путешественниковъ, — изустныя увѣренія жителей Реджіо и Мессины должны по-

---

ца возвратномъ путищ мосмъ въ Неаполь, вдоль береговъ Калабріи.

колебать всякаго невѣрующаго. Бернардень де Сенъ-Пьеръ говоритъ, что знаменитый Вернетъ, его другъ, прогуливаясь однажды въ Аппенинахъ, увидѣлъ въ облакахъ чудесное образованіе города; онъ продолжалъ путь, слѣдуя румбу вѣтра, и вскорѣ пришелъ въ тотъ городъ, коего призракъ онъ видѣлъ въ облакахъ. Тотъ же авторъ разсказываетъ, что онъ зналъ на островѣ Иль-де-Франсе одного человѣка, который различалъ въ облакахъ отраженіе кораблей, плывущихъ въ море и предсказывалъ въ портѣ прибытіе оныхъ. (1) Мнѣ сказывали, что на островѣ Фавиньяно можно видѣть тоже самое зрѣлище.

(1) Harm. de la Nat.

ГЛАВА XXXVIII.

Окрестности Реджіо. — Сцилла. — Отплытіе изъ Сицилии.

E la bella Trinacria che caliga
Tra Pachino e Peloro sopra l'golfo
Che riceve da Euro maggior briga . . .

(*Dante, Par.* VIII.)

Я сказалъ, что внутренность города Реджіо печальна; но за то, какая природа въ его окрестностяхъ! Какое высокое понятіе даетъ объ Италіи сей входъ въ оную! Я употребилъ все время послѣ обѣда на прогулку, и провелъ почти весь вечеръ на крутизнѣ высокой горы, послѣдней изъ цѣпи Аппениновъ. Подъ ногами моими развертывалась долина столь живописная, столь роскошная, что едва-ли кисть пламеннаго художника выразитъ разнообразіе красотъ ея. Весь этотъ край составленъ изъ холмовъ и враговъ, одѣтыхъ платанами, лимонными, лавровыми, апельсинными и шелковичными деревьями, разныхъ оттѣнокъ. Тихая рѣчка течетъ вдоль искривленныхъ береговъ, отражая нагнувшіяся деревья; она, то скрывается подъ ихъ густыми занавѣсами, то опять появляется, блестящая лучами солнца. Нѣсколько высокихъ пальмъ, помавая великолѣпными главами,

возвѣщаютъ блаженныя страны Юга. Нѣкоторыя изъ нихъ, растущія на берегу моря, прелестно рисуются по голубому полю водъ. Какъ прекрасенъ отсюда видъ Мессинскаго пролива! — Стѣсненный Италіею и Сициліею, онъ примѣтно разширяется и образуетъ наконецъ Эгейское море, коего безпредѣльность сливается съ горизонтомъ.

Но взгляните теперь на Сицилію: какъ она великолѣпно встаетъ изъ волнъ! Замѣтьте различные оттѣнки синихъ горъ ея, которыя, отходя далѣе и далѣе во глубь перспективы, увѣнчаны лазоревою громадою Этны; она разстилается огромнымъ шатромъ по всему острову; межь тѣмъ, какъ клубы дыма вьются изъ надъ-облачной вершины ея по нѣжному небу. Берегъ Мессины, менѣе отдаленный, позволяетъ различать бѣлѣющіяся зданія города, кои восходятъ амфитеатромъ по скатамъ многороднаго Пелора. Окриленныя суда безпрестанно плаваютъ по морю, какъ лебеди; далѣе, выходятъ мало по-малу изъ бездны, мачты далекихъ кораблей. Взоры мои старались обнять вдругъ всѣ красоты сей картины, и всегда невольно останавливались на дымящейся Этнѣ; — я узнавалъ живописныя скалы Алессо и Таормины, угадывалъ роскошный берегъ Кампаніи и вотще искалъ пустынныхъ холмовъ Сиракузъ...

Нѣсколько хижинъ разбросано на лучшихъ пунктахъ сего ландшафта; — многія заросли виноградными лозами и плющемъ, вьющимися по стѣнамъ и деревьямъ. Молодыя поселянки, въ бѣлыхъ

покрывалахъ, развѣваемыхъ легкимъ вѣтромъ, бродятъ, какъ нимфы, по рощамъ и лугамъ. Я хотѣлъ видѣть — и видѣлъ, не Калабрію, но *Великую Грецію.* (1) Идущій по пути старецъ, съ посохомъ въ рукахъ, казался мнѣ Ивикомъ, идущимъ съ вдохновеніями Аполлона, на знаменитыя Истмійскія игры,

Aus Regium, des Gottes voll
(*Schiller.*)

На другой день, я намѣревался на разсвѣтѣ отплыть изъ Реджіо въ Сциллу, чтобы ранѣе возвратиться въ Мессину; но городское правительство заставило меня очень долго дожидаться моего паспорта: ибо нельзя, безъ свидѣтельства отъ карантина, пристать даже изъ Мессины въ Реджіо и обратно. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, съ крѣпкимъ вѣтромъ мы направились въ Сциллу. Проливъ начиналъ сильно бушевать; мы принуждены были спустить парусъ, и гребцы мои, противясь съ большимъ трудомъ увлекающему теченью, держали къ самому краю отлогаго берега, вдоль коего были расположены цѣлыя семейства рыбаковъ, съ своими мрежами. Приближась къ устью небольшой рѣчки, я былъ прельщенъ необыкновенною красотою одной дѣвушки, мывшей платье; трудно видѣть что-нибудь прелестнѣе сей юной Калабрійки: вѣтеръ разбрасывалъ черную ея косу по бѣло-снѣжнымъ плечамъ; розы горѣли на ланитахъ:

(1) Древнее наименованіе Калабріи.

Ella tenea la vesta in su raccolta,
Per non bagnarla . . . . . .
Per le spalle la chioma iva disciolta,
E l'aura le facea lascivo assalto.
. . . . . .
Ella volgea i begli occhi a terra in vano . . . (1)

(*Ariosto. Orl. f.* c. VIII, *ott.* 36 — 37.)

Я съ нею промѣнялъ столько словъ, сколько можно было проговорить съ тихо-плывущей лодки, — и она мелькнула въ моихъ глазахъ, какъ Наяда, едва выплывшая изъ волнъ и тутъ же исчезнувшая въ оныхъ.

Вскорѣ волненіе усилилось, море страшно бушевало отъ порывистаго вѣтра, и черныя скалы Сциллы предстали мнѣ въ самомъ ужасномъ видѣ, какъ бы нарочно для того, чтобъ я могъ ихъ свѣрить съ грознымъ описаніемъ Гомера. Главная скала, возвышенная болѣе, нежели на 500 тоазовъ, вдалась въ море и образуетъ мысъ; вкругъ нея разсѣяно нѣсколько мѣлкихъ утесовъ, коихъ черные уродливые верхи, выходя изъ безпрестанно-пѣнящихся волнъ, въ самомъ дѣлѣ похожи на чудовищь; они-то суть главы псовъ, составляющія поясъ алчной Сциллы; — ужасный

(1) Одежду отъ воды она
Тихонько подбираетъ;
Коса вкругъ плечь распущена
И съ ней Зефиръ играетъ . . .
Вотще, стыдливая, къ землѣ
Склоняетъ свѣтлы очи, —
Они прозрачныхъ струй въ стеклѣ
Блестятъ, какъ звѣзды ночи . . . .

ревъ ударяющаго объ нихъ моря, выражаетъ лай сихъ жадныхъ животныхъ. — Когда мы входили въ опасную пристань Сциллы, то буря увеличивалась; ни одно судно и ни одинъ корабль не дерзали тогда показываться вблизи оттуда. Въ такіе часы, Сцилла равно опасна, какъ и во времена Гомера. Мы сами начинали безпокоиться, хотя уже и были въ пристани, которая нѣсколько защищена отъ порывовъ моря, самою скалою Сциллы; но не менѣе того, матрозы медлили приблизиться къ землѣ, боясь, чтобъ разбивающіяся волны не разрушили нашей лодки — и равно опасались отдалиться. Въ семъ недоумѣніи, хлынувшая волна все рѣшила; она бросила насъ далеко на песокъ и съ ревомъ отступила, оставя насъ съ опрокинутой лодкой. Мы всѣ поблагодарили сію грозную, но услужливую волну, и съ большою радостью увидѣли себя на твердой землѣ, ускользнувшихъ изъ когтей Сциллы.

Отдохнувъ нѣсколько на низменномъ берегу и осушась въ одномъ изъ рыбачьихъ домовъ, шутъ построенныхъ, я поспѣшилъ осмотрѣть городъ Сциллу, ознаменованный столькими несчастіями. Городъ сей построенъ весьма живописно; онъ одѣваетъ весь скатъ грозной скалы, коей мрачная вершина увѣнчана укрѣпленнымъ замкомъ, съ маякомъ. Большая бѣдность видна во внутренности города; по крутымъ, узкимъ и неопрятнымъ улицамъ досшигъ я наконецъ замка, коего стража состоитъ изъ пяти или шести инвалидовъ, при двухъ или трехъ чугунныхъ пушкахъ. На самой

конечности скалы, нависшей надъ моремъ, сооруженъ памятникъ одному офицеру, погибшему здѣсь отъ землетрясенія: онъ напоминаетъ гробницы или саркофаги древнихъ героевъ, воздвигаемые на высокихъ берегахъ моря и привѣтствуемые кликами мимо-плывущихъ мореходцевъ. Но сей полуразрушенный замокъ являетъ ужасные слѣды землетрясенія 1783 года 5 Февраля, одѣвшаго на долгое время глубокимъ трауромъ цвѣтущіе берега Калабріи и Мессины. Такъ какъ землетрясеніе сіе есть одно изъ ужаснѣйшихъ, я постараюсь начертать оное.

Нѣсколько часовъ прежде перваго удара, предвѣстника гнѣва небесъ, тусклая занавѣса зной-ныхъ паровъ одѣла вѣчно-ясное небо Сициліи, и тяжкій запахъ сѣры наполнилъ атмосферу. Толпящіяся стаи псовъ, стекались на берегъ бушующаго моря и наполняли воздухъ страшными завываніями. Ртуть въ барометрѣ начала быстро двигаться, и магнитная стрѣлка, забывъ вѣчное повиновеніе полюсу, пришла въ безпорядочное круженіе. Вздрогнули сердца людей отъ сихъ несомнѣнныхъ признаковъ ихъ бѣдствія. Мессина сдѣлалась начальною жертвою. Съ первымъ ударомъ разразившимся въ нѣдрахъ земли, лучшая часть города, съ страшнымъ трескомъ, пала внезапно во прахъ — и покрыла своими развалинами болѣе осьми-сотъ человѣкъ, которые еще не знали грозящей имъ судьбы! Вопли и клики пораженныхъ сполъ нежданнымъ бѣдствіемъ жителей, стоны умирающихъ, самовольный звонъ потрясенныхъ

колоколовъ, какъ бы возвѣщающихъ послѣдній день, (1) огласили вдругъ окрестности Мессины и достигли чрезъ ревущій проливъ, до испуганнаго слуха Калабрійцевъ. Устрашенный народъ стремился волнами изъ всѣхъ воротъ города, оставляя свои домы и сокровища . . . . Бѣдныя матери! бѣдные супруги! кто выразитъ мѣру вашихъ несчастій? Ваша нѣжность удвоивала оныя для васъ и ускоряла вашу погибель! Но опустимъ занавѣсу на сіе нестерпимое зрѣлище! Въ самое сіе время заревѣла ужасная буря, — подземные удары, раздирающіе землю, не прерывались отъ полудня до 5-ти часовъ, разрушая пышную Мессину. Въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ несчастные Мессинезцы, скитаясь подъ открытымъ небомъ въ долинахъ и горахъ Пелора, были ежедневными свидѣтелями постепеннаго разрушенія своего города, между тѣмъ какъ въ Калабріи, четырнадцать городовъ и около двухъ сотъ селеній испытывали почти ту-же участь... Но 28-й день Марта довершилъ гибель Мессины и повергнулъ въ бездну золъ Сциллу. Перенесемся теперь туда:

Злосчастные жители Сциллы, видя ужасную скалу свою потрясенною въ основаніи, видя падающія съ ея ребръ зданія въ бездны моря, искали пристанища на низменномъ берегу. Переселясь на суда съ измѣняющей имъ земли, они довѣрились свирѣпой стихіи. Съ наступившей ночью, пред-

(1) . . . Aeternam timuerunt saecula noctem.

(*Virg. Georg.* L. I.)

вѣстницею мрака смерти для многихъ; — одна часть скалы пала съ громовымъ трескомъ въ волны. Это было пагубное знаменіе для раздора стихій. Опхлынувшее и возмущенное въ своихъ глубинахъ море, образовавъ водяную гору, обрушилось на спонущій берегъ и въ одно мгновеніе около полуторы тысячи несчастныхъ, довѣрившихся въ трепетѣ безчувственнымъ волнамъ, увлечены были съ судами въ морскія бездны... Тогда сіе мѣсто земнаго шара представляло такое зрѣлище, опіъ коего отказывается воображеніе! Казалось, что нѣкая комета налетѣвъ на земный шаръ, прекратила его существованіе въ первобытный хаосъ. Море оставило предѣлы свои и вздымаясь на неимовѣрную высоту, обрушивалось на разступающуюся землю и проникало въ средину ея областей. Нѣсколько кораблей, стоящихъ даже въ гавани, пошли на дно! Сколько жертвъ поглотила въ сей день ожесточившаяся Природа!

И ты прекрасная Косима, и ты Проперцій, (1) великодушный юноша; милая чета, коихъ любовь долженствовала быть на другой день увѣнчана свѣтлымъ Гименеемъ, — и вы погибли въ сіи, часы гнѣва небеснаго! Ужасная волна увлекала уже препещущую Косиму съ наводненнаго берега, въ то время, какъ можетъ быть, имя Проперція замирало на устахъ ея; но въ тоже мгновеніе отчаянный юноша, примчавшійся быстрѣе молніи на

(1) Имена сіи не вымышлены.

спасеніе своей милой, держалъ уже ее въ своихъ объятіяхъ, съ тѣмъ, чтобы перенести ее на ближнюю ладью: какъ вдругъ огромнѣйшій прежняго валъ, смылъ ихъ съ берега и бросилъ на одну изъ острыхъ подводныхъ скалъ Сциллы. Вся сила удара поразила Проперція; едва опамятовавшаяся Косима, увидѣла уже въ своихъ объятіяхъ одинъ только трупъ; — движимая любовью и отчаяньемъ и увѣрившись въ его смерти, она развязала свой дѣвственный поясъ и привязавъ себя къ милому трупу, повергласъ въ пучину. . .

Въ сіи дни ужаса, Этна, скрытая причина всѣхъ злосчастій, хранила адское молчаніе. Землетрясенія болѣе или менѣе сильныя, продолжались до конца Маія, то есть, почти четыре мѣсяца; по окончаніи оныхъ, долины Калабріи и Мессины представляли самую поразительную картину опустошенія, коего слѣды до сихъ поръ еще не совсѣмъ изгладились; — безмолвіе смерти водворилось въ сей странѣ, лишившейся почти сорока тысячь жителей. Города, селенія, скалы, лѣса, лежали поверженные въ грудахъ; глубокія трещины раздирали землю; — вѣковѣчный гранитъ, погребенный въ ея нѣдрахъ опъ начала міра, увидѣлъ свѣтъ; а тотъ, который былъ свидѣтелемъ разцвѣтающей земли, — низвергся на всегда на дно морскихъ пропастей!

Должно отдать справедливую похвалу Неаполитанскому Правительству за человѣколюбивыя мѣры, принятыя тогда онымъ для облегченія

участи осиротѣлыхъ жителей Калабріи и Мессины — и за быстрое возобновленіе сего города.

Я принужденъ былъ, по причинѣ бури, оспаться въ Сциллѣ до вечера. Хотя тогда непогода и утихла, но море еще не успокоилось и волненіе было сильно. Просьбы матросовъ возвратиться въ Мессину, рѣшили меня. Желая въ послѣдній разъ взглянуть на свирѣпыхъ псовъ Сциллы, я объѣхалъ кругомъ грозный мысъ, и хотѣлъ, презирая гнѣвъ чудовища, выдти на одну изъ подводныхъ скалъ, но свирѣпая Сцилла не допустила меня до сего. Волненіе было слишкомъ велико, чтобъ можно было приступить къ нимъ безъ опасности; ревъ разбивающихся волнъ оглушалъ насъ; но опасаясь подвергаться долѣе мстительному чудовищу, — мы подвязали парусъ и быстро направились въ Сицилію къ бѣлѣющей Фаросской башнѣ. Не безъ опасности быть опрокинуты волнами, вошли мы наконецъ, черезъ часъ плаванія, въ тихую гавань Мессины, которая разительно противурѣчила безпокойствію моря. Мы вышли близъ одной части великолѣпнаго зданія Палацаты, сохранившейся еще въ томъ ужасномъ видѣ, въ какой ее привело землетрясеніе. Съ сумерками, былъ я уже въ своей гостинницѣ, гдѣ ожидали меня мой товарищъ и любезный нашъ Консулъ, съ коими я скоро забылъ усталость и опасность конченнаго мною плаванія.

Межъ тѣмъ день отплытія нашего изъ Сициліи былъ назначенъ; по совѣту нашего Консула, мы наняли большую сперонару съ искусными моряками, для возврата въ Неаполь вдоль береговъ

Калабріи. Опытность Мессинезцевъ въ мореплаваніи, ручалась намъ за успѣхъ сего пути. Сверхъ того, желая быть хозяевами нашего судна и посѣтить Эоловы острова, мы рѣшились предпочесть сперонару купеческому кораблю.

Мы оставили Сицилію въ прекрасный вечеръ; но едва приблизились къ Фаросу, какъ сгустившіяся тучи надъ черными верьхами Сциллы, возвѣстили бурю. Мореходцы наши, хотя весьма дерзскіе, не дерзнули подвергаться въ темнотѣ ночи невѣрности сихъ страшныхъ водъ: и для того, мы провели ночь подъ защитою песчанаго мыса Пелора, внимая вой разъяренной Сциллы. Съ разсвѣтомъ буря утихла, и мы на всѣхъ парусахъ полетѣли по направленію къ Калабрійскому мысу *Ватикано*. По мѣрѣ, какъ берега Сициліи бѣжали отъ глазъ моихъ, великолѣпная Этна съ дымящимся челомъ своимъ, одѣтая тусклою синевою, начинала болѣе и болѣе возноситься надъ гористымъ островомъ. Прощальные взоры мои долго устремлены были на исчезающія берега Тринакріи! . . .

Пирръ, отплывая изъ Сициліи, воскликнулъ глядя на сей прекрасный островъ: „какое роскош„ное поприще войны оставляемъ мы Карѳаген„цамъ и Римлянамъ!“ А я думалъ про себя: „съ ка„кою природою разстаюсь я! — съ какими вдохно„веніями!“

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

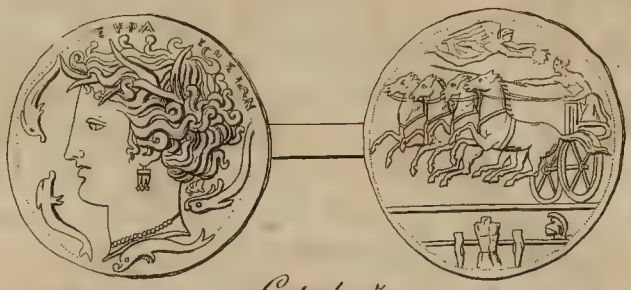
I-й ЧАСТИ.

Напечатано:	Читай:
Стран. — Стр.	
24 — 4. собственныя свои	собственныя ея
73 — 8. бенегъ	берегъ
103 — 15. разсѣкаютъ	раздираютъ
134 — 25. красоть	красота
153 — 28. ребрамъ	скатамъ
158 — 3. *термахъ*	*термахъ*
194 — 16. ребрахъ	стѣнахъ
210 — 23. *Vivat il Reela*	*Vivat il Re e la*
213 — 21. осталась	пребыла
240 — 28. гуозная	грозная
— — 29. sedes.	sedes
242 — 8. la evum	laevum

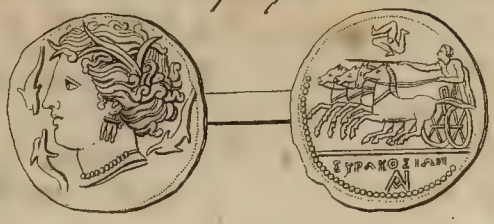
II-й ЧАСТИ.

9 — 28. Венерѣ,	Св. Венерѣ,
15 — 3. doye	dove
51 — 10. на западѣ	на югѣ
54 — 14. называютъ здѣсь весьма странно:	называютъ:
— — 16. *кроватьяхъ*	*ложахъ* 1.)
66 — 19. въ атмофсерѣ;	въ атмосферѣ;
222 — 9. нниманія.	вниманія.

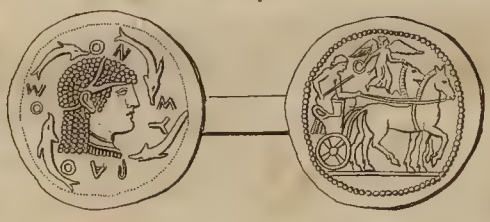
(1) См. § 33. Изъясненія плана Сиракузъ.



Сиракузъ.



Сиракузъ.



Наксоса.